

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Омский филиал**

На правах рукописи

Татауров Филипп Сергеевич
**ВЕЩЬ КАК ОСНОВА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-
КУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ
СИБИРИ КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
XVIII ВЕКА.**

Том 1.

Специальность – 07.00.06 – археология.

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
кандидат исторических наук, доцент
Сергей Семёнович Тихонов

2017 Омск

Содержание

Введение.	4–20
Глава 1. ВЕЩЬ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА РУССКИХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ.	21–52
1.1. История археологического изучения материальной культуры русского населения Западной Сибири.	22–37
1.2. История изучения социальных отношений в русском обществе Западной Сибири конца XVI – первой половины XVIII века по материалам письменных источников.	37–52
Глава 2. ЗНАЧЕНИЕ ВЕЩИ В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА.	53–75
2.1. Определение понятия «вещь» в контексте социально-культурного облика населения Западной Сибири XVII – первой половине XVIII века	54–60
2.2. Систематизация статусных вещей из археологических памятников	60–77
Глава 3. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РУССКОГО ОБЩЕСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА	78–111
3.1. Высший слой русского общества Западной Сибири в конце XVI – первой половине XVIII века	80–86
3.2. Средний слой русского общества Западной Сибири в конце XVI – первой половине XVIII века	86–103
3.3. Низший слой русского общества Западной Сибири в конце XVI – первой половине XVIII века	103–111
Глава 4. СТАТУСНЫЕ ВЕЩИ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ	112–145

ОБЛИКЕ РУССКОГО СИБИРЯКА КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

4.1. Жизненное пространство русского населения Западной Сибири в конце XVI – первой половине XVIII века, как составная часть социально-культурного облика	113–124
4.2. Личный вещевой комплекс в социально-культурном облике русского Западной Сибири в конце XVI – первой половине XVIII века	124–145
Заключение	146–151
Список источников	152–155
Список литературы	155–177
Приложение. Сборник иллюстраций (отдельный том)	1-46

Введение

В современной отечественной науке в последние годы появляется всё больше исследований, затрагивающих разные аспекты русской культуры Западной Сибири конца XVI – XIX вв. Это связано с накоплением большого количества источников: археологических, исторических и этнографических.

При этом следует отметить, что в работах, связанных с культурой повседневности и социальными отношениями в западносибирском русском обществе, практически не учитывается археологический источник, упор делается, прежде всего, на анализ письменных и этнографических источников [Этнография русского крестьянства Сибири, 1981; Никитин, 1988; Шелегина, 2005]. Но материалы археологических исследований могут существенно дополнить данные, полученные в ходе изучения письменных памятников, а порой и опровергнуть устоявшиеся положения. Как говорил в своей работе, посвященной археологическому источнику, Л.С. Клейн, «в археологии нет возможности проконтролировать путь информации от объектов отражения (т. е. событий, процессов, социальных структур, идеологических представлений и т. п.) до источника (т. е. вещей). Отражаемые здесь объекты не отделены от отражающих приборов (т. е. источников) веками» [Клейн, 1978. С. 63]. Исследователь работает непосредственно с объектом своего изучения, может рассмотреть его, не отталкиваясь от чужих толкований или устоявшихся положений. Одной из главных составляющих археологического источника является вещный комплекс, потому что вещь в культуре любого народа всегда приобретала статус в зависимости от ее функционального назначения и применения: утилитарного, культового или ритуального. Хотя даже сугубо бытовые вещи могут обладать символическим смыслом, отмечал Ю. М. Лотман, говоря, что «область культуры – всегда область символизма» [Лотман, 1994. С. 5-15].

Актуальность работы. Несмотря на то что процесс заселения и освоения русскими Западной Сибири продолжают активно изучать отечественные историки, социальным процессам, происходившим в новом обществе, которое

начинает складываться в Западной Сибири в конце XVI в., до сих пор не уделяется внимания в достаточной мере. Ученые в первую очередь анализируют характер военного и административного присоединения региона к России, рассматривают вопросы обеспечения и развития новых территорий, изучают взаимоотношения русских переселенцев с представителями коренных народов, экономические связи с соседними странами.

К сожалению, исследования социальных отношений русских сибиряков по археологическим данным в список проблем не входят, поскольку археологи эти проблемы изучают на материалах древних и раннесредневековых обществ [Массон, 1976; Иванова, 2001; Социальная структура..., 2005; Матвеева, 2007; Берсенева, 2011], для периода Позднего Средневековья и Нового времени подобных работ не существует, что связано с большим количеством письменных источников по периоду заселения и освоения Сибири русскими.

Конечно, некоторую информацию о том, что представляло собой русское общество Западной Сибири в указанный период, можно найти в письменных источниках XVII – XVIII вв., однако полную картину на их основании сложить трудно. Это объясняется тем, что в дошедших до нас документах имеющиеся данные (описи имущества отдельных поселенцев, ярмарочных товаров в таможенных книгах и т. п.) неполны и фрагментарны.

При изучении вещи, как источника по реконструкции социально-культурного облика русского населения Западной Сибири в изучаемый период необходимо использовать комплексный подход, привлекая данные разных источников, главным из которых мы считаем археологический. Социальные особенности вещного комплекса у определённых социальных групп русского общества Западной Сибири можно определить, лишь объединив данные письменных источников, этнографии и археологии. Это позволит рассмотреть различные стороны хозяйственно-бытовой и духовной культуры и на основании этого реконструировать социально-культурный облик русского сибиряка в конце XVI – первой половине XVIII вв.

Под социально-культурным обликом мы понимаем совокупность

мировоззренческих установок, сложившуюся в конкретном обществе и транслируемую через материальную культуру [Романова, 2013. С. 156].

Трансляция социально-культурного облика происходит двумя путями: через социально-бытовую среду и через имущественный комплекс, характерный для каждого члена конкретной социальной группы. Социально-бытовая среда включает несколько основных сегментов. Во-первых, это жилище, его характеристики (размер, особенности конструкции), детали интерьера, внутреннее убранство. Во-вторых, это комплекс хозяйственных построек, составляющий вместе с жилищем пространство усадьбы. В-третьих, это населенный пункт, в котором располагается конкретная усадьба, причем здесь же учитываются и планиграфические особенности ее размещения на территории поселения. Индивидуальный имущественный комплекс, характерный для представителей тех или иных социальных групп, формируется из предметов личного благочестия, личных вещей повседневного использования (к которым можно отнести, например, курительные трубки), оружия, инструментов и костюмного комплекса (это понятие подробно раскрыто в статье В. Б. Богомолова [2012. С. 33]).

Необходимо отметить, что «формирование социально-культурного облика является, несомненно, общественно значимым и актуальным, поскольку способствует определению базисных социально-культурных характеристик и выработке особенностей прошлого, которые с течением времени окажут влияние на социально-культурное пространство будущего» [Романова, 2013. С. 154].

Именно археология дает нам возможность на основании материальных остатков культуры реконструировать внешний облик человека и среду, которая его окружала. В итоге это позволит выявить характер социальных отношений в западносибирском обществе XVII – первой половине XVIII вв.

Объект нашего исследования – специфическая часть материальной культуры русских Западной Сибири конца XVI – первой половины XVIII вв., характеризующая социально-культурный облик русского населения, проживавшего на данной территории. Материал для ее изучения дали археологические исследования русских памятников.

Предметом исследования является полученный в ходе раскопок русских памятников комплекс вещей, который может быть показателем социального статуса различных групп населения, составляющих русское общество Западной Сибири конца XVI – первой половины XVIII вв. Изучение этих вещей с привлечением данных письменных, изобразительных и этнографических источников позволит нам реконструировать социально-культурный облик русского сибиряка в означенный период.

В контексте нашего исследования необходимо обратить внимание на то, что в русском языке существуют два слова с похожим значением «вещь» и «предмет». В археологической науке чаще используется термин «предмет». Это обозначение принадлежащего давно исчезнувшей археологической культуре артефакта с первоначально неизвестными исследователю функциями. Специфика предметов, полученных в ходе раскопок русских памятников Западной Сибири, в том, что они типологически соотносятся с вещами, которые не вышли из употребления и по сей день, или же сохранилось четкое представление об их функциональных особенностях. Т. е. можно с уверенностью утверждать, что предметы сохранили свои структурно-семиотические функции, а значит, в какой-то мере относятся к вещам, распространенным в рамках существующей культуры русских. Подтверждая это положение, можно привести следующий пример: в ходе раскопок Тарской крепости было обнаружено большое количество кожаной обуви (чирков), прямые аналоги которой, по свидетельству местных жителей, носили их деды и отцы. Иначе говоря, слова «вещь» и «предмет» в нашем исследовании относятся к одному и тому же образованию, которое «представляет собой определенный, относительно независимый и устойчивый результат человеческой активности, который несет в себе информацию о своем создателе и пользователе, играет ту или иную роль в жизни человека, сопровождает его» [Топоров, 1993. С. 70]. Предмет как артефакт, найденный в ходе раскопок, можно изучать, используя инструменты классификации и типологизации, а вещь, как продукт культуры, открывает возможности для ее интерпретации в историческом контексте. Также стоит отметить, что в толковом словаре С. И. Ожегова предметом называется

«всякое материальное явление, вещь», а вещью – «отдельный предмет, изделие» [Ожегов, Шведова, 1997. С.78, 580], т. е. напрямую показана тождественность этих слов в их основных значениях.

Из всего символического круга значений, присущих вещи, мы остановимся только на одном аспекте – социально-статусном, иначе говоря, рассмотрим материальный комплекс русской культуры конца XVII – первой половины XVIII вв. с позиции выявления предметов, фиксирующих статус их владельца и формирующих его социально-культурный облик.

В связи с этим нами выделены следующие критерии статусности вещи:

– функциональное назначение – статусной может считаться вещь, несущая опосредованное хозяйственное (и/или бытовое, жизненно важное) предназначение или не несущее его, приобретаемая подчас в ущерб жизненно важным (и/или бытовым, хозяйственным) нуждам, например, фарфоровая посуда;

– материал – вещь из драгоценных металлов символизирует в обществе не только материальное положение владельца, но и то, что он как представитель определенного социального слоя, имеет полное право владеть этой вещью. К таким предметам мы можем отнести одежду из дорогих тканей, украшения из драгоценных металлов;

– отношение к вещи общества или государства, когда в определенный период под влиянием моды или политики государства тот или иной предмет приобретает особое значение. Этот критерий применим, например, к табакокурению в XVII в., холодному оружию, европейской одежде в начале XVIII вв. и другим вещам, изменившим свое значение и статус в рассматриваемую нами эпоху.

– сословная принадлежность владельца вещи. Некоторые категории предметов были характерны лишь для представителей определенных социальных слоев. Например, оружие, которым могли владеть лишь служилые люди и дворянство, или наперсные кресты, которые могли носить только представители духовенства.

Хронологические рамки определены концом XVI – первой половиной XVIII вв. Это период, начавшийся с военных походов русских отрядов в данный регион

и характеризующийся активным заселением и освоением Западной Сибири. Формируется система расселения: остроги, города, деревни, т. е. основа для складывания социальных групп западносибирского общества. В период конца XVI – первой половины XVIII вв. в Западной Сибири в ходе адаптации к природно-климатическим условиям и взаимодействия с аборигенным населением формируется культура русских сибиряков, а в среде коренных жителей региона утверждаются передовые достижения русской культуры. Этот процесс завершился в середине XVIII в., когда в связи с масштабным переселением на территорию Западной Сибири крестьян из центральной России происходит изменение социальной структуры. Этому способствовало и прекращение военных конфликтов с соседями, в результате чего служилое население фактически стало частью крестьянства. Значительно улучшилось экономическое обеспечение региона в связи с тем, что после отмены последних внутренних таможен экономика Сибири слилась с общероссийской.

Территориальные рамки определяются археологическими памятниками русских, исследование которых проводилось на территории Западной Сибири – от Уральских гор на западе до р. Енисей на Востоке и от Северного Ледовитого океана на севере до северной границы казахской степи и Алтайских гор на юге – именно через эту территорию проходили основные потоки переселенцев из Европейской России, формировавшие этническую группу русских сибиряков. Кроме того, огромная территория Западной Сибири осваивалась русским населением крайне неравномерно и в течение длительного периода. Но именно в этом регионе, сформировалась самобытная русская сибирская культура на стыке принесённой переселенцами культуры, в основе которой лежат восточнославянские традиции; аборигенных культур и культур народов Средней Азии.

Цель диссертационной работы – на основе археологических, письменных и этнографических источников показать значимость вещи для реконструкции социально-культурного облика русского населения Западной Сибири конца XVI – первой половины XVIII вв.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд **задач**:

1) обобщить результаты археологического изучения русских памятников Западной Сибири конца XVI – первой половины XVIII вв. для выделения репрезентативного комплекса категорий предметов, характеризующих социально-культурный облик русского сибиряка;

2) проанализировать круг научных работ, посвященных изучению западносибирского русского общества в XVII – первой половине XVIII вв., для обобщения данных письменных и этнографических источников по проблеме исследования;

3) определить сущность понятия «статусная вещь» и на основе этого систематизировать и формализовать вещи из археологических памятников с точки зрения их значимости в формировании социально-культурного облика;

4) охарактеризовать социальный строй западносибирского общества в изучаемый период и выявить основные факторы, повлиявшие на формирование социально-культурного облика русского сибиряка;

5) на основе археологических, письменных, этнографических и изобразительных источников реконструировать социально-бытовую среду и индивидуальный имущественный комплекс как составные части социально-культурного облика определенных социальных групп западносибирского русского общества в XVII – первой половине XVIII вв.

Методология, подходы и методы. Прежде чем перейти к методологии, рассмотрим место данной диссертационной работы в спектре направлений работ отечественных археологов. Еще в 1993 г. Л. С. Клейн опубликовал результаты анализа развития археологической науки в России, выделив и охарактеризовав семь основных направлений археологического исследования: археологическая история, археологическая этногенетика, археологическая социология, дескриптивная археология, археотехнология, археологическая экология и эшелонированная археология [Клейн, 1993. С. 39–53]

Если говорить о данном диссертационном исследовании, то оно соединяет черты двух направлений. Прежде всего, археологической социологии, поскольку

анализируются статусные предметы и шире – статус людей, которые ими обладали. Однако автор, в отличие от последователей этого научного направления не ставит задачу иллюстрирования исторических положений археологическими материалами. Напротив, в диссертации археологический материал выступает основным источником для подтверждения исторических фактов. В этом смысле работа ближе к направлению «эшелонированная археология», в основе которого лежит многоступенчатое изучение материала.

С момента выделения этих семи направлений отечественная археологическая наука осознала необходимость объективного сочетания разного вида источников, в том числе и синтезированных в письменной форме археологических данных. В конце XX в. в Западной Сибири получило развитие направление археологии русских, в рамках которого появилась возможность сопоставлять полученные при раскопках материалы с данными письменных источников. В диссертационной работе так же используется этот подход.

Для исследований, направленных на изучение бесписьменных обществ и археологических культур неолита – раннего железного века, характерно построение устойчивых типологических рядов, позволяющих предлагать научные гипотезы и реконструкции, не выходя из предметного поля археологии. При таком подходе все прочие источники (лингвистические, письменные, изобразительные) являются сугубо вспомогательными. Л. С. Клейн и его последователи, однако, не рассматривали в своих построениях памятники Нового времени, обладающие уникальной спецификой: многие обнаруженные на них предметы сохраняли свои функции в период этнографической современности, а значит, не отделены от исследователя чередой столетий [Татаурова, 2015].

Из ученых, работающих на сходных с Л. С. Клейном позициях, стоит выделить Ю. Л. Щапову. Она видит главной целью изучения археологических вещей «умение извлекать всю информацию, которую содержат в себе древние вещи» [Щапова, 2000. С. 135]. Для этого, как считает исследовательница, необходимо создать программы нормированного описания вещей, которые

содержат до 200 признаков сходства-различия и позволяют относительно объективно проанализировать вещь, чье бытование отделено от исследователя длительным временным промежутком. Создание баз данных и упорядочивание информации – такими представляются задачи современного вещеведения, которое также опирается на диалектический подход [Щапова, 2000]. Относительно нашего исследования стоит отметить отсутствие необходимости создания особых программ распознавания того или иного археологического предмета, так как его функция хорошо известна как по письменным, так и по этнографическим источникам.

Интересный подход к изучению вещи предложил И. Г. Глушков, утверждавший, что археолог должен «почувствовать» вещь – спрогнозировать на основании одних признаков появление и поведение других» [Глушков, 1996. С. 12]. При этом исследователь должен установить предназначение предмета, алгоритм его изготовления и свойства материала, из которого создается та или иная вещь. В этих трех блоках, по мнению ученого, заложены необходимые основания для реконструкции вещного мира некогда живших людей. Однако, выдвигая ту или иную гипотезу, нужно понимать ограниченность информации, которую дает археологический источник, и надо стремиться, во-первых, к максимальной конкретизации выдвигаемых положений, а во-вторых, к поиску новых источников, дополняющих имеющиеся данные [Глушков, 1996. С. 10–14].

Автор диссертационной работы следует в целом концепции, предложенной И. Г. Глушковым, пытаясь с помощью всего объема доступных источников реконструировать особенности вещевого комплекса русских сибиряков XVII – первой половины XVIII вв., связанные с социальными отношениями внутри этого общества. Предлагаемая модель социально-культурного облика конкретных слоев населения Западной Сибири базируется на археологических материалах, анализ которых проводился как с позиций вещеведения (изучение морфологии и функционального назначения предмета), так и через призму письменных источников, в которых упоминалось об отношении к тому или иному предмету общества и государства в определенный период.

Подводя итог рассмотрения исследовательской процедуры диссертационной работы, отметим, что в направлении «археология русских» в последние годы произошли существенные изменения, на что указывает, в частности, Л. А. Беляев [2014. С. 13–16]. Это связано с накоплением данных и изучением всё новых и новых русских памятников, а также с тем, что методы археологического исследования были адаптированы в соответствии с особенностями полученного в ходе раскопок материала. Эти особенности заключаются в: 1) хорошей сохранности органического материала (тканей, кожи), деревянных изделий и сооружений, а также в том, что русские памятники чаще всего находятся на месте современных населенных пунктов, имеют четкую территориальную и хронологическую локализацию в письменных источниках.

Российские археологи отошли от методологии марксизма в конце 1980-х – начале 1990-х гг., однако на ее место не пришла никакая другая господствующая методология. Сложившуюся в отечественной археологической науке ситуацию подробно рассмотрела О. М. Мельникова. Она проанализировала авторефераты кандидатских и докторских диссертаций, защищенных в 1993-2007 гг., и отметила высокую степень эклектичности научных подходов и методик, предложенных даже в рамках одного научного направления. Только подходов исследователь выделяет семь (самый распространенный из которых – комплексный), 12 научных принципов и более двух десятков конкретных методов. Эта эклектика привела к тому, что археология, не отбрасывая старые методы, «постоянно обогащает арсенал научных методов, в особенности за счет активного освоения междисциплинарного подхода» [Мельникова, 2008. С. 12]. Данная диссертация также отражает определённую эклектику методов археологии и истории, однако в большей мере является всё же археологической работой.

В основу нашего исследования положен системный подход, который дает возможность представить вещественный комплекс, характерный для русского общества Западной Сибири конца XVI – первой половины XVIII вв. как систему. В свою очередь, основываясь на основных положениях системного подхода [Берталанфи, 1969. С. 24–27], мы выделяем среди всего массива предметов,

составляющих вещественный комплекс, категорию статусных вещей как элемент этой системы и в свою очередь вычленим в этой категории элементы низшего порядка. Такой подход позволяет посмотреть на общество в целом и, используя понятие социальной структуры как совокупности устойчивых связей между элементами социальной системы, определить, какую роль играли отдельные элементы в формировании социально-культурного облика русского общества в Западной Сибири в изучаемый период.

Рабочими инструментами нашего исследования являются четыре конкретных метода: типологический, сравнительно-исторический, метод аналогий и ретроспективный метод.

1) *Типологический*. Категория статусных вещей представляет собой достаточно большой массив археологического материала, поэтому для удобства работы и для выявления групп предметов по признакам функционального назначения, морфологии и значимости в изучаемом обществе нами был использован этот метод в трактовании, предложенном Л. С. Клейном [Клейн, 1991]. Основанием для его выбора стало то, что исследователь, используя типологический метод, сосредотачивается на содержательной стороне группирования, на возможности выявить глубинные структуры материала, места объектов в системе, их значимость, соотношение выделенных типов с реально существовавшей культурой.

2) *Сравнительно-исторический*. В исторических и археологических исследованиях этот метод выступает универсальным способом познания действительности. Он позволяет изучить и сопоставить группы статусных вещей на различных территориях и в разные временные промежутки, помогая установить причинно-следственные связи и определить характер изменения в социальном восприятии конкретных категорий предметов.

3) *Метод аналогий*. В связи с неполнотой и фрагментарностью археологических источников в исследовании не обойтись без этого метода, основанного на сходстве объектов по их существенным свойствам, когда знание о достаточно хорошо изученном объекте переносится на менее изученный.

Возможность привлечения аналогий обоснована высокой степенью сохранения традиций в русской культуре в целом и в вещевом комплексе в частности.

4) *Ретроспективный метод*. Основанный на установлении обратной связи явлений, этот метод особенно действенен в сочетании с археологическими исследованиями, так как позволяет рассмотреть процесс формирования и изменения социального статуса определенных слоев населения на протяжении обозначенного периода, понять принцип формирования критериев статусности вещи.

Кроме того, в нашей работе мы придерживаемся следующих общенаучных принципов:

– *историзма*, позволяющего изучать социально-культурные явления в динамике их изменения, становления во времени, связывая предмет нашего исследования с конкретно-историческими условиями его существования;

– *объективности*, который обязывает изучать объективные закономерности, определяющие процессы общественно-политического развития с опорой на факты в их истинном содержании. Этот принцип позволяет рассмотреть каждое явление в его многогранности и противоречивости.

Характеристика источников. Переходя к описанию источников, необходимо остановиться на нескольких основополагающих для данной диссертационной работы моментах. В работах Л. С. Клейна обоснована необходимость двойной кодировки археологического источника: 1) анализ археологического предмета с позиций формы, материала, особенностей использования; 2) перевод этого источника в соответствии с полученными результатами в буквенную форму для интерпретации его в историческом контексте [Клейн, 1978. С. 79-80; 1993. С. 50-52].

Важным представляется то, что Л. С. Клейн при написании теоретических трудов работал в основном с материалами культур эпохи бронзы (прежде всего катакомбная), которые изучал на протяжении долгого периода [Клейн, 2007]. Учитывая то, что при изучении древностей этого периода, практически невозможно опереться на другие источники, кроме археологических, на первый

план и выходит тщательный анализ предмета, полученного в ходе раскопок и перевод его как источника в буквенную форму.

Как уже упоминалось ранее, перед нами не стоит необходимости такой двойной кодировки, что связано с рядом факторов: 1) изучаемая «археологическая» культура русских, эволюционировав, сохранилась до периода этнографической современности вместе с языком и традициями; 2) значительная часть вещей не вышла из употребления до этнографической современности; 3) есть описания функций ряда предметов в письменных источниках. В связи с этим можно говорить об особом характере археологического источника, который изучается в диссертации.

Научная база настоящей работы формируется из нескольких групп источников.

Первая группа – материалы археологических исследований русских памятников Западной Сибири конца XVI – первой половины XVIII вв. Они включают наблюдения, сделанные непосредственно в ходе раскопок, результаты изучения коллекций, отчетов об исследованиях конкретных памятников и публикации результатов археологических изысканий.

1) Автором изучены археологические коллекции русских городов Западной Сибири: Тобольска – Верхний посад (раскопки А. В. Матвеева 2007–2013 гг.), Томска – Томский кремль (раскопки М. П. Черной 2002 – 2007 гг.), Березовского городища (раскопки Г. П. Визгалова 2004 – 2007 гг.), городища Мангазеи (раскопки Г. П. Визгалова 2001 – 2010 гг.), городища Старотуруханск (раскопки Г. П. Визгалова 2010 г.), г. Тары – Тарский кремль (раскопки С. С. Тихонова, С. Ф. Татаурова 2009 – 2016 гг.), г. Омска – Первая Омская крепость (раскопки Н.В. Телятниковой 2014 – 2015 гг.). Кроме этого, были проанализированы коллекции с русских памятников сельского населения Омского Прииртышья: Бергамакский острог – памятник Бергамак-I (раскопки Л. В. Татауровой, С. Ф. Татаурова 1996, 1998 гг.), Изюк – памятник Изюк-I (раскопки Л. В. Татауровой 1999-2004 гг.), Ананьино – памятник Ананьино-I (раскопки Л. В. Татауровой 2005, 2010-2016 гг.).

2) Проанализированы отчеты о полевых исследованиях сельских комплексов

русского населения [Татаурова, 2000а, 2001, 2002, 2003, 2005, 2006, 2012, 2013, 2014], отчеты об археологических исследованиях в г. Тара [Татауров С. Ф., 2009, 2010, 2012а; Тихонов, 2013а, б, в, 2014, 2016а, б]. Диссертант принимал участие в раскопках памятников Изюк-I, Ананьино-I (руководитель работ Л. В. Татаурова), Тарской крепости (руководитель работ С. С. Тихонов, С. Ф. Татауров), Первой Омской крепости (руководитель работ Н. В. Телятникова). Автор выражает глубокую признательность и благодарность авторам раскопок за возможность использования неопубликованных материалов.

3) Значительное количество информации по теме исследования дают монографии, представляющие собой масштабные публикации археологического материала из Верхотурья [Корчагин, 2001], Томска [Черная, 2002, 2015], Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2008а; Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2008], Умревинского острога [Бородовский, Горохов, 2009].

Вторая группа – письменные источники, представленные архивными материалами и опубликованными документами, освещающими различные аспекты социально-экономической жизни русского общества Западной Сибири в конце XVI – первой половине XVIII вв.

Архивные документы автор изучал в Историческом архиве Омской области, где были проработаны фонды № 1, 2, 3 – документы органов государственного управления Сибирью в 1768 – 1890 гг., а также фонд 408 – документы из Тарского уездного казначейства, относящиеся к 1736 – 1810 гг. Основную часть этих фондов составляют циркуляры, промемории и личная переписка. Несмотря на то что в ходе работы с документами была получена лишь отрывочная информация о доходе и благосостоянии различных категорий русского сибирского населения, а также об ассортименте товаров на ярмарках Западной Сибири, эти сведения представляют ценность, так как являются непосредственными свидетельствами происшедших в изучаемый период событий, в том числе и социальных.

В ходе работы автор обращался к публикациям ряда архивных документов, прежде всего, к запискам путешественников по Сибири, написанным в конце XVII – первой половине XVIII вв. К таким можно отнести труды Н. Витсена

[2010], С. П. Крашенинникова [1949; Титова, 2003] и Н. Г. Спафария [2010]. В эту группу источников нами включены публикации исследователей Сибири первой половины XVIII в.: Г. Ф. Миллера [1999, 2000, 2005], И. Г. Георги [2007] и П.С. Палласа [1989]. Для нашего исследования эти труды интересны не только как свидетельства современников, но еще и потому, что в них содержится большое количество исторических документов, гравюр и чертежей, относящихся к изучаемому периоду.

Используемые в диссертационном исследовании археологические источники по объему и качеству информации являются базовыми при решении поставленных задач, данные остальных источников используются лишь для уточнения и конкретизации защищаемых положений.

Научная новизна. Настоящая работа – это первое подробное исследование, в котором на основании археологического материала раскрывается сущность вещи как основного источника по реконструкции социально-культурного облика русского сибиряка конца XVI – первой половины XVIII вв. Несмотря на то что социальный строй древних обществ неоднократно становился предметом научного исследования, изучение социумов периода позднего Средневековья и Нового времени по археологическим данным до настоящего времени не проводилось.

В ходе работы была проанализирована значительная коллекция предметов материальной культуры русских сибиряков: посуда, костюмный комплекс (одежда, обувь, украшения, аксессуары), оружие, детали интерьера жилища. На основе материала, полученного в ходе археологических исследований русских памятников Западной Сибири, была разработана подробная классификация имеющихся предметов.

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования позволяют представить вещи из археологических памятников в качестве маркирующих элементов в социально-культурном облике русского населения Западной Сибири в указанный период. Полученные реконструкции могут быть использованы при подготовке монографий, научных статей, учебных

пособий, курсов лекций по истории Сибири, создании музейных экспозиций.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Достоверность результатов диссертационного исследования подтверждается достаточным количеством наблюдений, современными методами исследования, которые соответствуют поставленным в работе целям и задачам. Научные положения, выводы и рекомендации, сформулированные в диссертации, подкреплены убедительными фактическими данными, наглядно представленными в приведенных таблицах и рисунках.

Положения настоящего исследования были представлены в материалах научных докладов на всероссийских и международных конференциях в Омске (IV Всероссийская конференция (с международным участием) «Культура русских в археологических исследованиях», 2011; IX и X Международные научно-практические конференции «Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития», 2012, 2014; Международная научная конференция «Творчество в археологическом и этнографическом измерении», 2013), Новосибирске (LII региональная (VII Всероссийская) конференция студентов и молодых ученых, 2012), Красноярске (LI Региональная (VII Всероссийская) и LIV Региональная (IX Всероссийская) археолого-этнографические конференции студентов и молодых ученых, 2011, 2014), Иркутске (L Региональная (V Всероссийская) археолого-этнографическая конференция студентов и молодых ученых, 2010), Владивостоке (LIII региональная (VIII Всероссийская) археолого-этнографическая конференция студентов и молодых ученых, 2013), Казани (IV (XX) Всероссийский археологический съезд в Казани, 2014), Тюмени (V Международная конференция «Культура русских в археологических исследованиях, 2014), Томске (XV Международная Западносибирская археолого-этнографическая конференция «Западносибирское археолого-этнографическое совещание», 2010).

Основное содержание диссертационной работы отражено:

– в двух коллективных монографиях: «Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша» [Тара в XVI–XIX веках..., 2014] и «Адаптация

русских в Западной Сибири в конце XVI–XVIII в. (по материалам археологических исследований)» [Адаптация..., 2014], отдельные разделы которых посвящены рассмотрению социального облика русских сибиряков в конце XVI – первой половине XVIII вв.;

– в пяти опубликованных статьях в российских изданиях, включенных в перечень ВАК;

– а также в 27 публикациях в других российских научных изданиях.

Положения, выносимые на защиту:

– Вещи из археологических памятников могут выступать в качестве важного источника для реконструкции социально-культурного облика русских сибиряков конца XVI – первой половины XVIII вв.

– Трансляция социально-культурного облика происходит через социально-бытовую среду и через имущественный комплекс, характерный для каждого члена конкретной социальной группы.

– Реконструкция социально-культурного облика русского сибиряка конца XVI – первой половины XVIII вв. является основой для изучения социальной истории русского общества Сибири.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка источников и литературы, и приложения, вынесенного в отдельный том (рисунки и фотографии).

Благодарности. Автор считает своим долгом выразить глубокую признательность своим коллегам-археологам Л. В. Татауровой, С. Ф. Татаурову, С. С. Тихонову, Н. В. Телятниковой за совместную работу в процессе исследований, ценные консультации и предоставление археологических коллекций для анализа. Отдельные слова благодарности хочется сказать С. Г. Пархимовичу, кандидатам исторических наук Г. П. Визгалову и А. И. Бобровой, докторам исторических наук Н. П. Матвеевой и А. В. Матвееву.

ГЛАВА 1

ВЕЩЬ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА РУССКИХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ

Современное изучение социально-культурного облика русских сибиряков конца XVI – первой половины XVIII вв. имеет комплексный характер и требует привлечения обширного круга источников. Обычно в качестве источника для работ по социально-экономическому, социально-политическому, социально-культурному состоянию общества XVI – XVIII вв. ученые используют материал письменных источников, этнографические сведения или же статистические данные. Наше исследование основывается на материалах археологического изучения русских памятников времен начального этапа освоения Западной Сибири.

Мы полагаем, что археологические источники, хотя они достаточно специфичны, не менее информативны, чем все прочие. Известно, что для анализа социального строя древних и средневековых обществ археологи выделяют ряд критериев, характерных для поселенческих или погребальных комплексов. Однако в археологии русских применение этих критериев достаточно проблематично, в силу того что массив археологических источников по этой проблематике гораздо менее представительен и более фрагментарен даже по сравнению с данными, полученными в ходе раскопок памятников аборигенного населения Западной Сибири.

Поэтому автор считает возможным применить следующий прием – определение статусности вещи и через нее – социального статуса ее владельца. Чтобы показать специфику нашего исследования, необходимо, прежде всего, обратиться к этапам археологического изучения русских древностей Западной Сибири отечественными учеными.

1.1. История археологического изучения материальной культуры русского населения Западной Сибири.

Обращаясь к истории изучения археологии русских в Западной Сибири, следует сказать, что это направление появилось в отечественной науке во второй четверти XX века, но начало активно разрабатываться с конца 90-х гг. прошлого века, что нашло отражение в работах ученых-археологов [Молодин, Новиков, 1994; Артемьев, 2005; Черная, 2008; Татаурова, 2011].

Историю исследования русских памятников в Западной Сибири можно условно разделить на три хронологических периода, критерием к выделению которых является интерес ученых к археологии русских и место этих работ в археологии СССР/России в целом.

Необходимо отметить, что до 1940-х гг. в советском научном сообществе вопросы, посвященные русской археологии в Сибири и археологическим свидетельствам особенностей проживания русских в этом регионе в конце XVI – первой половины XVIII вв., практически не поднимались. Лишь во время Великой Отечественной войны в связи с патриотическим подъемом возрос интерес к истории русского народа, что дало толчок в том числе и к началу первых археологических исследований в данном направлении, получивших развитие в последующие периоды.

Первый хронологический период ограничивается серединой 1940-х – серединой 1960-х гг. Его особенность – введение в научный оборот первых сведений об археологии русских в Сибири. Начало изучения было положено А.П. Окладниковым, который в 1945 г. провел раскопки русского зимовья на о. Фаддея у восточной оконечности полуострова Таймыр [Окладников, 1948]. В ходе этих исследований было изучено несколько объектов: избушка в заливе Симса и лагерь мореходов непосредственно на о. Фаддея. Исследователи собрали богатую коллекцию предметов первой половины XVII в., в числе которой было значительное количество предметов, которые можно назвать статусными: оружие, элементы костюмного комплекса (пряжки, кольца, бусы, кожаный шнурок, украшенный золотым шитьем, фрагменты сукна и др.) По сути, полученные в ходе

раскопок материалы являются первым доступным археологическим источником по проблеме нашего исследования.

В 1946 г. сотрудником Института истории материальной культуры АН СССР В. Н. Чернецовым были проведены первые разведочные археологические раскопки в Мангазее, во время которых был составлен точный план этого заполярного сибирского города, что пригодилось в последующих исследованиях. Среди собранного с поверхности памятника материала выделяются находки китайского фарфора, европейского стекла, бронзовые и металлические изделия, т. е. те вещи, которые можно назвать статусными [Визгалов, Пархимович, 2008а. С. 9–10]. Это позволило уже в тот период определить, что население города обладало высоким достатком и могло позволить себе приобретать большое количество статусных вещей, которые, при таком географическом расположении города, вероятно, стоили очень дорого.

Интерес известных археологов к русским памятникам времени освоения Сибири подтолкнул местных краеведов к изучению русских городов и острогов.

В Западной Сибири в выделенный нами хронологический период интерес ученых-археологов, появившихся в регионе к середине 1950-х гг., был сосредоточен на изучении памятников древней истории (в основном эпохи неолита–бронзы) [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980] и аборигенных средневековых культур Западной Сибири, поэтому опубликованные в этот период работы, связанные с археологией русских, отражают деятельность сибирских краеведов. Их интерес был связан, прежде всего, с историей возникновения крупных городов. В 1952 г. первые разведочные работы на территории Томского кремля провел краевед Н.В. Татауров. Он выявил 24 точки, оцененные им как остатки крепостных сооружений XVII в. и на основании исторических источников составил первый план Томской крепости, который использовали последующие исследователи города в 1950 – 2000 гг. [Черная, 2002. С. 21].

Омским краеведом А. Ф. Палашенковым с начала 1940-х гг. проводилось обследование территорий Первой и Второй Омских крепостей, а также Тобольского кремля. В результате проведенных работ были составлены планы

крепостей и даны подробные описания текущего состояния памятников [Антология омского краеведения, 2013. С. 297–303].

Подводя итог рассмотрению работ этого периода, отметим, что в музеях Сибири появляются первые музейные коллекции, посвященные русскому освоению региона. В них значительное место занимают археологические материалы, однако полноценные научные исследования по данной теме пока не проводятся.

Во втором хронологическом периоде – (конец 1960-х – середина 1980-х гг.) начинаются достаточно масштабные исследования русских городов и острогов Западной Сибири. В 1967 г. В. А. Обориным началось археологическое изучение Верхотурья. Это один из старейших русских городов Урала, через который долгое время проходили все сухопутные пути в Сибирь. В ходе многолетних исследований были изучены территории Верхотурского кремля и посада вокруг него, в том числе было полностью раскопано несколько жилищно-хозяйственных комплексов, где собраны представительные коллекции археологических артефактов, позволивших сделать некоторые выводы относительно экономического развития города в XVII в. Однако вопросы социального характера в ходе исследований не рассматривались [Оборин, 1975].

В 1968–1970 и 1973 гг. экспедицией Арктического и антарктического научно-исследовательского института (ААНИИ) под руководством М. И. Белова, О. В. Овсянникова и В. Ф. Старкова были проведены масштабные раскопки Мангазеи. Частично была выявлена планировка города, получена коллекция из более двух тысяч артефактов, частично опубликованная авторами раскопок [Белов, Овсянников, Старков, 1981]. Она включала комплекс бытовых повседневных предметов (обломки нарт, лыж, инструментов и пр.), фрагменты одежды и обуви, шахматные фигурки и доски, украшения из цветных металлов, кости и железа. Несмотря на избирательность в изучении материала, когда некоторые комплексы предметов (посуда, изделия из кости, железа, кожи и цветных металлов) остались практически не изученными, работа представляет интерес еще и потому, что в ней впервые предпринимается попытка оценить уровень социально-культурного

развития русского общества севера Западной Сибири XVII в., в частности, по итогам работ была создана реконструкция воеводской усадьбы Мангазеи и т. п.

В этот период продолжают исследования Томска: в 1968 г. В. И. Матющенко проводит первые археологические раскопки, в ходе которых был частично исследован жилищно-хозяйственный комплекс Томского кремля, однако, несмотря на хорошие результаты, в дальнейшем работы не возобновлялись до середины 1980-х гг. [Черная, 2002. С. 28].

В 1973 г. под руководством В. И. Молодина были раскопаны внутреннее пространство казармы и башен Казымского острога [Молодин, Добжанский, 1978. С. 191-202]. К сожалению, обнаруженный в ходе работ материал был весьма малочисленным [Молодин, 2006. С. 37-38] и не позволяет делать какие-то выводы относительно социальной структуры несущих в нём службу казаков.

В середине 1970-х гг. разведочные работы и сборы подъемного материала (в основном керамики) были проведены новосибирскими археологами на территории Бердского, Чаусского и Умревинского острогов, а также Усть-Тартасского, Каинского, Убинского и Каргатского форпостов [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980. С.178].

Обобщая результаты научных работ, вышедших в рассмотренный хронологический период, отметим, что в это время проводились первые экспедиции, направленные на изучение русских древностей Западной Сибири, в ходе которых был выявлен и описан культурный слой, характерный для памятников XVII–XVIII вв., проведен первичный анализ полученного в ходе работ материала.

К концу 1980-х гг. сформировалось целое научное направление по данной тематике. Работы, созданные в рамках этого направления, относятся к **третьему хронологическому периоду**, продолжающемуся по настоящее время.

Этот период характеризуется проведением масштабных археологических исследований на русских памятниках и публикацией большого количества аналитических и фундаментальных работ по данному направлению. Фактически состоялся методологический переход от создания типологий и классификаций

археологических артефактов к реконструкции социально-бытовой культуры.

С 1983 г. были возобновлены исследования Томского кремля под руководством М. В. Фролова, с 1984 г. и по настоящее время ими руководит М. П. Черная. В ходе работ была изучена значительная часть территории памятника. Полученный археологический материал довольно разнообразен и включает изделия из железа (инструменты и бытовые предметы), кости, фрагменты стеклянной, фарфоровой и фаянсовой посуды, украшения из драгоценных металлов, изразцы [Черная, 2002]. Позднее был подробно изучен комплекс воеводской усадьбы на территории крепости. М. П. Черная интерпретирует изразцы и некоторые другие категории предметов (стеклянные бутылки, фарфоровую посуду, дорогие ткани, перстни-печати) как показатель власти и престижа высшей социальной группы царских воевод [Черная, 2015].

Со второй половины 1980-х гг. Ю. В. Ширин и В. И. Добжанский исследуют Кузнецкий острог. При обработке полученных археологических материалов исследователи соотносили их с данными письменных источников, в итоге получив довольно подробную картину жизни острога в XVII в., его материальной и духовной культуры. Для нас особый интерес представляет как предметный комплекс, включающий резные предметы из кости, китайский фарфор, осколки стеклянной посуды с разноцветной эмалевой росписью, бытовую утварь, кожаную обувь, так и некоторые выводы исследователей касательно благосостояния и социального положения служилых людей острога [Ширин, Добжанский, 2002]. Стоит отметить, что также были подробно изучены населенные пункты вокруг Кузнецка, собран и опубликован представительный массив археологического материала, позволяющего сравнить социальное и имущественное положение жителей города и деревни в Сибири в конце XVII – первой половины XVIII вв. [Ширин, 2003].

Археологический отряд Новосибирского Государственного университета с 1987 г. проводил раскопки Саянского острога в Красноярском крае. Начало работам на памятнике положил А. В. Шаповалов, закончил их С. Г. Скобелев в 2000 г., острог был раскопан полностью и стал первым полностью изученным

памятником русских в Сибири. Материалы, полученные при раскопках культурного слоя памятника, имеют большое значение для понимания характера социально-этнических связей русских и коренных жителей Западной Сибири в XVII в. Среди находок преобладают вещи, традиционные для русской материальной культуры того времени, однако довольно значительный процент составляют заимствованные предметы, включая артефакты, покрытые руническими надписями [Васильев, Скобелев, 2001]. Предметы, найденные при раскопках, очень разнообразны, среди них есть такие, которые можно назвать статусными: это вооружение и военное снаряжение, украшения, инструменты, фрагменты курительных трубок и стеклянных бутылок XVII–XVIII вв. [Скобелев, 2000].

В 1986 г. под руководством П. А. Беляева были проведены первые археологические раскопки в Тобольском кремле, с тех пор изучение памятника ведется непрерывно вплоть до настоящего времени: с конца 1990-х гг. под руководством А. А. Адамова; с 2007 г. к работам подключились тюменские археологи во главе с А. В. Матвеевым. Археологические исследования велись на месте религиозных и военных построек, торговых рядов, что в итоге дало уникальный материал, который не только отражает разные периоды в жизни города (с XVII по XIX вв.), но и принадлежит, вероятно, различным слоям тобольского общества. Круг найденных предметов весьма обширен: это изделия из драгоценных металлов, железа, кости, глины, фрагменты фарфоровой и фаянсовой посуды [Адамов, Балунов, Данилов, 2008; Матвеев, Аношко, Селиверстова, 2011; Аношко, 2014].

С 1990 г. под руководством П.А. Корчагина возобновлено археологическое исследование Верхотурья. Были изучены большие площади верхотурского кремля и прилегающей к нему острожной части города, составлен его подробный план. В ходе работ были собраны богатые коллекции материала, включающие предметы из железа, дерева, камня и кости, в том числе статусные, такие как украшения, фрагменты кожаной одежды и обуви, обломки глиняной, стеклянной и фарфоровой посуды, изразцы [Корчагин, 2001].

С 1999 г. Г. П. Визгалов и С. Г. Пархимович возобновили исследования Мангазеи. Первоначально им пришлось повторно изучить раскопы экспедиций ААНИИ 1970-х гг., так как в них оставались неизученные участки культурного слоя. С 2001 г. и по настоящее время на памятнике проводятся стационарные раскопки, в ходе которых были обнаружены многочисленные археологические находки: бытовая утварь, инструменты, украшения, транспортные средства (обломки лыж, нарт), игрушки, предметы культа, детали одежды и обуви, фарфоровая, глиняная и стеклянная посуда и многое другое. Были выявлены удивительные особенности этого заполярного города, где импортные предметы роскоши и украшения из драгоценных материалов сочетались с небольшим размером жилых построек, что объяснялось отсутствием строевого леса в месте расположения города [Визгалов, Пархимович, 2008а. С. 59–60]. Население города обладало достаточно специфичной социальной структурой, обусловленной двумя факторами: 1) частичной изолированностью пришлого русского населения в связи с географическим расположением города. Эта изолированность привела к развитию местного ремесла и, вероятно, к выделению прослойки ремесленников; отдельную социальную группу составляли и промысловики – охотники за пушным зверем, особым статусом также обладали представители «морских» профессий: моряки и корабельцы; 2) тесными контактами с местным населением, что привело к заимствованию как обширного круга предметов, так и некоторых элементов духовной культуры, например практики проведения магических обрядов [Пархимович, 2014б]. По сути, местное общество отличалось не только от северорусского, но и в целом от русского общества Западной Сибири, что дает нам возможность, используя сравнительно-исторический метод, на материале археологических исследований в Мангазее выявить общее и частное для разных социальных групп в русском обществе Западной Сибири конца XVI – первой половины XVIII вв.

Севернее Тобольска расположен г. Березов, основанный на левом берегу Оби в 1593 г. Его археологическое изучение было начато А. В. Ермоленко в 2004 г., с 2007 г. раскопки проводят Г. П. Визгалов и С. Г. Пархимович. В ходе работ собран

уникальный материал, относящийся к XVII–XVIII вв.: большое количество украшений (серьги, перстни, пуговицы, бисер и пр.), изделия из железа, фрагменты одежды и обуви, форма-штамп для изготовления изразцов, изделия из камня и кости, фрагменты фарфоровой, фаянсовой и глиняной посуды и многое другое [Пархимович, 2008. С. 215–227]. Хорошая сохранность материала дает возможность легко выделить категории предметов, формировавшие социально-культурный облик тех или иных групп населения сибирского города. Это, в свою очередь, позволит сравнить социальное положение членов определенного сословия в разных городах Западной Сибири конца XVI – первой половины XVIII вв.

В 2007–2010 гг. Г. П. Визгаловым проводились раскопки Новой Мангазеи (Старотуруханска) на Енисее. Сюда после страшного пожара в 1676 г. было переведено население Мангазеи. Как и в ситуации с другими северными городами, климатические условия обеспечили предметному комплексу хорошую сохранность. В археологических материалах присутствуют фрагменты шелковых и атласных тканей, медные печати, украшения из драгоценных металлов, железные изделия, предметы из камня и кости, фрагменты фарфоровой и глиняной посуды и прочее [Визгалов, Рудковская, 2011. С. 180–189]. По материалам данного памятника можно проследить, как развивались отношения с местным населением, значительный процент которого начинает в конце XVII в. интегрироваться в русское общество.

В 2004–2006 гг. под руководством Г. П. Визгалова и П. В. Пальянова проводились археологические раскопки «села Обдорского» (территория современного г. Салехарда), целью которых было обнаружение Обдорского городка, основанного в 1595 г. Этот объект не был обнаружен, но зато исследователями был изучен культурный слой второй половины XVIII – начала XIX вв., относящийся к с. Обдорскому. На примере материала, полученного при изучении памятника, можно проследить, как развивались процессы, начало которым было положено еще в конце XVII в. – эволюция отношений с местным населением, ставшим в итоге ко второй половине XVIII в. равноправной частью

западносибирского общества, развитие иностранной торговли и прочее [Раскопки села Обдорского].

В 2000 г. А. В. Шаповаловым начато археологическое изучение Умревинского острога, в 2002 г. А.П. Бородовский продолжил эти исследования. Был получен разнообразный археологический материал – предметы вооружения, инструменты, швейные и ритуальные принадлежности, бытовая утварь. Особо стоит отметить находки элементов костюмного комплекса, в частности остатки мундира, расшитого золотым шитьем, мундирные пуговицы, перстни [Бородовский, Горохов, 2009]. Многолетние исследования острога дают возможность оценить степень репрезентативности обнаруженного материала для аналогичных памятников Западной Сибири, выявить признаки социального расслоения в достаточно небольшой группе людей, составлявших гарнизон острога.

С 2007 г. С. Ф. Татауров и С. С. Тихонов начали археологические работы в г. Таре, основанном в 1594 г. Раскопы были заложены и на территории кремля, и в острожной части города. Наибольший интерес для нашего исследования представляют раскопки нескольких усадеб, расположенных сразу за крепостной стеной. Исследователями был собран богатый материал, в том числе бытовая утварь, инструменты, предметы военного снаряжения, фрагменты стеклянной и глиняной посуды, серебряный перстень, изделия из кости и камня, фрагменты тканей [Татауров С. Ф., 2011. С. 242–250].

Богатейший материал дали также раскопки усадьбы на территории Тарской крепости XVII в. Благодаря глубине залегания и характеру культурного слоя, здесь была собрана большая коллекция предметов из дерева – игрушек, инструментов, деталей шкатулок, наличников и пр. [Татауров С. Ф., 2011; Татауров С. Ф., Черная, 2012; Татауров С. Ф., 2014]. Анализируя материал с этого памятника, можно сопоставить его с находками, сделанными на сельском поселении Ананьино-I, основанном в начале XVII в. близ г. Тары, и, таким образом, выявить различия в социально-культурном облике жителей города и деревни Западной Сибири в XVII – первой половине XVIII вв., а также сравнить с предметными комплексами, полученными при исследовании других городов Западной Сибири указанного

периода.

Кроме изучения городов и острогов, учёных начинают привлекать и небольшие поселения. Так, в 1982–1984 гг. С. Г. Пархимовичем проводились исследования русской деревни на Карачином острове близ Тобольска. Обнаруженный материал не слишком разнообразен: фрагменты керамической посуды, изделия из камня, кости и железа [Пархимович, 1986. С. 140–142], но тем не менее это был первый опыт изучения русского сельского памятника в Западной Сибири.

Значительных успехов в изучении русских сельских памятников достигла Л. В. Татаурова, которая в 1996, 1998 гг. вела работы на территории Бергамакского острога, основанного в 1668 г. на р. Таре (современный Муромцевский район Омской области). Предметный комплекс, обнаруженный на памятнике, достаточно разнообразен: железные изделия, фрагменты керамической, стеклянной и фарфоровой посуды, предметы из кости, украшения из меди и серебра, бусы [Татаурова, 2000б. С. 422].

В 1999–2004 гг. Л. В. Татауровой велись раскопки поселения Изюк-I, русской деревни, основанной во второй половине XVII в. близ одноименного озера, на правом берегу Иртыша (современный Большереченский район Омской области). В деревне проживало смешанное население, состоявшее из крестьянства и служилых людей. По археологическому материалу хорошо прослеживается процесс слияния этих сословий, начавшийся примерно в конце первой четверти XVIII в. [Адаптация..., 2014. С. 314–315]. В целом, материал достаточно разнообразен и перекликается с материалами других русских памятников Западной Сибири, в том числе и городских, относящихся к концу XVII–XVIII вв.

В 2005, 2010–2015 гг. под руководством Л. В. Татауровой велись раскопки на сельском памятнике Ананьино-I, расположенном в 15 км. от г. Тары. По данным дозорных книг, первые упоминания о деревне относятся к 1624 г. [Татаурова, Крих, 2015. С. 480]. Для нас эти исследования представляют большой интерес, так как, по данным письменных источников, в деревне проживало исключительно служилое население – тарские казаки, совмещавшие военную службу с

сельскохозяйственной деятельностью. Следовательно, имеется возможность сравнить обнаруженный в ходе раскопок материал, относящийся к концу XVII – первой половине XVIII вв., с аналогичным материалом с городских памятников Западной Сибири, где в описываемый период служилое население всё еще составляло основную часть населения и занимало высокое положение в обществе [Адаптация..., 2014. С. 308].

В 2006 г. А. А. Адамов проводит аварийные археологические раскопки на месте д. Выходцева, существовавшей с начала XVII до конца XIX вв. [Адамов, Балюнов, Данилов, 2006. С. 242–248] И хотя в ходе работ было получено большое количество археологических данных, в целом, они менее информативны и представительны по сравнению с материалом, полученным в ходе археологического изучения одновременных сельских памятников Омского Прииртышья.

Кроме непосредственного изучения русских памятников на территории Западной Сибири, исследователи пытались с помощью археологических изысканий определить обстоятельства и место гибели легендарного казачьего атамана Ермака, сопоставляя полученные данные с материалами летописей, описывающих это событие. Наибольшего успеха в этом добился А. В. Матвеев [Матвеев, 2011].

Необходимо отметить, что в этот период появляются первые обобщающие работы, посвященные русской археологии в Сибири и России в целом [Артемьев, 2005; Татаурова, 2011; Беляев, 2014].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что на современном этапе археология русских окончательно сформировалась в самостоятельное направление. Изучено несколько десятков памятников, накоплены представительные коллекции артефактов, написано большое количество аналитических работ; с 2002 г. проводится Всероссийская конференция «Культура русских в археологических исследованиях». С 2011 г. в рамках всероссийских археологических съездов работает отдельная секция, посвященная русской археологии. Анализируя материалы конференций, можно сделать вывод о том, что

в рамках этого направления появилась специализация по разделам: от практических аспектов (антропология, погребальный обряд, изучение отдельных предметов материальной культуры, городская археология и др.) до историографии, создания баз данных, изучения систем культурной коммуникации и визуальной антропологии [Татаурова, 2011. С. 17–18]. Археологические материалы существенно дополняют данные письменных источников, а в некоторых вопросах являются определяющими. Изучением вопросов, связанных с русской археологией в Сибири, занимается большое количество ученых как внутри региона, так и за его пределами.

В ходе исследований был накоплен большой массив археологического материала, относящегося к материальной культуре русских Западной Сибири. В процессе его анализа исследователями был опубликован ряд работ по морфологии, типологии и функциональному назначению отдельных категорий предметов, при этом их социальное значение практически не рассматривалось. Однако можно использовать подобные работы, чтобы лучше охарактеризовать эти предметы как индикаторы социального статуса русского жителя Западной Сибири конца XVI – первой половины XVIII вв.

Оружие, как одна из важнейших в XVII в. категорий предметов, часто становилось предметом интенсивного изучения. Работы, посвященные вооружению русских в Сибири конца XVI – XVII вв., проводит Е. А. Багрин [Багрин, 2008. С. 251–261; Багрин, Бобров, 2014. С. 194–199]. Исследователь выделил основные виды и типы оружия, характерные для Сибири, охарактеризовал его значение с точки зрения боевых качеств, описал восприятие различных предметов вооружения современниками. Благодаря этому можно определить место предметов вооружения в социально-культурном облике русского населения Западной Сибири конца XVI – первой половины XVIII вв.

Одежда и ткани, полученные в ходе археологических исследований, характерны именно для археологии русских XVII–XIX вв., так как более древний материал практически не сохраняется, исключение составляют немногочисленные предметы, обнаруженные при исследовании крупных курганов раннего железного

века и раннего Средневековья. Анализом тканей с русских памятников Западной Сибири (Мангазея, сельские памятники Омского Прииртышья, г. Тара) занималась Т. Н. Глушкова [Глушкова, 2008; Glushkova, Tataurov, Tikhonov, 2015]. Для нашей работы интерес представляют морфологические определения образцов тканей с разных памятников Западной Сибири, дающие представление о материале, из которого изготавливалась одежда русского населения Сибири в конце XVI – первой половине XVIII вв. Некоторые виды тканей (шелк, атлас, бархат, европейское сукно) нами выделены в категорию статусных, так как одежду из них могли позволить себе лишь представители высших слоев русского сибирского общества.

Обувь и изделия из кожи. Богатый материал, полученный в ходе археологического изучения Мангазеи, лег в основу монографии «Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.)» [Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011]. Исследователи выделили несколько групп кожаных изделий: это обувь мягких (поршни) и жестких (сапоги и туфли) форм, а также детали костюмного комплекса, связанные с обувью (чулки и обёртки). Были сделаны важные выводы относительно социального, половозрастного, профессионального и этнического состава жителей города, что определенно представляет интерес для нашего исследования.

Анализируя материал, полученный в ходе раскопок сельских памятников Омского Прииртышья, группа исследователей реконструировала костюм русских жителей Западной Сибири XVIII в. [Богомолов, Кравец, Татаурова, 2013. С. 28–36]. Интерес для нашей работы представляет выявление исследователями в изучаемом материале образцов западноевропейской мужской и женской обуви первой половины XVIII века, которая также может являться показателем социального статуса.

Обувь, обнаруженная в ходе исследования Томского кремля, была частично опубликована в коллективной работе «Сапоги из Томского кремля и могильника Мигалка» [Чиндина и др., 2003. С. 68–72]. Исследователями было выделено четыре типа обуви, распространенных в Томске в XVII–XVIII вв.: поршни, туфли,

башмаки и сапоги.

Фарфоровая и фаянсовая посуда. На основании полученного в ходе раскопок материала автором была сделана систематизация бытовавшей в данном регионе фарфоровой и фаянсовой посуды, выявлены центры ее производства (северо-западный Китай для XVII–XVIII вв., Европейская часть России для XIX в., местное сибирское производство со второй половины XIX в.), технологические школы (китайские: школы зелёного и розового семейства, в России – псевдоевропейский фарфор императорских заводов конца XVIII – начала XIX вв., массовый дешёвый фарфор и фаянс частных заводов второй половины XIX в.), выявлены особенности ее распространения и определены социальные группы русского населения Сибири, которые могли ею пользоваться [Татауров Ф. С., 2011; 2016].

Украшения у русского населения Сибири вызвали интерес у археологов совсем недавно – до этого исследователи Позднего Средневековья и Нового времени занимались в основном изучением украшений, распространенных в среде коренного населения Сибири. Т. А. Алиевой был сделан анализ перстней из культурного слоя Тобольска [Алиева, 2014. С. 188–193], выделены их основные типы – щитковосрединные, литые перстни-печатки, перстни со вставками, пластинчатые перстни (кольца). Однако следует отметить, что типология произведена на материалах только одного памятника, что вызывает сомнения в ее репрезентативности. Довольно подробно типы перстней описаны С. Г. Пархимовичем на материалах исследований Березова [Пархимович, 2008. С.227–228], хотя исследователь преследовал, прежде всего, цель не типологизации, а публикации материала. С. Г. Пархимович выделяет перстни со вставками-печатками, перстни со вставками и перстни без вставок, подробно описывает внешний вид предметов, приводит аналогии, вследствие чего его работа представляет большую ценность для нашего исследования.

Омскими учеными Н. П. Довгалюк и Л. В. Татауровой сделан химический анализ стеклянных бус, обнаруженных на сельских памятниках Омского Прииртышья [Довгалюк, Татаурова, 2010. С. 43–44], и выделено несколько групп

по месту происхождения сырья. Установлено, что эти украшения попадали в Западную Сибирь в том числе из Западной Европы (Венеции и Голландии). Это позволяет предположить, что заграничные бусы могли быть украшением преимущественно слоев общества, обладавших высоким достатком.

Следует отметить, что женские украшения сами по себе мало что могут сказать о статусе их непосредственного владельца, так как женщины в изучаемый временной период не воспринимались в качестве полноправных членов общества, однако эти предметы несут информацию о мужчинах, стремившихся подчеркнуть свой социальный статус через внешний вид жен и дочерей.

Курительные трубки. В последние гг. появляются работы, посвященные изучению табакокурения в русском обществе Западной Сибири XVII–XVIII вв. Эти исследования опираются на археологический материал, в частности на обнаруженные на русских памятниках Западной Сибири курительные трубки. Первую серьезную работу с данной категорией предметов провел А.В. Шаповалов. Он выделил два типа табака по месту производства (китайский «шар» для XVII в. и черкесский табак для XVIII в.), охарактеризовал несколько типов головок курительных трубок: «классические» (люльки), пришедшие из Европы, и утилитарные, изготовлявшиеся из любого пригодного материала (дерево, обломки кирпичей и глиняных сосудов). На основании археологических коллекций, полученных при изучении Саянского острога, исследователь привёл конкретные примеры к каждому из выделенных типов трубок [Шаповалов, 2000. С. 107–121].

Печные изразцы. Изучением этой категории предметов на материалах, полученных в ходе раскопок Томского кремля, активно занималась М. П. Черная, [Черная, 2008. С. 489]. Она выделила два типа изразцов: терракотовые красные и поливные зеленые и сделала выводы относительно центрально-русского происхождения терракотовых изразцов, определив время их поступления в Сибирь серединой – 80-ми гг. XVII в. и указав высокую социальную значимость подобных предметов. В более поздних работах М. П. Черная выдвигает версию, что изразцы являлись одним из маркеров власти и престижа воевод - основных обладателей изразцовых печей [Черная, 2014. С. 678–680]. Значительное

количество работ, посвящённых изразцам, направлено, прежде всего, на публикацию материала, здесь стоит отметить работу Н. Е. Соколовой по материалам раскопок Верхотурья [Соколова, 1998. С. 165-170], где подробно описываются внешний вид изразцов, место их залегания, сделаны выводы о культурном влиянии на местные изобразительные школы основных центров изразцового производства. Изразцы, полученные в ходе раскопок в историческом центре Тюмени, анализирует В. И. Семенова [2014. С. 275–277]. Она выделяет два основных типа изразцов: терракотовые «красные», глазурированные и несколько подтипов. Исследователь подтверждает выводы М. П. Чёрной о центрально-русском происхождении терракотовых изразцов и соотносит их с домом воеводы, подчеркивая их значение в социально-культурном облике господствовавшего слоя западносибирского общества второй половины XVII – первой половины XVIII вв.

Благодаря тому, что археология русских в Западной Сибири является достаточно развитой, мы можем опереться на накопленную источниковую базу, использовать проверенные методы. Активное развитие этого направления позволило автору изучить социально-культурный облик русского населения Западной Сибири в конце XVI – первой половине XVIII вв. Прежде подобные реконструкции с опорой на археологический материал не проводилось, особое внимание уделялось только типологизации и классификации полученных данных.

Чтобы понять, насколько тема социальных отношений в русском обществе региона и роли вещей в них была разработана учеными-историками, опиравшимися в своих исследованиях в основном на письменные и изобразительные источники, необходимо обратиться к истории изучения вопроса.

1.2 История изучения социальных отношений в русском обществе Западной Сибири конца XVI – первой половины XVIII вв. по материалам письменных источников.

В рамках изучения выбранной темы, думается, необходимо дать характеристику основных исторических трудов, в которых представлены данные о русском населении Западной Сибири в конце XVI – первой половине XVIII вв. для

того, чтобы определить степень изученности темы социальных отношений в русском обществе этого региона. Следует отметить, что исследований, направленных на изучение вещей как маркеров социальной структуры русского сибирского общества, не проводилось. Наш историографический обзор направлен на конкретизацию имеющихся в источниках и литературе сведений по рассматриваемой проблеме. В итоге это поможет, объединив сведения археологических и письменных источников, понять сущность вещи как основы для формирования социально-культурного облика русского населения Западной Сибири в изучаемый период.

Логика нашего исследования предполагает деление работ по истории Западной Сибири на четыре хронологические группы. **В первую хронологическую группу** входят труды, созданные русскими и иностранными исследователями в конце XVII – начале XVIII вв., в том числе и по заказу Российской академии наук в рамках «знакомства» России и Западной Европы с Сибирью. Это работы, прежде всего, обзорного характера, описывающие, в том числе, отношения внутри русского общества в Сибири. Ниже будут описаны только те публикации, которые представляют интерес с точки зрения изучения предмета нашего исследования.

В частности русский посол в Китай Н. Г. Спафарий был первым, кто обстоятельно ознакомил московское правительство с новыми русскими владениями в Сибири, представив при возвращении подробное описание своего путешествия. Для нас ценность представляют сведения об отношениях между русским и коренным сибирским населением. Это данные о сборе ясака у аборигенов, злоупотреблениях царских воевод и служилых людей, внутрисоциальных конфликтах (бунтах, распрях) в русском обществе Западной Сибири конца XVII в. [Спафарий, 2010].

К этому времени относится и работа Г. К. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича». Кроме аспектов, освещающих жизнь царя и царского двора, дается обстоятельный анализ деятельности государственных учреждений в России XVII в., а также положения и социальных отношений

разных групп населения, в том числе и в Сибири. Описывая служилое сословие, исследователь рассматривал внутрисословные процессы, характер наследования социального статуса, порядок пополнения этой социальной группы [Котошихин, 2000].

В 1692 г. бургомистр Амстердама, богатый торговец Н. Витсен выпустил труд «Северная и Восточная Тартария», в котором описал обширные территории Сибири, Монголии, Центральной Азии и Китая, составив представление о них и о проживавших там народах на основании многочисленных рассказов купцов и путешественников и поступавших к нему из разных стран письменных и изобразительных свидетельств. Благодаря многочисленным зарисовкам и описаниям можно в той или иной степени использовать представленные в работе данные для реконструкции социально-культурного облика русского жителя Западной Сибири в XVII – первой половины XVIII вв. Стоит отметить и то, что в работе впервые в качестве дополнительных материалов были использованы археологические артефакты, правда, воспринимались они не с научной точки зрения, а в качестве редкостей [Витсен, 2010].

В начале XVIII в. Сибирь и проживавшие на ее территории народы стали исследоваться уже по заказу русского правительства. В 1718–1726 гг. немецкий медик и ботаник Д. Г. Мессершмидт провел масштабные исследования в Западной и Центральной Сибири, собрав большое количество данных не только по географии, геологии и ботанике, но и по этнографии местных народов. В частности, благодаря его заметкам, можно определить характер обоюдного заимствования коренными народами и русскими различных элементов бытовой культуры – от утвари и одежды до религии [Новлянская, 1970; Титова, 2003]. Похожие исследования проводил и его сподвижник, попавший в Сибирь в качестве пленника, Ф. И. Страленберг [Савельева, Беспятых, Возгрин, 1985–1986].

В 30-е гг. XVIII в. свою деятельность по исследованию Сибири начинает основанная в 1724 г. Российская академия наук. По ее заданию в Сибирь едет немецкий ученый на русской службе Г. Ф. Миллер. В своих работах, результаты которых объединились в фундаментальный труд «История Сибири», ученый

рассматривал, кроме военных и административных вопросов, проблемы взаимоотношения сибирских народов с русскими, их жизнь после присоединения Сибири к России [Миллер, 1999, 2000, 2005]. Здесь можно найти эпизодические данные о социальных отношениях внутри западносибирского общества XVIII в., причем, в отличие от последующих работ, характер этих отношений раскрыт с позиции современника, пусть и иностранца. В этом ключе написаны труды и других исследователей того времени: П. С. Палласа [Паллас, 1989], И. Г. Георги [Георги, 2007], С. П. Крашенинникова [Крашенинников, 1949], освещающие, в числе прочих, вопросы культурно-социального взаимодействия внутри западносибирского общества XVIII в. Эти работы ценны, прежде всего, тем, что сибирский социум описывается с позиции современников и непосредственных свидетелей происходивших в указанный период событий.

В XIX в. публикуются новые научные труды, посвященные истории Сибири, отличающиеся от трудов предыдущего периода появлением в них выводов аналитического характера. Возникновение этих работ было связано с деятельностью Императорского Русского географического общества и, в частности, его Западносибирского отделения. Мы относим их ко **второй хронологической группе (XIX – начало XX вв.)**. Соотносимо с целью и задачами нашего исследования, нами выделяен ряд наиболее важных публикаций. В частности, труд П. А. Словцова раскрывает многие аспекты истории сибирского общества, от военно-административных до экономических и социальных, хотя последние рассматриваются эпизодически [Словцов, 2012]. Гораздо более подробно социально-экономическое развитие Сибири рассматривалось в трудах историка, краеведа и одного из идеологов Сибирского областничества Н. М. Ядринцева [Ядринцев, 2003]. Стремясь обосновать теорию о необходимости отделения Сибири от России, исследователь часто обращался к социальным вопросам, изучая в том числе довольно узкие темы, например положение женщины в сибирском обществе XVII–XVIII вв. [Ядринцев, 1867].

П. Н. Буцинский в 1889 г. опубликовал исследования, посвященные комплексному изучению истории уездов Западной Сибири в первой половине

XVII в. Он подробно рассмотрел социальный состав населения города и деревни, изучал вопросы социально-экономического взаимодействия разных групп населения Западной Сибири [Буцинский, 1999].

Масштабные исследования сибирской истории проводил Н. Н. Оглоблин. Занимаясь разбором и обработкой документов XVI–XVIII вв., исследователь разработал метод научно-тематического описания документов, при котором они группируются по выделенному общему признаку. С помощью этого метода он составил несколько источниковедческих описаний столбцов и книг Сибирского приказа, являющихся для нас представительным источником по вопросам формирования жалования служилым людям в Сибири, социально-экономическим отношениям в регионе. Выводы, полученные при анализе источников, автор опубликовал в работе «Бытовые черты XVII века». Кроме глобальных вопросов, в данном научном труде рассматриваются более мелкие проблемы, в частности отношение властей к табакокурению в XVII в., винопитие и организация казенных винокурен в Сибири и пр. Почерпнуть сведения по социальным вопросам можно также из опубликованных исследователем челобитных и служебных писем [Оглоблин, 1892]

Отдельные аспекты социальных отношений периода присоединения и начального этапа освоения Сибири рассматривали В. А. Андриевич [2009] и П. И. Небольсин [2013], причем последний в приложении к своему труду опубликовал полностью Строгановскую летопись, которая для нашей работы является важным историческим источником.

Подводя итог рассмотрения работ данного периода, можно отметить их аналитический характер по сравнению с более ранними трудами. Исследователи, используя большой корпус доступных источников (таможенные книги, летописи, записки путешественников), сделали первые выводы относительно характера освоения и заселения Западной Сибири, охарактеризовали основные бытовые и социальные черты ее русского населения. Серьезное внимание уделялось экономическому и политическому развитию региона в XVII–XVIII вв. Эти работы стали основой для исследования Западной Сибири в последующие периоды.

После революции 1917 г. в изучении истории Сибири происходит перерыв, связанный со многими факторами, прежде всего, с перестройкой науки на марксистские рельсы, в ходе которой принимаются аксиоматические положения относительно истории страны. Полномасштабное изучение вопросов, связанных с начальным этапом освоения Сибири, возобновляется только после окончания Великой Отечественной войны. Труды, опубликованные в период 1930-х – начале 1990-х гг. мы выделяем в **третью хронологическую группу**. Проведенные в это время исследования носят преимущественно аналитический характер. Начинают активно привлекаться археологические и этнографические материалы. Стоит отметить, что все выводы даются в ключе господствовавшей тогда в науке марксистской концепции. При этом основной упор делается на социально-экономические и производственные связи в сибирском обществе.

Внутри этой группы можно выделить две основных подгруппы. К первой относятся работы, написанные в духе ортодоксального марксизма 1930-х – 1950-х гг., среди которых наибольший интерес для нас представляют исследования С. В. Бахрушина, и его выводы относительно экономического значения сибирских городов в XVII в. Исследователь полагает, что предметы роскоши и промышленного производства попадали в Западную Сибирь исключительно из Европейской России в обмен на пушнину, а местное производство было слабым и неразвитым; незначительным представлялся ему и процент товаров, поступавших из Средней Азии и Китая [Бахрушин, 1959. С.145–148]. Социально-экономические отношения внутри Сибирского общества в период хозяйственного освоения Сибири рассматривал также В. И. Шунков. Он пришел к выводу, что развитие производства было тесно связано с сельским хозяйством, и, когда производящие сельскохозяйственные регионы фактически «сползли» на юг в связи с освоением новых плодородных земель, экономическое развитие северных территорий Западной Сибири прекратилось. Из-за этого в последующие временные периоды произошло изменение социальных отношений, связанное с ослаблением роли служилых людей в обществе [Шунков, 1956. С. 38–45].

В середине 1950-х гг., после некоторого смягчения давления идеологии на

историческую науку, усиливается интерес к Сибири и ее русскому населению, появляются аналитические работы по вопросам экономического и политического развития региона в XVII–XVIII вв., выводы из которых можно использовать в рамках нашего исследования.

Фундаментальные исследования на основе данных письменных источников провел О. Н. Вилков, опровергший установившееся к тому времени в науке мнение об отстающем развитии Сибири в XVII в. Подробно были изучены производственные отношения в русском обществе Западной Сибири, но наибольший интерес для нас представляет характеристика сибирской торговли, основанная на анализе таможенных книг, откуда мы узнаем об ассортименте и стоимости товара, месте его происхождения, характере распространения. Эти исследования являются важными в плане определения социальной значимости предмета и его места в социально-культурном облике населения Западной Сибири в XVII–первой половине XVIII вв. [Вилков, 1967, 1990].

Существенный вклад в изучение сибирского города как экономического и социально-культурного центра внёс А. А. Преображенский, который вслед за О. Н. Вилковым делает вывод о неразрывной связи в социально-экономическом отношении Сибири и Центральной России, описывает процесс формирования сложных социально-экономических связей, определяемых им как «протобуржуазные», следуя в научном контексте советской эпохи [Преображенский, 1972]. Однако выводы исследователя отличаются низкой степенью конкретизации относительно городов Сибири.

Проблемами русского освоения Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. занималась Н. Г. Аполлова. Она анализирует социально-экономический строй западносибирского общества, прежде всего городского, определяет круг основных занятий населения, характер межгрупповых взаимоотношений. Русские деревни перемежались с поселениями коренных жителей Прииртышья, что способствовало установлению прочных хозяйственных связей. Постепенно русское влияние усиливалось, и аборигены стали перенимать традиционные формы русского хозяйства. Исследователь подробно характеризует картину

заселения Среднего Прииртышья, делает вывод о достаточно высоком уровне развития ремесла и торговли в сибирском городе в XVII в., окончательно опровергая теорию о том, что все товары Сибирь в этот период получала исключительно из Центральной России, являясь, по сути, недееспособным придатком. Анализируя работы предшественников, автор обращает внимание на недостаточность письменных источников по социальным и экономическим вопросам [Аполлова, 1976].

Изучением процессов освоения Западной Сибири занимался также историк А. Д. Колесников, который привёл важные данные о составе русского населения региона, источниках его пополнения, описывал процессы освоения сельскохозяйственных и промысловых угодий, основания сел и деревень, строительства дорог. По мнению ученого, процесс заселения областей Западной Сибири проходил неравномерно. Этот вывод он актуализировал на примере Среднего Прииртышья. Ввиду того, что первоначально основное направление колонизации шло с запада на восток, от Тобольска на Томск, этот район, находящийся южнее, был освоен русскими сравнительно поздно, сюда переезжали, главным образом, крестьяне-старожилы из ранее заселенных сибирских уездов. Исследователь также изучил социальный состав городского населения Сибири, сделав вывод о различиях, связанных с географическим положением населенных пунктов: в северных городах, основной функцией которых был контроль над сбором ясака, преобладали служилые люди и представители царской администрации, а купцов и ремесленников по-прежнему было немного. Схожая картина наблюдалась и в южных пограничных городах [Колесников, 1968, 1973].

Социальное положение и экономические связи служилого населения Западной Сибири в XVII в. изучал Н. И. Никитин. Для нас представляет интерес его характеристика хозяйственных занятий и анализ государственного обеспечения служилых людей Западной Сибири, что является важным при определении социального положения этого сословия в русском обществе региона. Исследователь приводит данные по торгово-предпринимательской деятельности

служилых людей, их взаимосвязям с другими социальными группами [Никитин, 1988].

Завершая обзор трудов, написанных в этот период, можно отметить, что они характеризуются, в первую очередь, утверждением марксистской научной парадигмы, когда на первый план при изучении любого исторического общества выходил анализ экономических отношений как двигателя социального развития. В связи с этим в работах чрезвычайное внимание уделялось вопросам социально-экономического и политического развития Западной Сибири в XVII–XVIII вв. Параллельно с этим шло накопление научных данных по этнографии проживавших в регионе народов, однако стоит отметить тот факт, что этнографическое изучение русских началось лишь к концу выделенного нами периода. Представленные в работах сведения, касающиеся экономических отношений в западносибирском обществе, являются важным источником для изучения социально-культурного облика русского населения региона.

Работы **четвертой выделенной нами группы публикаций**, вышедших в период 1990 – 2010 гг., характеризуются применением в них комплексного подхода, при котором учитывались данные не только исторических источников, но и этнографии и археологии. Их появление связано с изменениями в политической и научной доктрине государства, в результате чего стало возможным привлекать методы и теории зарубежной науки.

Существенный вклад в изучение социально-культурного облика сибирского общества XVII–XIX вв. сделала А. А. Люцидарская, которая занималась вопросами этнопсихологии, рассматривая проблемы взаимоотношений внутри сибирского общества, причем не только между русскими и коренным населением, но и между разными (иностранцы-европейцы, южнорусские и севернорусские переселенцы) группами пришлого населения [Курилов, Люцидарская, 1986]. Кроме этого, ею опубликованы результаты масштабных исследований в области изучения городского быта Сибири XVII–XVIII вв. – представлены описания внешнего вида городских усадеб, их внутреннего интерьера, охарактеризованы повседневные занятия и привычки горожан с перечнем предметов

имущественного комплекса (одежда, украшения, инструменты, мебель и пр.). А. А. Люцидарская рисует на основании исторических и этнографических данных картину жизни западносибирского города, формируя в том числе представление о социально-культурном облике различных слоев населения, проживавшего в нем в XVII–XIX вв. По материалам таможенных книг дается подробное описание привычек русских сибиряков (например, чаепития), характеризуются товары, продававшиеся на ярмарках. Исследователь приходит к выводу, что уже к середине XVII столетия домашний обиход сибирского горожанина немногим отличался от обихода жителя центрально-русского города, притом что близость к Азии и постоянные взаимоотношения с сибирскими аборигенами уже формировали в регионе собственную бытовую культуру [Люцидарская, 1988, 2005].

Изучением процессов адаптации русской культуры к реалиям Западной Сибири занималась О. Н. Шелегина, по мнению которой относительная простота освоения новых территорий русскими объясняется высоким адаптационным потенциалом русского этноса, а также полезным опытом, полученным в ходе переселений предыдущего столетия (Урал, Поволжье). Переселенцы принесли в Сибирь свою одежду, жилища, предметы быта и пр. Изменения в привычном образе жизни русских переселенцев были связаны в основном с суровостью сибирского климата и социально-экономическим развитием региона. Это сказалось на планировке жилищ, одежде, отношениях внутри нового общества. Многие были переняты у привычного к местным условиям коренного населения Сибири. Особое внимание О. Н. Шелегина уделила процессу изменения культуры питания, считая его наиболее показательным в плане адаптации русского населения к новым условиям жизни [Шелегина, 2005].

В 1990 – 2000-е гг. появляются работы, посвященные развитию экономики и предпринимательства в Западной Сибири. Так, в монографии А. В. Старцева и Ю. М. Гончарова «История предпринимательства в Сибири (XVII–XIX вв.)» описывается процесс превращения сибирских городов к середине XVII в. в торгово-промышленные центры, раскрываются основные направления

деятельности сибирского купечества, отмечается сложный характер развития экономических связей на новых территориях, и обусловленность особенностей сибирского предпринимательства физико-географическими и демографическими факторами. Исследователи пишут о высокой социальной активности переселенцев, которые не могли реализовать себя в Европейской России, а в Сибири получили новые возможности. Умение сибирских предпринимателей извлекать выгоду в экстремальных условиях предопределили активное развитие торговли и хозяйственных связей с окружающими территориями [Старцев, Гончаров, 1999].

Стремление людей обеспечить себе достойные условия для существования и занятий хозяйственной деятельностью нашло отражение в работах современных российских историков, занимающихся теорией фронта (термин введен в конце XIX в. американским ученым Фредериком Джексоном Тёрнером [Тёрнер, 2009. С. 6]). В Сибири эта теория была легко воспринята, так как частично повторяла идеи областников конца XIX в., в 1990 – 2000-е гг. ее разработкой занимался А. В. Ремнев. Он пришел к выводу, что стремительность освоения Сибири объяснялась желанием русского народа достичь естественных географических границ, из-за которых им не будет угрожать враг, выйти на контакт с высокоразвитыми государствами (Китай и Иран), найти новые земли, пригодные для сельскохозяйственной деятельности [Ремнев, 2008. С. 27–38]. Понимание этих процессов в таком ключе облегчает для нас восприятие социальной основы русской колонизации, когда первоначально главное место в обществе занимали служилые люди как движущая сила всего процесса, а потом им на смену приходили крестьяне как сила, обеспечивавшая сохранение и развитие Сибири как части «русского мира».

В 2000-е гг. увеличивается количество работ, посвященных русской культуре. Ученые-этнографы активно изучают проблемы освоения Сибири с позиции самих переселенцев. Исследователей интересуют места выхода, состав переселенцев, территории и пути их расселения, хозяйственные занятия. В частности, в работах М. Н. Бережновой по материалам Западной Сибири достаточно последовательно

описывается процесс изменения социальных отношений в русском обществе, в ходе которого происходит выделение русских старожилов в Сибири как более привилегированного и обеспеченного социального слоя. Начало этому процессу было положено еще в XVII в. [Бережнова, 2007].

Согласно выводам А. А. Крих, первоначальным местом расселения русских в Среднем Прииртышье были окрестности г. Тары, точнее Такмыкская, Аевская и Бергамакская слободы. Первыми поселенцами съезжали служилые люди, которые прибывали из северных и центральных областей Российского Государства. Отсюда русские стали расселяться по рекам в западном (по Оше), южном (по Иртышу), восточном (по Таре) и северо-восточном (по Аеву) направлениях, заселяя северные районы современной Омской области. Со строительством Омской крепости в ее окрестности переселили пашенных крестьян из Тобольского и Тюменского уездов, а в середине XVIII в. по тем же направлениям расселялись другие группы русского населения. На эти процессы также оказало влияние строительство Московско-Сибирского тракта, вдоль которого стали размещать ссыльных и переселенцев из соседних уездов [Крих, 2012].

Обобщение накопленных данных по истории, археологии и этнографии представлено в коллективной монографии «Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша», где рассматриваются вопросы военной и социально-экономической истории г. Тары и его роль в колонизации Западной Сибири. Авторы подробно описали состав и социальное положение служилых людей в XVII – XVIII вв., взаимоотношения внутри сибирского общества, состояние торговли и экономического развития города в целом. Для конкретизации вопросов о социальном расслоении городского общества и взаимоотношений русского и татарского населения в регионе исследователи активно привлекают археологические материалы [Тара в XVI–XIX веках..., 2014]. Для нас особый интерес представляет именно методика проведения комплексных исследований формирования социально-экономического и культурного облика западносибирского города конца XVI – XIX вв.

Не меньший интерес для нашего исследования представляет еще одна

коллективная работа – «Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI–XVIII в.», в которой археологические материалы использованы в качестве основного источника, однако дополнительно был привлечён обширный корпус письменных и этнографических материалов. Здесь подробно рассмотрены процессы расселения русских в Западной Сибири, отношения с местным населением; описаны этапы формирования собственной сибирской культуры и отражение этого процесса в материально-хозяйственном комплексе и социальных отношениях. Исследователи пришли к следующим выводам: уже во времена похода Ермака русские старались максимально привлечь коренных жителей на свою сторону, сделать их лояльными государству, что выражалось в большом количестве послаблений и уступок в земельных и финансовых вопросах. Однако методы русской администрации не всегда были мирными – часть населения сгонялась с освоенных земель, часть насильно обращалась в христианство. В социальном выражении русские в Сибири были доминирующим этносом по отношению к коренному населению. В работе отмечается высокая интенсивность связей местного населения с пришлым, дана подробная характеристика хозяйственных занятий русских в XVII–XVIII вв., описана социальная структура русского общества [Адаптация..., 2014].

1990-2000-е гг. характеризуются появлением большого количества новых подходов к изучению истории Сибири. Исследователями активно привлекаются данные естественных наук, археологии, этнографии, психологии. Используются наработки зарубежных ученых. Основным становится системный подход. Эти труды дают возможность изучить опыт применения междисциплинарного подхода в исторической науке и использовать его в нашем исследовании.

Подводя итоги параграфа, можно утверждать, что в рамках изучения истории Западной Сибири конца XVI – первой половины XVIII вв. вопросы социальной истории освещены достаточно слабо. Несмотря на то что многие авторы в той или иной степени касались проблем экономического и политического развития региона в указанный период, подробного изучения социально-культурного облика русского общества проведено не было. Кроме того, в большинстве имеющихся

работ не привлекался археологический материал, который является важным источником в изучении этой темы.

В заключении к главе, обобщая изученные нами данные, следует отметить, что на протяжении семидесяти лет археология русских в Сибири, начавшись с разведочных и краеведческих исследований, к настоящему времени сформировалась в отдельное научное направление, пройдя ряд основных этапов. В ходе первого (1940 – 1960-е гг.) проводились в основном разведочные работы, публикации по их итогам вводили в научный оборот обнаруженные в ходе раскопок материалы и носили обзорный характер. В ходе второго этапа (1960 – 1980-е гг.) шло постепенное накопление археологических данных, выявлялись и документировались археологические памятники времени русского освоения Сибири.

Эти исследования заложили основу для последующего изучения русской культуры в Сибири в рамках третьего этапа (конец 1980-х гг. – настоящее время). В этот период археология русских оформилась в самостоятельное направление российской археологической науки и получила широкое освещение на всероссийских и международных конференциях «Интеграция археологических и этнографических исследований», «Культура русских в археологических исследованиях», «Всероссийский археологический съезд». Было накоплено большое количество археологического материала, появилась специализация по отдельным аспектам материальной культуры русских в Западной Сибири, защищен ряд кандидатских и докторских диссертаций. Однако в работах, написанных в рамках этого направления, практически не рассматривалась социальная тематика, археологические материалы до настоящего времени не выступали в качестве критерия для определения социального статуса конкретной группы русского сибирского населения конца XVI – первой половины XVIII вв. Это было связано с распространенной точкой зрения, что социальные особенности русского общества в указанный период хорошо отражены в письменных источниках.

В ходе наших исследований были проанализированы работы,

рассматривающие экономические, политические и адаптационные процессы в регионе в конце XVI – первой половине XVIII вв. на основании письменных и этнографических источников. Все изученные нами труды, посвященные этим проблемам, можно разделить на несколько этапов.

Первые публикации по сибирской истории появились в начале XVIII в., что было связано с возросшим в это время интересом к Сибири, в том числе и со стороны Российской академии наук. Труды, написанные в рамках первого выделяемого нами хронологического периода (конец XVII – XVIII вв.), носили преимущественно описательный характер, фиксируя особенности культуры, экономического и политического развития проживавших в Сибири народов, включая и русских.

Работы, созданные в рамках следующего хронологического периода (XIX – начало XX вв.), уже содержали элементы научного анализа и охватывали обширный спектр научных проблем, от политических до культурных и социальных. После революции 1917 г., в связи с перестройкой науки на марксистские рельсы, в изучении истории Сибири происходит перерыв, полномасштабное изучение вопросов, связанных с начальным этапом освоения Сибири, возобновляется только после окончания Великой Отечественной войны.

Труды, опубликованные в период 1930 – начала 1990-х гг. мы относим к третьему хронологическому периоду. Проведенные в это время исследования носили преимущественно аналитический характер, изучение археологических, этнографических данных выдерживалось в ключе господствовавшей в науке марксистской концепции. При этом основной упор делался на социально-экономические и производственные связи в сибирском обществе.

Четвертый хронологический период (1990-е гг. – настоящее время) включает круг работ, которые характеризуются применением комплексного подхода, учитывающего данные не только исторических источников, но и этнографии и археологии. Появлению подобных трудов способствовали изменения в политической и научной доктрине государства, в результате которых стало возможным привлечение методов и теорий зарубежной науки. В рамках этого хронологического периода

исследования касались различных вопросов политического, экономического и культурного развития русского общества в XVII – первой половине XVIII вв., однако критерии социального статуса русских сибиряков, главным из которых выступают вещи, практически не были описаны.

В связи с этим возникает потребность в активном использовании археологических материалов в качестве основного источника по воссозданию социально-культурного облика русского населения Западной Сибири в изучаемый период. В рамках комплексного подхода, анализируя комплекс археологических артефактов и сопоставляя его с данными письменных источников, мы сможем наиболее полно раскрыть значение вещи как основы для формирования социально-культурного облика представителей различных слоев русского сибирского общества в указанный период.

ГЛАВА 2. ЗНАЧЕНИЕ ВЕЩИ В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА.

Обращаясь к изучению социальной структуры западносибирского русского общества в конце XVI – первой половине XVIII вв., следует помнить, что отношение к предметам, окружающим каждого конкретного члена социума, зависит от сложившейся в конкретном социуме системы ценностей. На протяжении долгого времени формируются определенные установки и критерии, по которым та или иная вещь признаётся статусной. Особенностью нашего исследования является то, что мы постараемся раскрыть сущность понятия «вещь» как социального маркера и установить связь понятий «вещь» и «социальный статус». Это поможет нам выделить критерии «статусности» вещи в русском обществе Западной Сибири изучаемого периода. Для этого нам необходимо в первую очередь, обратившись к специальной литературе, определить, что понимается под словом «вещь» в мировоззренческом плане.

Статусная вещь – определение, дающее интерпретацию особой категории предметов материальной культуры, созданных для самоидентификации каждого конкретного члена общества в рамках социальной группы, к которой он принадлежит, и всего социума в целом. До настоящего времени никто из исследователей не выделял в вещевых комплексах русских Западной Сибири повседневные и статусные вещи. В ходе нашего исследования оказалось, что статусные вещи представляют собой обширную категорию различных предметов. Чтобы определить, какие группы предметов, полученные в ходе археологических исследований русских памятников Западной Сибири, можно отнести к маркерам социального статуса и, как следствие, к элементам социально-культурного облика, нами была произведена систематизация изученного археологического материала.

2.1. Определение понятия «вещь» в контексте социально-культурного облика населения Западной Сибири в конце XVI – первой половине XVIII века.

Обращаясь к вопросам культуры и социума, напомним, что «человеческая культура представляет собой огромную информационную знаковую систему, в которой с помощью особых кодов созданы сценарии человеческого поведения, законы социума, религиозные и художественные тексты» [Осипова, 2011. С. 36–40]. Рассматривая культуру в аксиологическом смысле, мы понимаем ее как «совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человеком. Она содержит в себе ценности-идеалы, нормы и стандарты поведения, которые регулируют поступки и отношение людей друг к другу, к обществу, природе, а также материальные вещи, которые производят люди» [Дедюлина, Папченко, 2008. С. 50].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что вещь представляет собой некий знак, символ мировоззрения и социального бытия человека. Чтобы понять сущность вещи, выявить ее место в культуре изучаемого нами общества, обратимся к семантике слова «вещь». В этом нам помогут толковые словари, в которых даны «концентрированные», выработанные культурой сведения о вещи, ее функции, назначении и применении.

Из словарей, являющихся источником по общероссийской словесности, наиболее представительный и хронологически близкий к теме нашего исследования словарь, составленный в 1819–1863 гг. В. И. Далем. Слово «вещь» здесь имеет большое количество значений, которые можно условно поделить на две группы, соответствующие материальному и нематериальному значению вещи.

Первая группа включает в себя следующие определения: 1) Нечто, предмет, отдельная единица, всякая неодушевленная особь; в обширном смысле всё, что доступно чувствам; 2) Пожитки, движимое имущество; 3) Вещевать, расходовать, издерживать; более употребляется с предлогом «из». Вещевой, состоящий из вещей.

Вторая группа более обширна, так как определяет нематериальную сущность вещи, и включает в себя следующие значения: 1) Дело, поступок, случай, происшествие; 2) Вещество – отвлеченное понятие всего мирского и природного; материя, из чего образовано всякое тело, вещь, предмет; всё доступное чувствам нашим и, следовательно, всё противоположное существу, духу; 3) Вещелюбие, сровни корысть, корыстолюбие, любостяжанье. Вещелюбивый, корыстный, жадный к мирскому; 4) Врачебное веществословие – учение о врачебных, лекарственных веществах, снадобьях или зельях, о вещетинье. Вещесловие – материализм: учение, верованье, понятие, которое видимую и невидимую природу основывает на вещественных, природных силах; противоположно – спиритуализм, духословие [Даль, 1998. С. 464]. Предмет у В. И. Даля определен как «всё, что представляется чувствам, или уму и воображению», т. е. слово также несет нематериальный смысл [Даль, 1998а. С. 1008]. Исходя из приведённых определений, мы видим, что вещь может отражать мировоззрение ее владельца. Примерно те же значения вещи представлены в словаре древнего русского языка XI–XVII века [Богатова, Романова, 1975. С.136–138], что позволяет утверждать, что они были характерны и в хронологический период, охватываемый нашим исследованием.

Современные толковые словари дают стандартизированные определения вещи. В частности, в словаре С. И. Ожегова «вещь» – это, прежде всего, отдельный предмет, изделие; то, что принадлежит к личному движимому имуществу. Вторая группа смыслов относится к переносным и обозначает произведение науки, искусства или некое явление или обстоятельство [Ожегов, Шведова, 1997. С. 78]. Практически дословно данные определения повторяются в толковом словаре современного русского языка Т. Ф. Ефремовой [Ефремова, 2000. С. 110].

В толковом словаре Д. В. Дмитриева за словом «вещь» закреплено восемнадцать определений, разбитых на три группы. Первая группа объединяет толкования вещи как продукта человеческого труда: одежду, багаж, произведения искусства. Однако в эту же группу автор словаря относит и переносное значение:

«когда какого-либо человека называют чьей-либо вещью, то хотят сказать, что к нему относятся как к чему-то неодушевленному, не воспринимают его как личность, а стараются получить ту или иную выгоду от него». Во вторую группу собраны толкования, связанные с определением вещи как явления, ситуации. В третьей группе оказались определения вещи как философского понятия, где вещь – это любой объект (материальный и абстрактный) внешнего мира, существующий независимо от нашего сознания [Дмитриев, 2003. С. 112–113]. Как видно из этих определений, понятие «вещь» включает в себя большое количество смыслов.

Вещь, произведённая человеком, предназначена для удовлетворения неких потребностей: «нужность» вещи – главное в ней, хотя эта характеристика оказывается внешне пассивной: вещь «нужна» не сама по себе и не самой себе, но человеку, находящемуся вне вещи. Она стоит между человеком и результатом, которого он надеется достичь с помощью этой вещи. С такой ориентацией связано то обстоятельство, что в реальных названиях вещей внутренняя мотивировка (когда она осознаваема) чаще всего вскрывает суть (прялка – прясть, точило – точить, мешалка – мешать, застежка – застегивать, открывалка – открывать, и т. п.). Функция вещи оказывается несравненно более важным мотивом для ее обозначения [Шкаратан, 2012. С. 55–56].

К проблеме характера вещи обращаются и зарубежные, и отечественные философы. Так, Л. Н. Безмоздин называет вещь посредником между человеком и окружающей действительностью; вещь ограничена в пространстве материальной структуры, возникновение которой обусловлено потребностями человека [Безмоздин, 1979. С. 104–127]. П. К. Дашковский и С. М. Карымова приводят слова У. Эко, который рассматривает вещь «как знак, имеющий основное назначение и второстепенные функции и свойства». При этом последний отмечает, что «в ряде случаев второстепенные функции вещи могут стать основными, и приводит в пример трон, когда его основные свойства стула становятся второстепенными, а на первый план выходят символика власти и священности данного предмета» [Дашковский, Карымова, 2012. С. 26].

Вещи в культуре имеют разное назначение, и их можно классифицировать по их месту в повседневной жизни представителя того или иного социального слоя, где можно выделить: 1) бытовые, 2) хозяйственные, 3) культовые, 4) ритуальные, 5) религиозные составляющие. Другой основой для классификации можно считать форму принадлежности вещи к определенной социальной группе. Здесь выделяются: 1) общественные, 2) семейные, 3) личные, 4) женские, 5) мужские, 6) детские вещи. По роли в общественной жизни вещи делятся на: 1) обиходные, 2) статусные, 3) престижные, 4) элитарные. Именно эти характеристики вещи, уже выходя из области материального, могут определять социальный статус владельца.

Здесь необходимо отметить следующий момент: по результатам проведенных исследований мы пришли к выводу, что следует отделять социальный статус человека в изучаемом обществе от его благосостояния. Наличие большого количества денежных или эквивалентных им ресурсов (скот, запасы зерна, пушнины и прочего) не приближало представителя низших социальных слоев к верхам общества. Даже богатый крестьянин всегда был ниже по своему социальному статусу самого бедного дворянина. При этом существовали традиционные ограничения, которые определяли, чем «невместно» владеть крестьянину. Это можно проиллюстрировать результатами исследования сельских памятников Прииртышья, где в изучаемый период проживали в том числе крестьяне (Изюк-1, Бергамак-1), и деревень в округе Кузнецка (Христорожественское-1, Ступин Лог – 1 и другие) [Ширин, 2003. С. 16–33], которые показывают отсутствие на этих памятниках предметов вооружения, изделий из драгоценных металлов, перстней-печатей, большого количества дорогих тканей. Привилегированное положение высших слоев русского общества Западной Сибири в XVII–XVIII вв. фиксируется по результатам археологического изучения воеводских усадеб: 1) в Томском кремле, где были обнаружены фрагменты оконного стекла, черепаховый панцирь и кости страуса, печные изразцы, фрагменты сосудов из западноевропейского стекла [Черная, 2015. С. 206–212]; 2) в Тюмени, где зафиксированы многочисленные находки печных

изразцов [Семенова, 2014. С. 275–277]; 3) в г. Таре, где в ходе исследований были найдены фрагменты венецианского стекла, сапоги с золотным шитьём, перстни-печати [Татауров С. Ф., 2011. С. 242-250; Татауров Ф. С. 2016. С. 191–194]. Это является важным моментом, который необходимо учитывать в ходе реконструкции социально-культурного облика представителей разных слоев русского общества.

Стоит иметь в виду, что в отличие от древних обществ, где статус и благосостояние индивида были неразрывно связаны [Бунятян, 1985. С. 125–128; Массон, 1976. С. 168–176], в русском обществе Западной Сибири в конце XVI – первой половине XVIII вв. статус человека определялся его принадлежностью к определенному социальному слою, а имущественное благополучие выступало лишь в качестве вторичного признака.

Изучаемое общество представляется нам иерархически выстроенной структурой, в которой каждый сегмент (социальный слой) занимает свое положение в зависимости от возложенных на него прав и обязанностей. Также позицию любой социальной группы характеризует степень влияния на социум, в котором она существует. Однако стоит отметить, что любое общество не является статичным: внутри него постоянно происходят процессы, связанные со стремлением индивидов удовлетворить свои социальные потребности.

Для нас представляет интерес процесс, когда члены средних и нижних слоев общества, стараясь повысить свой статус, начинают приобретать вещи, которые свойственны, по их мнению, лишь высшему слою общества. Индивид, потребляющий «просочившиеся» вниз статусно-символические блага, добивается тем самым не реального, а иллюзорного по отношению к своему слою повышения статуса. Но, с точки зрения его собственной биографии, «этот выбор в определенной мере вознаграждается, так как индивид видит, что обладает вещами, которыми несколько лет назад могли обладать только люди с более высоким статусом» [Килошенко, 2001. С. 70].

Из вышесказанного можно заключить, что статус человека в социуме наглядно отображается в том числе и тем, что он обладает некоторым

количеством особых вещей, которые выделяют его среди других членов социума, удовлетворяя его потребность в самовыражении. Однако достигаемый с помощью вещей статус никогда не будет выше статуса прирожденного, т. е. самый зажиточный крестьянин или купец, имеющий возможность приобрести большое количество статусных вещей, в социальной иерархии изучаемого нами русского общества Западной Сибири XVII – первой половины XVIII вв. всё равно будет занимать более низкое положение в сравнении даже с самым бедным дворянином.

Противоположный процесс, на который стоит обратить внимание, следуя логике нашего исследования – это так называемое «демонстративное потребление», т. е. расточительные траты на товары или услуги с преимущественной целью продемонстрировать собственное богатство. С точки зрения демонстративного потребителя, «такое поведение служит средством достижения или поддержки определенного социального статуса» [Веблен, 1984. С. 39].

По определению социологов, в частности О. И. Шкаратана, «социальный статус – положение, занимаемое индивидом или социальной группой в обществе или отдельной подсистеме общества. Оно определяется по специфическим для конкретного общества признакам, в качестве которых могут выступать, например, материальное положение, национальность. Маркерами статуса могут выступать вещи, занятия, увлечения, пол, возраст» [Шкаратан, 2012. С. 55–56].

Обобщая всё вышесказанное, можно заключить, что **статусная вещь** – это вещь и/или предмет, приобретаемый не в целях хозяйственных, бытовых и жизненно важных нужд, а чтобы подчеркнуть благосостояние, социальное положение владельца. Человек становится в определенной мере зависим от таких вещей, ему необходимо приобретать их для своего утверждения в обществе. Он стремится обладать предметами, распространенными в верхних статусных слоях, чтобы доказать свою материальную принадлежность к высшему обществу.

На основании этого можно выделить следующие критерии статусности вещи:

– функциональное назначение – статусной может считаться вещь, несущая опосредованное хозяйственное (и/или бытовое, жизненно важное) предназначение

или не несущее его, приобретаемая подчас в ущерб жизненно важным (и/или бытовым, хозяйственным) нуждам, например, фарфоровая посуда;

– материал – вещь из драгоценных металлов символизирует в обществе не только материальное положение владельца, но и то, что он как представитель определенного социального слоя, имеет полное право владеть этой вещью. К таким предметам мы можем отнести одежду из дорогих тканей, украшения из драгоценных металлов;

– отношение к вещи общества и государства, когда в определенный период под влиянием моды или политики государства тот или иной предмет приобретает особое значение. Этот критерий применим, например, к табакокурению в XVII в., холодному оружию, европейской одежде в начале XVIII вв. и другим вещам, изменившим свое значение и статус в рассматриваемую нами эпоху;

– сословная принадлежность владельца вещи. Некоторые категории предметов были характерны лишь для представителей определенных социальных слоев. Например, оружие, которым могли владеть лишь служилые люди и дворянство, или наперсные кресты, которые могли носить только представители духовенства.

Таким образом, мы установили, что вещь в жизни социума играет весьма значимую роль, более того, она является основой для реконструкции социально-культурного облика его членов. Если брать материальную сторону вещи как предмета культуры, то критериями ее значимости в обществе являются, прежде всего, ее функциональное назначение и материал, из которого она изготовлена. Если обратиться к знаковой стороне вещи, то для нашего исследования важным становится то значение, которое вещь или группа вещей приобретали в конкретный период.

Переплетение русских традиций с обычаями коренного населения Западной Сибири, оторванность от прежней культурной среды изменили взгляды пришедших на эту территорию русских на вещи, их окружавшие. Новая среда была более открытой для контактов – устанавливались торговые связи с соседними государствами, осуществлялись многочисленные военные и

исследовательские экспедиции. Это и сформировало в конце XVI – первой половине XVIII вв. социально-культурный облик русского населения Западной Сибири.

2.2. Систематизация статусных вещей из археологических памятников.

Наши исследования показали, что вещь, как предмет культуры, включает в себе некоторый объем информации, на основании которой можно сделать ряд выводов относительно социально-культурного облика представителя конкретной социальной группы изучаемого нами общества. Наиболее информативной в этом плане является категория статусных вещей. Количество подобных предметов, обнаруженных на русских памятниках Западной Сибири, достаточно велико, поэтому мы пришли к выводу, что в рамках нашего исследования требуется провести их систематизацию.

Категория статусных вещей достаточно обширна, условно ее можно разделить на две группы: 1) предметы, относящиеся к личному имущественному комплексу русских сибиряков; 2) предметы, относящиеся к убранству и интерьеру жилища. К первой группе относятся элементы костюмного комплекса (одежда, обувь, украшения); предметы, отражающие особенности бытовой культуры, связанные с привычками людей (фарфоровая посуда, стеклянные бутылки, курительные трубки), а также предметы, являющиеся показателем статуса только конкретных групп населения (оружие, некоторые породы лошадей). Во вторую входят детали интерьера (изразцы, фрагменты слюдяных окон), а также некоторые элементы внутреннего убранства жилища (сундуки, шкатулки).

Обращаясь к первой выделенной нами группе, стоит отметить, что наиболее обширно в изученных археологических материалах представлены статусные предметы, относящиеся к костюмному комплексу. К сожалению, на основании археологического материала невозможно в полной мере оценить «статусность» костюмного комплекса, однако можно выделить несколько основных элементов, показывающих статус владельца костюмного комплекса: 1) ткани, используемые

для изготовления одежды, 2) украшения и аксессуары, 3) обувь, 4) некоторые виды чулок и оберток.

Ткани. Все образцы тканей, обнаруженные в ходе археологических исследований русских памятников Западной Сибири, можно разделить на наиболее и наименее статусные. К первым относится, например, шелк: он во все времена являлся дорогостоящим и престижным товаром. Его покупали не из бытовых надобностей, а для того, чтобы подчеркнуть свой высокий статус и достаток. Кроме него, подобным высоким статусным характером обладали бархат и атлас.

Шелк был достаточно распространен. В коллекции тканей из 15 предметов, обнаруженных в Березове, присутствует небольшой моток тончайшей светло-коричневой шелковой нити [Пархимович, 2008. С. 231]. Шелк, завезенный так далеко от места своего производства, был очень дорогим товаром, его обменивали на пушнину. Фрагмент пояса золотного шитья был обнаружен в Мангазее [Визгалов, Пархимович, 2008а. С. 229]. При исследовании Старотуруханского острога были найдены фрагменты одежды из шелка и атласа [Визгалов, Рудковская, 2011. С. 181].

В одном из раскопанных погребений Горноправдинского могильника на юге Ханты-Мансийского автономного округа – Югры сохранились орнаментальные композиции из бисера, которые украшали детали одежды – воротник и манжеты. Здесь же были обнаружены фрагменты шелковой ткани (камки) золотистого цвета с вытканым несложным узором, которая, вероятно, использовалась для пошива верхней одежды [Глушкова, Зайцева, 2011. С. 284].

Интересные результаты дал проведенный Т. Н. Глушковой анализ остатков тканей, сохранившихся благодаря их контактам с нательными медными крестами из погребального комплекса Изюк-1 (Большереченский район Омской области). Среди образцов холста и льняного полотна был обнаружен фрагмент шелковой ткани (тафты) китайского или среднеазиатского происхождения [Глушкова, 2008. С. 332]. Образцы импортного фабричного сукна были обнаружены в г. Таре [Glushkova, Tataurov, Tikhonov, 2016. С. 28–32].

Кроме шелка, бархата и атласа, к статусным тканям можно отнести сукна импортного производства, привезенные из Англии, Германии и Польши, и найденные в Мангазее и г. Таре, а также на сельских памятниках Омского Прииртышья. К наименее статусным образцам тканей мы относим хлопчатобумажные, шерсть и войлок, распространенные практически повсеместно [Богомолов, Татаурова, Кравец, 2013. С. 28–36].

Вторым важным элементом костюмного комплекса выступают **украшения и аксессуары**. Украшение тела и одежды были свойственны человеку с древнейших времён. Именно украшения в совокупности с другими признаками (глубина и размеры могильной ямы, высота кургана и пр.) определяли статус человека в древних обществах. Их можно в свою очередь разделить на две основные группы: 1) украшения тела (перстни, кольца, серьги, заколки, бусы (ожерелья, браслеты); 2) украшения одежды (бусы-нашивки, пряжки/накладки, некоторые виды пуговиц).

Перстни на протяжении многих веков выступали в качестве главного мужского украшения [Нелюбов, 2001. С. 7]. По виду перстня и материалу, из которого он был изготовлен, можно было определить социальный статус его владельца. Перстни были распространены достаточно широко, особенно много найдено их в материалах городских памятников: в Мангазее, Березове, Томске, Таре, причем во всех случаях – не в единичных экземплярах.

Наибольшим статусом обладали перстни-печатки. На протяжении веков оттиск печати, превратившейся со временем в перстень-печать, играл роль часто использовавшегося и известного факсимиле [Нелюбов, 2001. С. 8]. В археологическом материале из раскопок Березовского городища имеется один перстень и стеклянная инкрустация [Пархимович, 2008. С. 227]. В г. Таре найден серебряный перстень с каменной печаткой, на которой были изображены герб и инициалы владельца [Татауров С. Ф., 2011. С. 246], и половинка серебряного перстня-печати (Приложение, рисунок 1:1–2)*. На территории Саянского

* Далее при ссылках на иллюстративный ряд слово «приложение» не повторяется, так как все рисунки выведены в

городища обнаружен один перстень-печатка [Шаповалов, 1997. С. 17]; несколько экземпляров литых перстней-печаток, на которых прослеживались следы позолоты, элементы растительного орнамента, императорские короны, было найдено в Тобольске [Алиева, 2014. С. 189] (рисунок 1:3–5). Аналогичный перстень был среди находок в Березове [Пархимович, 2008. С. 227] (рисунок 1:6). Серебряный перстень-печатка был обнаружен также в ходе археологического изучения Умревинского острога [Бородовский, Горохов, 2009. С. 99].

Кроме перстней-печаток, в изучаемом археологическом материале можно также выделить перстни со вставками (шатолами) и перстни без вставок. На территории Березова было найдено два перстня с шестигранными кастами [Пархимович, 2008. С. 227]. В Омском Прииртышье на поселении Изюк-1 обнаружен медный перстень со вставкой, на которой изображен корабль (рисунок 2:3). Перстни со вставкой есть также в находках из Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2008а. С. 79] (рисунок 2:4). В археологическом слое Тобольска сохранились два перстня со вставками и один с предназначенным для вставки щитком [Алиева, 2014. С. 190] (рисунок 2:1–2).

Перстни без вставок представлены в комплексе археологических находок Березовского городища [Пархимович, 2008. С. 227] (рисунок 3:7–9), Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2008а. С. 79], 23 экземпляра подобных перстней было обнаружено в ходе археологического изучения Тобольска [Алиева, 2014. С. 189] (рисунки 2:5-9; 3:1–6), находки перстней отмечались при археологическом изучении Старотуруханска [Визгалов, Рудковская, 2011. С. 181]. Также в ходе изучения Мангазеи было обнаружено серебряное кольцо [Визгалов, Пархимович, 2008а. С. 79] (рисунок 3:11), похожие находки были сделаны в г. Таре [Татауров С. Ф., 2012а] (рисунок 3:12).

Исходя из данного археологического материала, мы видим, что перстни были достаточно широко распространены на территории Западной Сибири. Наиболее высоким статусом обладали перстни-печатки как свидетельства знатности и/или

положения обладателя.

Серьги были достаточно распространенными украшениями на Руси уже с IX в. [Петракова, 2003. С. 4]. Медная серьга со стеклянной бусиной была обнаружена в Березове [Пархимович, 2008. С. 228] (рисунок 4:1); на памятнике Бергамак-I в Омском Прииртышье найдена серебряная серьга (рисунок 4:2), а на памятнике Ананьино-I – обломок бронзовой серьги со стеклянной бусиной (рисунок 4:3). Серебряные серьги с инкрустацией известны в материалах Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2008а. С. 78] (рисунок 4:4).

Заколки для волос. Они немногочисленны. Скорее всего, в XVII–XVIII вв. заколки являлись показателем статуса обладательницы и принадлежали лишь богатым горожанкам. Единственная известная нам заколка обнаружена при раскопках Березова [Пархимович, 2008. С. 228] (рисунок 5:1).

Бусы были отдельным видом украшений, которые использовались и чтобы украсить тело (как ожерелья, браслеты), и в качестве нашивок на одежду. Бусы были широко распространены в Западной Сибири. Из привозных товаров это, в первую очередь, были китайские бусы – синий «одекуй». По материалам таможенных книг, их уже в начале XVII в. бухарские купцы стали ввозить на территорию Сибири [Вилков, 1990. С. 30–35]. Исследования Н. П. Довгальюк и Л. В. Татауровой показывают, что, кроме китайских бус, в Омском Прииртышье бытовали также голландские и венецианские изделия [Довгальюк, Татаурова 2010. С. 43–44] (рисунок 6:1). Западноевропейские бусы были обнаружены также в ходе археологических исследований Березова [Визгалов, Пархимович, 2008б. С. 146] и Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2008а. С. 231] (рисунок 6:2–3). Находки бус отмечены на территории Саянского острога [Шаповалов, 1997. С. 11]. В погребениях русского Покровского кладбища в Красноярске обнаружены бусы разных цветов из стекла, бисер голубого цвета, стеклянные подвески в виде бусин со впаянными бронзовыми проволочками [Скобелев, URL: <http://zaimka.ru/skobelev-material-culture/>].

Необходимо отметить, что только некоторые виды бус (например западноевропейские или из драгоценных металлов), а также их количество

воспринимались как показатель статуса человека.

Стоит обратить внимание на то, что женские украшения являются показателем социального статуса не только и не столько их владелицы, сколько мужчины, который, желая продемонстрировать свой социальный статус любыми возможными способами, приобретал статусные вещи для женщин, входивших в его семью.

К украшениям одежды мы относим: 1) пряжки/накладки; 2) некоторые виды пуговиц.

Пряжки/накладки/нашивки, сделанные из драгоценных металлов или с использованием сложной техники изготовления, могли играть статусную роль. В ходе исследований Березова был обнаружен фрагмент орнаментированной серебряной накладки [Пархимович, 2008. С. 229]. Ременная бронзовая накладка (рисунок 5:3) и несколько ажурных пряжек (рисунки 5:4; 7:1) были найдены в Мангазее [Визгалов, Пархимович, 2008а. С. 77–78]. При исследовании Горноправдинского могильника в одном из погребений сохранились различные бронзовые нашивки [Глушкова, Зайцева, 2011. С. 284]. Несколько пряжек, выделяющихся художественным исполнением, были найдены в ходе изучения памятника Ананьино-I [Татаурова, 2016б. С. 111-116] (рисунок 7:2). Нашивки из серебра (рисунок 5:2) и крученого золотого шнура (рисунок 5:5–6) были найдены в Мангазее [Визгалов, Пархимович, 2008а. С. 229].

Пуговицы разных размеров и форм могли быть изысканным украшением костюма (плоские, в виде диска, шарообразные, куполообразные и т. д.). Пуговицы принадлежали к элементам элитарного костюма, так как одежда низших социальных слоев русского населения Сибири в рассматриваемый период изготавливалась без застёжек [Богомолов, Татаурова, Кравец, 2013. С. 28–36].

По материалу пуговицы можно разделить на три группы: 1) металлические (медные и оловянные, со вставками и без вставок); 2) стеклянные; 3) пуговицы из редких материалов (камень, кость мамонта и т. п.). Все перечисленные варианты в различных сочетаниях встречаются в культурных слоях археологических памятников Западной Сибири.

Металлические (медные и оловянные, со вставками и без вставок) пуговицы представляют собой самую многочисленную группу. В коллекции, обнаруженной в ходе раскопок Березова, имеется 13 медных пуговиц конца XVI – середины XVII вв., в том числе одна с хрустальной вставкой [Пархимович, 2008. С. 230] (рисунок 9:1–5). Медные пуговицы были обнаружены в Томске [Черная, 2015. С. 214] (рисунок 9:6), Мангазее [Визгалов, Пархимович, 2008а. С. 77] (рисунок 9:7) и Тобольске [Аношко, 2014. С. 140]. Такая же пуговица была найдена на памятнике Изюк-I в Омском Прииртышье [Татаурова, 2003] (рисунок 8:1). Ажурная нашивка (рисунок 8:3) и пуговица из бронзы (рисунок 8:2) раскопаны в г. Таре [Татауров С. Ф., 2012а].

Стеклянные пуговицы сохранились в раннем слое Березова [Пархимович, 2008. С. 230], на территории Саянского острога [Скобелев, 1999. С. 194]. Несколько стеклянных пуговиц с медным ушком были обнаружены в Мангазее [Визгалов, Пархимович, 2008а. С. 230] (рисунок 8:4–5). Стоит также обратить внимание на несколько найденных в Березове пуговиц начала XVII в., которые были выточены из мамонтовой кости [Пархимович, 2008. С. 230].

Отдельно остановимся на мундирных пуговицах, получивших распространение в первой половине XVIII в. Это атрибуты одежды представителей царской администрации и офицеров, следовательно, хорошие социальные маркеры. Находки подобных изделий фиксируются по материалам исследований Умревинского острога [Бородовский, Горохов, 2009. С. 99] и первой Омской крепости [Татауров Ф. С., 2014б. С. 91–92] (рисунок 8:6).

Обувь. Не всякая обувь была статусной, но некоторые образцы представляют интерес для нашего исследования. Определенной высокой «статусностью» обладали сапоги, в которых ходили служилые люди и чиновники. В частности, сапоги известны по материалам Мангазеи [Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011. С. 37]; детали сапог с золотым тиснением обнаружены в г. Таре [Тихонов, 2014] (рисунок 10:1), там же найдено несколько фрагментов сапогов тонкой выделки (рисунок 10:2-4). Мужская и женская обувь западноевропейского образца первой половины XVIII в. была обнаружена на сельских памятниках

Омского Прииртышья [Богомолов, Татаурова, Кравец, 2013. С. 28–36] (рисунок 11).

С обувью связаны разные виды чулок и оберток, ношение которых являлось привилегией только высшей знати. Фрагменты подобных статусных вещей были имеются среди находок Мангазеи [Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011. С. 64–65].

По археологическим материалам фиксируется большое количество предметов, связанных с особенностями повседневной жизни людей. Среди них можно выделить несколько групп статусных вещей, демонстрировавших в том числе приверженность их владельцев к моде и являющихся отражением социального статуса той или иной группы русского сибирского населения. К таким вещам мы относим фарфоровую посуду, винные бутылки, курительные трубки, вилки. Кроме того, что эти предметы сами по себе являлись показателями статуса их владельца, они также выступали свидетельствами употребления модных в XVII в. продуктов – чая, табака, импортного вина. Каждая из выделенных нами групп предметов заслуживает особого внимания.

Китайская фарфоровая посуда. Находки фрагментов китайской фарфоровой посуды зафиксированы на всех изученных русских памятниках Западной Сибири. По имеющемуся в нашем распоряжении археологическому материалу можно провести его систематизацию по месту производства фарфора в определенный хронологический период и технологии его изготовления, включающей орнаментальную композицию и сюжет. По этим признакам выделяются две группы изделий: 1) фарфоровая посуда Минского периода; 2) фарфоровая посуда Цинского периода.

Для мастеров конца Минской эпохи и затянувшегося на 60 лет переходного периода в фарфоровом производстве Китая (1620–1680) было характерно изготовление изделий с использованием большого набора цветов, однако на короткий период в моду могли войти монохромные изделия «под старину» [Кузьменко, 2009. С. 53]. Другой тенденцией, получившей развитие в XVI в., была технология заполнения узором всей поверхности сосуда. Орнамент усложнился и

мог одновременно включать в себя разнообразные – геометрические, растительные, зооморфные – мотивы [Кравцова, 1999. С. 373].

Фрагменты фарфоровой посуды, выполненные в этой технике, обнаружены на сельских памятниках Омского Прииртышья Ананьино-I и Изюк-I [Татауров Ф. С., 2014. С. 293] (рисунок 13). В Западной Сибири фрагменты аналогичной посуды встречаются в Березове [Пархимович, 2008. С.251].

После крушения династии Мин торговля китайскими товарами в Западной Сибири временно угасает и возобновляется только после Нерчинского договора уже с новой китайской династией Цин в 1689 г. [Полякова, 2011. С. 87].

В это время китайский фарфор поступает в Западную Сибирь – наряду с традиционным среднеазиатским путём через Бухару – по Нерчинскому тракту, который в XVIII в. станет основой для Московско-Сибирского тракта.

В фарфоровом производстве северо-западного Китая в период 1680 – 1720-х гг. возникает целое направление, которое условно называют «зеленым семейством». Его появление относится к годам правления императора Канси из династии Цин (1662–1722). Для этой школы характерна живая цветовая гамма, включающая красные, лиловые, желтые и черные тона [Кравцова, 1999. С. 373]. Фрагменты фарфоровой посуды этой школы представлены в коллекциях с памятников Ананьино-I (рисунок 14:3,5,7-10), Изюк-I (рисунок 14:1,4) и Бергамак-I в Омском Прииртышье (рисунок 14:2,6) [Татауров Ф. С., 2014. С. 293–294]. Это фиксируется в том числе и по сохранившейся части клейма на одном из фрагментов. Аналогичные образцы найдены на Березовском городище [Пархимович 2008. С. 420], в Мангазее [Татауров Ф. С., 2011. С. 385] (рисунок 17:1), в Тобольске [Матвеев, Аношко, Сирюшова, 2011. С. 119] и Таре [Адаптация..., 2014. С. 172] (рисунок 16:1–3).

Для следующего хронологического периода, на который приходилось правление китайских императоров Юнчжэн (1723–1736) и Цяньлун (1736–1796), характерно развитие технологической школы, производившей фарфор «розового семейства». В целом как в сюжетной основе, так и в технике господствует «живописная» линия росписи, происходит дальнейшее усложнение

комбинаторики орнамента [Кузьменко, 2009. С. 124]. Фрагменты такой фарфоровой посуды были также обнаружены на памятниках Омского Прииртышья Ананьино-I (рисунок 15:3–8,10) и Изюк-I (рисунок 15:1,2,9), в Таре [Адаптация..., 2014. С. 172] (рисунок 16:4–5) и Тобольске [Матвеев, Аношко, Сирюшова, 2011. С. 121] (рисунок 17:2–3), однако стоит отметить, что их находки менее многочисленны по сравнению с фрагментами изделий школы «зеленого семейства».

К комплексу статусной посуды стоит отнести и немногочисленные находки западноевропейской керамики – сосуд, обнаруженный в Мангазее [Визгалов, Пархимович, 2013. С. 21] (рисунок 18:1) и фрагмент похожего сосуда из культурного слоя г. Тары* (рисунок 18:2).

Стеклянная посуда. По археологическому материалу можно зафиксировать распространение винопития. В XVII в. в Сибири не было винокурен, поэтому вино везли из-за Урала. Особенно ценились напитки, произведенные в странах Западной Европы – свидетельством их попадания в Сибирь стали обнаруженные на памятниках фрагменты венецианских, богемских и польских винных бутылок [Черная, 2015. С. 206–211]. Употребляли такое вино, скорее всего, в особых случаях и по праздникам. Количество и качество этого продукта определяли не столько достаток, сколько статус человека, который его употреблял, пытаясь подражать подражать высшим сословиям.

Фрагменты винных бутылок, привезённых из европейской части России были обнаружены на территории Тарской крепости [Тихонов, 2013а; 2013б; 2014] (рисунок 20:1-4). Фрагменты стеклянных штофов из «черкасского» (произведённого на территории Черниговщины) стекла найдены при раскопках в Кузнецке [Кауфман, 1994. С. 55]. При исследовании Березовского городища в слое построек были найдены фрагменты нескольких штофов из прозрачного зеленоватого стекла и бутылок [Пархимович, 2008. С. 229], фрагменты подобных изделий обнаружены в ходе раскопок Саянского острога [Скобелев, 1999. С. 185–

* Материалы 2016 г.

207]. Аналогичные находки сделаны и на сельских памятниках Омского Прииртышья (Изюк–I, Ананьино–I) [Татаурова, 2006; 2013; 2014] (рисунки 22; 24).

Отдельно остановимся на стеклянной посуде, не связанной с употреблением вина – флаконы и столовая посуда (рюмки, чашки, блюда). Находки таких предметов достаточно многочисленны. Осколки сосудов венецианского стекла были обнаружены в г. Таре [Татауров Ф. С., 2016. С. 191–194] (рисунок 19:1), там же были обнаружены фрагменты европейских флаконов и чашек «черкасского» стекла [Тихонов, 2013а; 2013б; 2014] (рисунок 20:5–6). Фрагмент изделия из розового стекла с белой эмалевой росписью богемского производства был найден в ходе раскопок Кузнецкого острога [Кауфман, 1994. С. 55]. Большое количество фрагментов посуды голубого, белого, коричневого полупрозрачного стекла, украшенного голубыми и красными волнистыми полосами, сохранилось в культурном слое Тобольска [Адамов, Балюнов, Данилов, 2008. С. 58]. Аналогичные находки известны в Мангазее [Визгалов, Пархимович, 2008а. С. 251] (рисунок 19:2), в материалах археологических коллекций из Томска [Черная, 2015. С. 206–211] (рисунок 19:3). Фрагменты стеклянных флаконов синего, коричневого и зелёного стекла были обнаружены на сельских памятниках Омского Прииртышья (Изюк–I, Ананьино–I) [Татаурова, 2006; 2013; 2014] (рисунки 21; 23).

Курительные трубки. Еще одной фиксируемой по археологическому материалу привычкой русских в Сибири в XVII – первой половине XVIII вв. было табакокурение. Свидетельствами курения табака стали головки трубок. Известно два вида подобных изделий: во-первых, это «классические» трубки, пришедшие из Европы в начале XVIII в. [Коваленко, 2008. С. 31–52], так называемые «люльки». Такие трубки и мундштуки от них были обнаружены в археологическом слое Тобольска [Аношко, 2014. С. 140] (рисунок 28:1,2), одна была найдена на территории второй Омской крепости [Татауров Ф. С., 2014. С. 90] (рисунок 28:3). Во-вторых, это «утилитарные» трубки, изготавливаемые из любого пригодного материала (дерево, обломки кирпичей и глиняных сосудов,

кости). Две таких трубки представлены в керамическом комплексе Саянского острога. Одна из них изготовлена из доньшка сосуда, другая, грубой формовки, из глины [Шаповалов, 2000. С. 119]. Головки подобных курительных трубок были обнаружены на памятниках Ананьино-I и Изюк-I в Омском Прииртышье [Татаурова, 2006; 2013; 2014] (рисунок 27:1–7) и в Таре [Тихонов, 2014] (рисунок 27:8).

Вилками пользовались только царские чиновники, дворяне и купцы, причем с помощью этого предмета ели лишь изысканные кушанья. Широко распространен он не был, являясь показателем статуса высших слоев, начиная с конца XVII в.

В археологическом слое XVIII в. Тарской крепости было обнаружено несколько двузубых вилок* (рисунок 25:1-4), такая же была обнаружена в ходе исследований в г. Тобольске† (рисунок 25:5). Трезубая вилка представлена в коллекции, полученной в ходе изучения г. Березова [Пархимович, 2008. С. 255] (рисунок 26:2). Похожий предмет был найден в ходе исследования комплекса воеводской усадьбы на территории Томского кремля [Черная, 2015. С. 211] (рисунок 26:1).

Отдельно стоит остановиться на статусных предметах, присущих только конкретным социальным группам русского общества Западной Сибири в XVII – первой половине XVIII вв.

Оружие. Служилый человек, воин в изучаемый период доминанта в сибирском социуме. Предметы вооружения были неперенными атрибутами его профессиональной деятельности. В XVII в. уже в полной мере проявились высокие боевые качества огнестрельного оружия, и большинство служилых предпочитали приобрести пищаль «должась некупными долгами» [Багрин, 2008. С. 263].

В археологических коллекциях с русских памятников Западной Сибири огнестрельное оружие представлено пулями, а также отдельными деталями ружей

* Материалы 2016 г.

† раскопки А. В. Матвеева, 2009–2010 гг.

и пищалей. В коллекции из Мангазеи присутствуют ружейные винты (рисунок 29:1), аркебузные крюки (рисунок 29:2,3) и несколько пуль (рисунок 29,4) [Визгалов, Пархимович, 2008а. С. 206]. Пули также были обнаружены в ходе археологического изучения г. Тары [Татауров С. Ф., 2012а; Тихонов, 2013б; 2013в] (рисунок 29:5). Пули и пулелейки были найдены и на сельских памятниках Среднего Прииртышья Ананьино-I и Изюк-I, где проживали служилые люди [Татаурова, 2006; 2013; 2014] (рисунок 30). Отдельно стоит отметить обнаруженные в г. Таре чехлы от ружей [Тихонов, 2014] (рисунок 31: 2–3).

В условиях боя огнестрельное оружие того времени оказывалось бесполезным после первого же выстрела, и в дело шли топоры, бердыши и другие виды холодного оружия. Самым статусным и дорогим видом холодного оружия была сабля, по цене сопоставимая с пищалью. В XVII в. ее наличие поддерживало престиж и статус воевод и воинских командиров, а также аборигенных князьков, которые с присоединением Сибири стали дворянами. Сабли сохранили свой статус до настоящего времени, являясь наградным оружием [Оружие наградное, 1994. С. 159].

В археологических коллекциях, впрочем, этот вид холодного оружия представлен недостаточно широко. Так, в слое Надымского городка встречаются фрагменты клинков русских сабель с елманью и доликами [Багрин, 2008. С. 265]. Это свидетельствует о том, что инородцы выменивали дорогостоящее оружие у русских на пушнину или же оно попадало к ним в качестве подарков местным князьками и военных трофеев. Лезвие сабли найдено в комплексе Саянского острога [Скобелев, 1999. С. 193]. В последнем случае мы не можем сказать, принадлежал ли этот предмет коменданту острога, кому-то из воинских командиров или же, учитывая наличие в остроге металлургического производства [Скобелев, 2015. С. 159–165], сабля находилась у кузнеца. Однако необходимо остановиться на двух важных моментах: во-первых, уметь пользоваться этим видом оружия могли не все, и, даже оказавшись в руках пешего казака или стрельца, сабля в итоге, вероятнее всего, продавалась или обменивалась. Не могла принадлежать она и кузнецу, который был лишь изготовителем предмета, но не

его владельцем.

На значимость оружия в социально-культурном облике русского сибиряка указывает большое количество его копий в виде детских игрушек. Это говорит о том, что в условиях постоянной военной опасности в обществе сформировался определенный социальный уклад, в котором образ воина, служилого человека являлся главным объектом для подражания у детей мужского пола. При этом стоит отличать игрушки, соответствовавшие по размеру возрасту их владельцев, от миниатюрных вотивных, использовавшихся в качестве прикладов и оберегов [Пархимович, 2014а. С. 254–255]. Так, детские деревянные палаш и сабелька найдены при раскопках в Мангазее [Пархимович, 2014а. С. 256]. Искусно вырезанная рукоять деревянной сабли с обломком лезвия была обнаружена в ходе раскопок Тарской крепости [Тихонов, 2014] (рисунок 29:б).

Кроме сабель, высоким статусом так же обладали боевые топоры, в то время как луки, стрелы, копья и ножи представлялись менее статусными [Багрин, 2008. С. 296–301].

Особую группу статусных предметов составляют некоторые детали интерьера жилищ, обнаруженные в ходе археологических исследований. В частности, было найдено большое количество **слюды**, использовавшейся в это время в качестве материала для окон. В XVII в. на территории Российского государства значительная часть низших слоев крестьянства в качестве окон использовала небольшие отверстия, закрывавшиеся щитком-волоком. Зажиточные группы населения имели возможность пользоваться достаточно крупными окнами из слюдяных пластин, тогда как оконное стекло, повсеместно распространившееся лишь в конце XVIII в., в предшествующий период было уделом лишь царских чиновников высших рангов, богатых дворян и купцов [Черная, 2014б. С. 309].

По данным археологических исследований Западной Сибири, становится очевидным, что местное русское население для окон использовало слюду. Этим оно не только обеспечивало себе комфортные условия проживания, но и подчеркивало свой статус в глазах новых переселенцев из Центральной России,

которыми часто становились беднейшие члены крестьянских общин.

Находки из археологического слоя Березова, включают 11 целых слюдяных оконных пластин и большое количество обломков [Пархимович, 2008. С. 230]. Сегменты слюдяных окон обнаружены в культурных слоях Томска [Черная, 2014б. С. 308], Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2008а. С. 215] (рисунок 33:3) и Тары [Татауров С. Ф., 2014. С. 178] (рисунок 33:5). Фрагменты слюдяных окон, в том числе и целые пластины, были обнаружены на сельских памятниках Омского Прииртышья Ананьино-I (рисунок 33:1,2) и Изюк-I (рисунок 33:4), это свидетельствует о том, что не только горожане могли себе позволить использовать слюду в оформлении оконных проемов своих жилищ. Находки подобных статусных предметов достаточно многочисленны. Это можно объяснить тем, что в одном окне могло быть от 20 пластин и больше [Черная, 2015. С.95], а также тем, что хрупкие пластины могли повреждаться вследствие стихийных бедствий и пожаров, попадая таким образом в культурный слой.

Изразцы. Их появление в России относят к концу XV – началу XVI вв. В это время в обиход начинают входить керамические плиты с орнаментальным рельефным узором. Изразцовые печи играли большую роль в украшениях интерьеров домов чиновников, богатых горожан и зажиточного сельского населения [Маслих, 1983. С. 12–17].

В Томском кремле на территории воеводского двора были обнаружены фрагменты изразцов, привезенных из Европейской России. Изразцы представлены двумя видами: 1) терракотовые красные (рисунок 34:1); 2) поливные зеленые (рисунок 34:2). Керамические наборы для облицовки печей были завезены в город не ранее середины XVII в., а зеленые изразцы в период с 1650-х гг., но не позднее начала – середины 1680-х гг. [Черная, 2008. С. 489]. Несколько изразцов были обнаружены в ходе археологического изучения Верхотурья [Соколова, 1998. С. 165–170]. В. И. Семенова, описывая коллекцию изразцов из раскопок Тюмени, выделила, как и М. П. Черная два основных типа плиток: терракотовые «красные» и глазурованные [Семёнова, 2014. С. 275-277].

Осколок изразца обнаружен в Березове; здесь же найдена форма-штамп для

нанесения изображений на заготовки керамических изразцов (рисунок 34:3) [Пархимович, 2008. С. 261]. Фрагменты изразцов были обнаружены и в Тобольске [Аношко, 2014. С. 138–146].

Проведенная нами систематизация является открытой и не исчерпывает всего круга предметов, которые можно считать статусными. Это объясняется тем, что существует мало источников по социальной жизни русских сибиряков XVII–XVIII вв. и мы не можем сказать, какие еще известные нам предметы могли выступать показателями статуса человека. Между тем определение и рассмотрение основных групп статусных вещей показывает общий уровень их распространения на территории Западной Сибири. Зная, на каком памятнике были найдены эти вещи, можно говорить о социальном статусе разных групп населения, проживавших в городе или сельской местности, а также о социальных различиях обществ в различных городах данной территории.

Место статусных вещей в общем комплексе предметов из археологических коллекций довольно значимо. Они встречаются на всех изученных русских памятниках Западной Сибири, притом что группы статусных вещей также ранжируются по своей распространенности среди населения. Богатые пушниной северные города – Мангазея, Березов, Старотуруханск – демонстрируют самый большой и разнообразный набор статусных предметов, которыми владели как купцы и промышленники, так и служилые люди, царские чиновники, наживавшиеся на незаконном сбыте пушнины и взятках. Большое количество статусных вещей встречается в административных центрах: Тобольске, Томске, Таре, в которых сходились торговые пути и где была наивысшая концентрация чиновничества. Меньшим количеством статусных предметов располагают остроги (Саянский, Умревинский, Кузнецкий и др.) и села (Ананьино, Изюк, Бергамак), так как проживавшее в них население (служилые люди и крестьяне) имели более низкий статус и достаток. Необходимо отметить, что в любом населенном пункте соблюдалась социальная иерархия, и сельский староста или комендант острога могли позволить себе обладать большим количеством статусных вещей, чем крестьяне или пешие казаки. Отличие их от воевод и

представителей администрации, проживавших в крупных городах, – в возможностях обеспечить свой социальный статус определенными предметами. Тем не менее все группы населения стремились обладать статусными вещами, чтобы утвердить положение внутри своего социального слоя и попытаться улучшить свое положение в обществе.

Наши исследования показали, что вещь, как составная часть культуры, заключает в себе некоторый объем информации, на основании которой можно сделать ряд выводов относительно социально-культурного облика представителя конкретной социальной группы изучаемого нами общества. Критериями социальной значимости вещи выступают материал, из которого она изготовлена, и ее функциональность. В нематериальном плане значение, прежде всего, имеет положение вещи в мировоззрении общества, в котором она существует. Согласно этим критериям была проведена систематизация археологического материала с русских памятников Западной Сибири, которая позволила выделить группы предметов, являющиеся, на наш взгляд, главными маркерами социального положения разных слоев русского общества конца XVI – первой половины XVIII вв.

ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РУССКОГО ОБЩЕСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА.

Прежде чем приступить к реконструкции социально-культурного облика русского общества Западной Сибири по археологическим материалам, необходимо рассмотреть основные группы русского населения, существовавшие в регионе в конце XVI – первой половине XVIII вв., а также исторический контекст эпохи, условия, в которых жило русское население Западной Сибири, роль политических, этнических, географических, конфессиональных, профессиональных и иных факторов в процессе формирования социальных отношений.

Обращаясь к изучению русского общества Западной Сибири в конце XVI – первой половине XVIII вв., необходимо, прежде всего, учитывать характер его первоначального формирования. Первыми русскими, поселившимися в этом регионе, были служилые люди и промышленники. Однако если военные, направленные сюда для завоевания и удержания территории, выступили основообразующим элементом сибирского русского общества, то промышленники, заинтересованные, прежде всего, в получении прибыли, всегда находились на фронтире русской колонизации, открывая всё новые и новые источники ресурсов, которые истощались достаточно быстро. В связи с этим, как считает автор диссертации, их нельзя назвать социальной группой, определившей характер развития русского общества Западной Сибири. Таким образом, в первые десятилетия освоения региона военные представляли собой всё русское общество, сохраняли традиционную военную иерархию, которую упрощенно можно представить так:

- воеводы, которые назначались из Москвы и осуществляли функции непосредственного управления регионом;
- старшины, сотники, дети боярские, исполнявшие обязанности местной администрации в течение первых 20–30 лет с начала освоения Сибири;

- служилые низшего звена (пешие и конные казаки, стрельцы, служилые татары), кроме непосредственных воинских обязанностей, занимавшиеся сельскохозяйственной деятельностью, обеспечивая присоединенные земли продовольствием, особенно в условиях смуты 1605–1613 гг., когда поставки продовольствия в Сибирь из Центральной России фактически прекратились. Таким образом, служилые люди выполняли функции и крестьянства, и войска.

К концу XVII в. в социальной структуре русского общества Западной Сибири ситуация начинает меняться, и в последующие 100 лет служилые люди постепенно утрачивают свое положение и статус, а к середине XVIII в. этот социальный слой в Западной Сибири практически исчезает – большая его часть переходит в крестьянское и городское сословия, а оставшихся на военной службе отправляют на отодвинувшиеся от региона границы или оставляют в составе гарнизонов крупнейших сибирских городов.

К середине XVII в. на нижней ступени социальной организации обосновались крестьяне-переселенцы и горожане (посадские), причём уровень благосостояния отдельных представителей этих слоев мог быть достаточно высок. «Средним классом» можно назвать служилое население, которое к этому периоду утратило свою однородность и делилось (по возрастанию социального статуса) на пеших и конных казаков, «литву»* и детей боярских. Численность этого социального слоя в тот период еще была достаточно высока, значительно превышая крестьянство.

На переходных позициях между средним и высшим классами находились промышленники и купечество. Обладая в целом достаточно высоким достатком, эти группы лиц неоднозначно воспринимались в сибирском обществе и социальными преимуществами по сравнению с государственными крестьянами не обладали [Старцев, Гончаров, 1999. С. 136].

К верхним слоям общества относились представители царской

* О «литве» см. на с. 88-90

администрации: воеводы, приказчики, писчие дьяки; ко второй половине XVII в. сюда же вошло и духовенство.

Рассмотрим положение описанных нами социальных слоев с точки зрения предмета нашего исследования. Характеристика будет проводиться от высшего слоя к низшему.

3.1. Высший слой русского общества Западной Сибири в конце XVI – первой половине XVIII века.

Высший слой общества составляли **царские чиновники**. Они представляли собой немногочисленную и неоднородную социальную группу, обладавшую, однако, высоким социальным положением. В XVII в. эта группа делилась на несколько подгрупп: воеводы, дьяки, приказчики. В XVIII в., в связи с проведением губернской реформы и введением «Табели о рангах» ситуация изменилась: на вершине социальной лестницы оказались губернаторы. Произошло разукрупнение прежних уездов. Воеводы, получив новое звание «комендантов», остались при городах и острогах, но их влияние уменьшилось и положение несколько снизилось, хотя они по-прежнему продолжали играть важную роль в сибирской жизни [Ананьев, 2011. С. 38–42]. В целом, можно утверждать, что коренных изменений в социально-культурном облике высших слоев русского сибирского общества в XVIII в. не произошло. Место дьяков и подьячих заняли новые чиновники, чей социальный состав выглядел следующим образом: высшая категория чиновничества состояла из потомственных дворян, которые, как правило, направлялись на службу из Центральной России, средняя – из беспоместных дворян и сибирских дворян – выходцев из служилого сословия; канцелярские служители набирались из податных сословий, в основном из посадских людей [Акишин, 2003. С. 6].

Итак, для изучаемого нами периода, охватывающего конец XVI – первую половину XVIII вв., в высшем социальном слое русского сибирского общества мы выделяем несколько социальных групп по критерию статусности. Верхнюю, самую статусную группу составляли воеводы (с 1711 г. – коменданты). Их

широкие полномочия при знатности происхождения, как писал С. В. Бахрушин, «создавали им в Сибири особый ореол власти. В глазах сибиряков воевода нередко заслонял собою фигуру далекого царя» [Бахрушин, 1955. С. 253].

В выполнении своих функций по управлению уездом воевода опирался, прежде всего, на воинский гарнизон. В подчинении у него находились стрелецкие, казачьи и татарские головы, а также «ротмистры», которые командовали «литвой». Они назначались Сибирским приказом обычно из верхов местных служилых людей, но иногда присылались из других мест [Космовская, 2012. С. 137–138]. Подчинялись воеводе и старшины посадского населения, вплоть до того, что посадский мир без воеводы не мог принять нового тяглеца или отпустить старого [Тимонин, 2008. С. 85].

Воеводы были поставлены для выполнения следующих задач: военных, включавших организацию походов, подавление мятежей на уже покоренных землях и снабжение гарнизонов; хозяйственных, направленных на «увеличение запашки» для создания полноценного самообеспечения; административных (сбор ясака и регулирование торговли) [Бахрушин, 1953. С. 255–257].

В Сибири до начала 20-х гг. XVII в. вся деятельность таможен проходила под непосредственным руководством воевод. Таможенный голова назначался воеводой и полностью был ему подотчетен, а воевода часто вмешивался в процесс сбора пошлины. Иногда сбор пошлины поручался тому же приказчику, который посылался для ясачного сбора [Копылов, 1961. С. 330–370].

Но на деле обязанности, возложенные на воеводу, его не тяготили, а, наоборот, открывали пути к обогащению. Необходимо отметить, что в глазах служилых людей должность воеводы имела значительные материальные выгоды и расценивалась как своего рода отдых и награда за военные заслуги. Как правило, воеводы назначались из числа просителей по подписной челобитной или на основании царского указа. Служилый человек, желавший получить воеводское место, являлся в приказ с подписной челобитной. Просители обычно писали в своих челобитных «прошу отпустить покормиться», а также упоминали о своих военных заслугах. Быть управленцем на местах в XVII в. означало находиться «у

корыстовых дел». В незаконной деятельности, направленной на обогащение воеводской администрации, условно можно выделить два источника доходов: один был связан с традициями «кормления» за счет населения, другой представлял собой взятки, спекуляции и прямое насилие [Еланцева, Шаходанова, 2014. С. 113].

Очевидно, что ни жалованье, ни деньги на подъем, ни натуральные припасы не воспринимались воеводами как средства, достаточные для обеспечения их проживания на новом месте в течение нескольких лет и выполнения служебных обязанностей. К тому же «в психологии представителей дворянского класса, попадавших на гражданскую службу, последняя прочно связывалась с понятием «пожалованья», награды», поэтому сибирский воевода так или иначе «надеялся поправить (или увеличить) свое материальное благосостояние» [Ананьев, 2002. С.12].

Кроме этого, через своих подручных, а иногда и практически напрямую воевода незаконно участвовал в торговых операциях, отправляя свои товары на ярмарки, взимал дополнительные сборы и пошлины с торговых людей, при сборе ясака он отбирал себе лучшие шкурки, подменяя их «худыми» и «негодными» [Софронов, 2010. С. 583–584]. Более того, в царских указах, пытавшихся ограничить власть воевод, и в боярских приговорах прямо говорится: «многие прежние воеводы воровали всякую денежную Великих Государей казну» и собирали ее «для своих вымышленных корыстей»; «и сами воеводы... вино курили и продавали... и всяким людям чинили всякое мученье». Сургутского воеводу Михайло Трусова в 1696 г. обвиняли в присвоении более 1 648 руб., что по тем временам было равно целому состоянию [Софронов, 2010. С. 585]. Но несмотря ни на наказания властей, ни на введение штрафов за провинности, в XVI–XVIII вв. самовластие воевод и комендантов в уездах ограничить не удавалось.

В 1708 г. воеводское управление было упразднено, а введено губернское. На огромной территории Сибири была создана Сибирская губерния со столицей в Тобольске. По социальному положению губернаторы были выше воевод и обладали практически неограниченной властью, срок их правления не

ограничивался двумя-тремя годами. Так, первый сибирский губернатор М. П. Гагарин был у власти с 1708-го по 1719 г. Такая ситуация еще больше способствовала злоупотреблениям и прямому казнокрадству [Акишин, 1996. С. 45–96].

Переходя к рассмотрению более низких по социальному положению групп царских чиновников, следует сказать, что в XVII в. их численность была невелика. Воевода обычно присылался в Сибирь на два–четыре года. Воеводская канцелярия (в первой половине XVII в. она называлась съезжей избой) имела очень скромный штат: дьяк, два–три подьячих, сторож и палач – «заплечных дел мастер» [Самрина, 2012]. Эти чиновники старались использовать по максимуму положение, притом что им, в отличие от воевод, больше всего хотелось подчеркнуть свой статус и с помощью статусных вещей поднять себя над остальным обществом.

Надо отметить, что в отличие от областей Центральной России в Сибири штаты воеводских канцелярий пополнялись за счет присылки подьячих из Москвы, но большая часть должностей подьячих воеводских управлений замещалась, как правило, местными служилыми людьми и ссыльными. Они являлись хранителями правительственных архивов в сибирских городах и острогах, разнообразных актов и иной служебной документации, подлежащей строгому учету, контролю и отчетности. В социальной жизни сибирских городов такие чиновники занимали довольно высокое положение [Силаева, 2015. С. 238–239].

Губернская реформа 1711 г. в целом сохранила прежнюю структуру чиновничьего аппарата. Так, служители воеводских канцелярий были прямыми потомками подьячих приказных изб, существовавших в Сибири до проведения губернской реформы 1711 г. По квалификационному делению канцеляристы, подканцеляристы и копиисты соответствовали подьячим старшей, средней и младшей статей, их общая численность в Сибири к началу XVIII в. составляла всего 118 чел. [Ананьев, 2004. С. 23]. До середины века численность чиновников всех рангов в Сибири оставалась неизменной.

В удаленные от уездных городов острожки и слободы воевода назначал приказчиков из числа детей боярских или конных казаков. Приказчик в своем «присуде» обладал практически неограниченной властью, что делало его по положению воеводой «в миниатюре». Обязанности приказчика перечислялись в «наказной памяти», которая выдавалась ему в воеводской съезжей избе. Иногда приказчики, особенно в крупные острожки, назначались и получали «наказные памяти» непосредственно в Сибирском приказе [Огородников, 1920. С. 80]. Основная их обязанность заключалась в том, чтобы следить за исправным выполнением государевыми пашенными крестьянами повинностей и за расширением казенной запашки. В помощь приказчику крестьянский мир обязан был выбирать целовальников (для приема и хранения хлеба), старост, пятидесятских и десятских (для выполнения полицейских функций) [Копылов, 1965. С. 84].

При этом в XVII-XVIII вв., как и позднее, часто не личностные качества позволяли человеку занять государственную должность, а связи и влияние родственников или покровителей. В таком случае статусные вещи иногда играли важную роль, иными словами, люди смотрели не на человека, а на мундир. Чиновники были наиболее зависимы от моды и статусных вещей, здесь работали механизмы «демонстративного потребления». Это находит подтверждение как в письменных источниках, так и по материалам археологических исследований. Например, в ходе раскопок воеводской усадьбы в Томске были обнаружены кости страуса, черепаховый гребень, западноевропейская стеклянная посуда, оконное стекло и другие статусные вещи, не встречающиеся на памятниках, где проживали представители низших и средних слоев русского сибирского общества [Черная, 2015. С. 185–220]. Следование модным тенденциям часто отражалось в соперничестве представителей высшей знати. Это хорошо иллюстрируется историей противостояния двух воевод Мангазеи – Андрея Палицына и Григория Кокарева. Первый был ориентирован на западную культуру, одеваясь подчеркнуто просто, что не раз отмечалось в направленных против него челобитных, а второй выделялся неумеренной роскошью, одеваясь в «объяренный с нанизанными

алмазами “охабень” с пристежным ожерельем» [Люцидарская, 1998. С. 199].

Особое место в западносибирском русском обществе занимали представители немногочисленного православного духовенства. Первые из них приехали в Сибирь вместе с архиепископом Киприаном лишь в 1621 г. [Сизикова, 2013. С. 243], притом что многие из них сделали это по принуждению [Манькова, 2011. С. 85], а те, что принимали сан добровольно, нередко не исполняли свои обязанности и жили мирской жизнью [Тресвятский, 2010. С. 89]. В течение XVII в. происходит укрепление церкви в Сибири, она приобретает обширные земельные владения, которые достаточно быстро заселяют крестьяне, привлеченные сниженными повинностями, по сравнению с теми, что были на «государевой» пашне. К концу XVII в. Сибирская епархия владела крупными земельными наделами, покосами, пастбищами для выпаса скота, лесными, озерными и речными угодьями, имела собственные мельницы, чем обеспечила себе материальную независимость от государства [Сафронов, 2011].

Значительный доход приносили и пожертвования, как государственные, так и частные [Сизикова, 2013. С. 243]. В начале XVII в. за служение священник получал шесть рублей в год, а также семь четей ржи, круп и одну четь толокна. К середине века руга была увеличена до десяти рублей, восьми четей ржи, четырех четей овса и двух пудов соли [Манькова, 2011. С. 86]. То есть, по данным исторических источников, можно отметить достаточно высокий уровень обеспечения социальной группы священства.

Подытоживая вышесказанное, можно отметить, что, с одной стороны, количество чиновников царской администрации, даже с учетом общей немногочисленности русских в Западной Сибири в изучаемый период, было очень невелико. С другой стороны, их положение в обществе было очень высоким, особенно у воевод, которые, как уже было сказано, в Сибири обладали практически неограниченной властью. На данный момент археологами изучено несколько жилищных комплексов (в Таре, Тюмени, Томске), в которых, как предполагается, проживали представители царской администрации (прежде всего, воеводы). В результате археологических исследований было обнаружено весьма

значительное количество статусных предметов, которые формировали социально-культурный облик представителей власти. При этом находок, которые относятся к предметам роскоши, в целом не так много. Можно также отметить схожесть предметного комплекса, присущего высшему слою русского сибирского общества, с набором вещей, которые был характерен для наиболее обеспеченной части служилого населения Западной Сибири в конце XVI – первой половине XVIII вв.

3.2. Средний слой русского общества Западной Сибири в конце XVI – первой половине XVIII века.

Самой многочисленной социальной группой в Западной Сибири были служилые люди, которые составляли основу среднего слоя западносибирского общества. Также к этому слою можно отнести и купечество, обладавшее неоднозначным социальным положением в изучаемый период. В условиях военной колонизации огромной сибирской территории служилое сословие сохраняло свое высокое благосостояние и статус в данном регионе примерно до середины XVIII века. Военные являлись также «законодателями моды» в Сибири, они могли влиять на политику воевод, имели право напрямую писать царю в случае недовольства деятельностью местных чиновников, и часто государственная власть считалась с их мнением.

Основную массу служилых в Сибири составляли русские казаки, пешие и конные, а также стрельцы, которых по обязанностям и жалованию можно формально приравнять к пешим казакам. Еще в конце XVI – начале XVII вв. сюда активно отправляли на службу служилых с Дона и Поволжья, а кроме того переводили городских казаков и стрельцов из состава гарнизонов городов на севере европейской части страны. Эти переводы продолжались вплоть до середины XVII в. В 1635 г., например, в Тобольск, Тюмень и Тару были посланы около тысячи ратных людей из Великого Устюга, Вологды, Нижнего Новгорода и других городов. Это подтверждают антропологические материалы, полученные в

ходе раскопок погребального комплекса Изюк-I в Омском Прииртышье [Татаурова, 2010. С. 26]. Только во второй половине столетия сибирские гарнизоны стали пополняться за счет наборов на местах и перемещение военных сил из Европейской России прекратилось. Стрельцы к концу века почти исчезли из состава сибирских гарнизонов. Пешие казаки, напротив, продолжали оставаться наиболее представительной категорией. Конные казаки, будучи не столь многочисленной группой, считались более высоко стоящими и приравнивались к служилым литовского и новокрещеного списков [Никитин, 1994. С. 77-83].

Русские служилые люди принесли в Сибирь традиционную бытовую культуру, став ядром, вокруг которого в дальнейшем формировалось всё западносибирское общество в XVII в. Это фиксируется в том числе и по данным археологических исследований: установлено, что приёмы домостроительства были аналогичны центральнорусским, то же можно сказать и про типы обуви, одежды, предметов вооружения, которые также являются традиционными не только для русских Сибири в изучаемый период, но и для всей России в целом. У аборигенного населения заимствовались лишь отдельные элементы костюмного комплекса [Шелегина, 1995. С. 77–80], некоторые привычки (например табакокурение) [Шаповалов, 2000. С.115].

В служилом войске присутствовали и другие этнические группы, оказавшие влияние на формирование социально-культурного облика русского сибиряка в конце XVI – первой половине XVIII вв. Это так называемые «литва» и «новокрещены».

«Литва» состояла из попавших в Сибирь лиц нерусского происхождения, среди которых было много военнопленных. Это были выходцы из Речи Посполитой, запорожские казаки и представители других народов. Правда, в отрядах «литвы» всегда имелась какая-то часть русских людей, а затем их состав оказался разбавлен местными уроженцами, потомками когда-то присланных сюда иноземцев. Служивших в литовских сотнях русских именовали в официальных документах казаками литовского списка, а детей иноземцев – новокрещенами,

поскольку их отцы, обжившись в Сибири, крестились в православную веру и меняли свои прежние имена на русские [Никитин, 1988. С. 32–33].

Судя по частоте упоминаний в документах конца XVI – начала XVII вв. «литвы», «черкас» и «немцев», они уже тогда составляли заметную группу служилого населения Западной Сибири и принимали активное участие в окончательном разгроме сибирского хана Кучума, в подчинении западносибирских народов русской власти, строительстве городов и острогов. В частности, среди 35 служилых людей Тары, Тобольска и Тюмени, сопровождавших в 1598 г. плененных родственников Кучума (царевичей и цариц), было 10 чел. «литвы» [Никитин, 1991. С. 50].

О немалой численности «западных иноземцев» в составе служилых людей в это время говорит тот факт, что в ряде западносибирских гарнизонов были созданы особые подразделения – так называемые «литовские» и «черкасские» «списки». По данным 1626/27 г., таковые имелись в Тобольске (109 чел., или 15,2 % от всего гарнизона), Тюмени (соответственно 36 и 10,9 %), Таре (72 и 17,0 %), Пельме (10 и 12,0 %) и Березове (9 и 3,0 %) [Зуев, Люцидарская, 2010. С. 55].

Известно, что в отдельные годы в Томске иноземная «литва» составляла до трети гарнизона города. Среди томских «иноземцев» было немало очень грамотных поляков, которым поручались воеводской администрацией ответственные дела, требовавшие знаний и необходимой подготовки [Курилов, Люцидарская, 1985. С.31].

Сколько «европейцев» оседало в Сибири, связав свою судьбу с «государевой» службой, вычислить вряд ли возможно, но они в разной пропорции встречались во всех имевшихся к середине XVII в. сибирских гарнизонах. Особые подразделения «литвы» сохранялись в Тобольске (в 1650 г. – 130, или 13,7 % численности гарнизона), Тюмени (101 чел., вместе с новокрещенами и конными казаками, или 12,6 %) и Таре (соответственно, 176, или 20,1 %) [Зуев, Люцидарская, 2010. С. 57].

В последней трети XVII в. Российское государство не вело крупных войн на западе, соответственно отсутствовали и пленные, которых можно было бы

ссылать в Сибирь. Ссылка же малочисленных групп «черкасов», обвиненных в «измене», и «воровских» вольных казаков была эпизодической и не могла существенно повлиять на этнический состав сибирских служилых людей. В результате в это время численность «иноземцев» «западного» происхождения в гарнизонах Сибири заметно сокращается. Отдельные «немцы», присылавшиеся сюда, как правило, временно в качестве командиров-инструкторов для обучения служилых людей регулярному строю, картины не меняли [Зуев, Люцидарская, 2010. С. 59].

К концу XVII в. термин «литва» фактически выходит из употребления, что указывает на процесс несомненной ассимиляции и обрусения прибывших на сибирскую службу иноземцев. Сохранялась, правда, служебная терминология, принятая в европейских армиях – командиров литовских сотен именовали ротмистрами и поручиками [Никитин, 1988. С. 41]. К началу 1720-х гг. «литовский список» (72 чел.) остался только в Тюмени [Зуев, Люцидарская, 2010. С. 59].

Поляки, белорусы и украинцы привозили с собой в Сибирь привычные для себя предметы обихода и утвари, заводили у себя на подворье свойственный им уклад жизни. И многие горожане заимствовали вещи из обихода иноземцев. Значимость подобных заимствований состоит в том, что одеваться и питаться по-новому или употреблять в речи перенятые слова считалось признаком высокого социального статуса [Арутюнов, 1989. С. 177]. Ведь иноземная «литва» находилась, как правило, на достаточно высоких позициях в обществе, занимая должности воинских командиров и представителей царской администрации [Люцидарская, 1998. С. 200]. Как правило, европейцы были хорошо знакомы с военным делом, многие проходили ранее службу в кавалерии и к тому же отличались достаточно высоким, по тем временам уровнем образования [Гончаров, Ивонин, 2006. С. 23–30]. «Литва» участвовала в формировании особой «сибирской» культуры, родившейся на пересечении европейских и азиатских традиций, европейцы принесли с собой не только личные взгляды на окружающую действительность, но и культурные традиции эпохи. Особенно в этом плане выделялись поляки, знакомые с европейским Просвещением и

принесшие с собой позитивный интерес к природе, идеям и людям, их создавшим [Лоткин, Ярков, 2013. С.78].

При этом ряд исследователей отмечает, что ехать в Сибирь никто из иностранцев не хотел, а путь на место службы отмечался грабежами и разбоями со стороны переведенных служилых, и это неудивительно, учитывая что на русской службе часто оказывались сдавшиеся в плен в ходе боевых действий, а также дезертиры и перебежчики [Раев, Резун, 2004. С. 17].

В составе служилого населения Западной Сибири в конце XVI – XVII вв. так же находилось большое количество представителей коренного населения региона, которых русские власти охотно принимали на службу, особенно знать. Части бывших племенных князцов впоследствии были пожалованы русские княжеские титулы за верную службу. Таковы, например, князья Алачевы, князья Гантимуровы. Наиболее многочисленной из всех была категория юртовских служилых татар [Зуев, Люцидарская, 2010. С. 65]. Целые подразделения в составе сибирских гарнизонов укомплектовывались из военно-служилой знати бывшего Сибирского ханства (беки, мурзы, «князцы»). Численность юртовских татар в XVII в. оставалась почти неизменной: в 1626/27 г. их было в Тобольске – 259 чел. (36,1 % гарнизона), Тюмени – 73 (22,3 %), Таре – 57 (13,5 %), всего 389; в 1699 г., соответственно, 256 (11,9 %), 108 (11,4 %) и 65 (9,0 %), всего 429 [Никитин, 1988. С. 32–33]. Они несли службу наравне с русскими казаками, получали небольшое денежное жалованье, а некоторые – и хлебное, сохраняли свои земельные владения и были свободны от уплаты ясака. В течение XVII в. служилые татары уравниваются в правах с русскими служилыми людьми. Но при этом им было разрешено исповедовать ислам. А их организационная обособленность подчеркивалась наличием «своего» начальства – татарских голов. Правда, таковыми до конца XVII в. являлись преимущественно русские, «литва» и «черкасы» [Зуев, Люцидарская, 2010. С. 65]. К концу XVII в. служилых татар постигла та же судьба, что и казаков литовских списков – они ассимилировались с русским служилым населением. В конце века служилых татар в Сибири осталось около 550 чел. К началу 1720-х гг. они как особые подразделения исчезли в

Красноярске, а в гарнизонах Западной Сибири их осталось 452 чел., в том числе в Тобольске – 228, в Тюмени – 104, в Таре – 21, Томске – 79, Кузнецке – 20 [Зуев, Люцидарская, 2010. С. 65].

Следует отметить, что коренные жители Сибири, переходившие в православие при поступлении на военную службу, растворялись в русском населении еще быстрее, а их дети были уже полностью «русскими» [Никитин, 1988. С. 41]. При переходе непосредственно в «войско» представители коренных сибирских народов получали одно важное преимущество – жалование. Представители аборигенной знати, которым «даровали» право владеть их же землями, ничего не получали за свою службу. Исключение составили только кодские князья Алачевы. Им из казны на содержание войска выделялись деньги (до 1610-х гг.) и хлеб (до 1643 г.) [Перевалова, 2004. С. 40–56].

В составе служилых людей были и представителей коренных народов Поморья и Урала (пермяки, зыряне, башкиры и казанские татары), которые также пришли в Сибирь вместе с русскими, но их количество и культурное влияние было незначительным [Зуев, Люцидарская, 2010. С. 60]

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что служилое население Западной Сибири как социальная группа было неоднородным. Основную его массу составляли русские, прежде всего выходцы из Поморья. Однако значительным было присутствие и нерусского элемента. Можно утверждать, что влияние иностранцев и аборигенного населения на русских было достаточно велико и не ослабевало практически до конца XVII в.

Сибирское служилое войско отличалось от центрально русского и другими своеобразными социальными чертами. В Сибири до XVIII в. не было служилых «по отечеству», или «природных» дворян, что было связано с отсутствием в Сибири помещичьего землевладения. Поэтому сибирские гарнизоны в XVII в. были составлены исключительно из служилых «по прибору», которые находились на государственной службе до конца жизни, но не могли передавать свой чин по наследству. Конечно, на практике этот запрет постоянно нарушался, но официально его никто не отменял, и ближе к концу XVII века в Сибири

производились проверки правильности зачисления тамошних служилых людей в те или иные чины и должности [Никитин, 1994. С. 78].

Наивысшим в иерархии сибирских служилых людей был чин «сына боярского», близкий служилому «по отчеству» дворянину. Впрочем, с 1684 г. сибирякам стали присваивать и дворянский чин. Единственное отличие заключалось в том, что хотя эти чины и переходили нередко от отца к сыну, но официально тем не менее не были наследственными и потомственными. К тому же в Сибири охотно жаловали в дети боярские за те или иные боевые заслуги не только представителей командного состава сибирского войска, но и рядовых казаков. Дети боярские занимали высшие должности в гарнизонах, руководили военными экспедициями, становились приказчиками. По положению и образу жизни их можно отнести к представителям своего рода «сибирской аристократии», причем, не слишком отличавшихся от своих нижестоящих товарищей [Никитин, 1994. С. 79].

До середины XVII в. правом верстать (зачислять на службу) в «дети боярские» обладали воеводы, затем такие «верстанья» они проводили только с санкции разрядных воевод. В XVIII в. в чины сибирских дворян и детей боярских зачисляли губернаторы с учетом выслуги, заслуг и в отдельных случаях происхождения претендента [Акишин, 2009].

«Дети боярские» в XVII в. стояли на высшей ступеньке служилого сословия Западной Сибири, заменяя отсутствовавшую в Западной Сибири «природную» аристократию. Они выполняли наиболее ответственные поручения военно-административного характера: проводили «досмотр» земель и устройство крестьянских слобод, «прибор» пашенных крестьян, служили приказчиками в острогах и слободах пашенных и оброчных крестьян, возглавляли отряды, сопровождавшие казенные грузы или находившиеся в дальних острожках и ясачных зимовьях в качестве «годовальщиков». Их обычно ставили во главе небольших посольств и военных отрядов, рассылавшихся в районы к «немирным иноземцам». Только «дети боярские» могли стать головами гарнизонов сибирских городов и воеводами. Например, в 1697–1711 из 67 чел., побывавших на

воеводских должностях в Сибири, 11 были выходцами из местных дворян и «детей боярских». Также обычно дети боярские назначались атаманами конных казаков и стрелецкими сотниками, в отдельных случаях – атаманами у низшего слоя сибирского «войска» – пеших казаков [Никитин, 1994. С. 79–80]. Ситуация не сильно изменилась и в XVIII в., несмотря на уничтожение старых сословий, вызванное введением в 1722 г. «Табели о рангах». По неполным данным, из 108 чел., занимавших в 1730-х – начале 1760-х гг. должности сибирских воевод, 38 являлись представителями местных служилых династий. В 1780 – 1790-х гг. из 226 чиновников, служивших на классных должностях в губернской и уездной администрации Тобольского, Иркутского и Кольванского наместничеств, 30 имели чины сибирских дворян и детей боярских [Акишин, 2009].

Ниже детей боярских в служилом войске Западной Сибири в XVII–XVIII вв. располагались так называемые «конные казаки», объединенные в гарнизонах крупных городов в отдельные подразделения. Как раз в эту категорию входили «литва», «черкасы» и «новокрещены». Но в целом, их численность была не очень велика. В Тобольске, например, «конных казаков» было около 60 в начале и около 200 в конце столетия; в Тюмени соответственно 60 и 150. Они выступали в роли командиров небольших подразделений пеших казаков, несли городовую службу, выполняли мелкие административные поручения [Никитин, 1994. С. 80]. Одной из важных обязанностей этой категории служилых людей был сбор ясака [Гончаров, Ивонин, 2006. С. 32].

На низшей ступени располагалась самая многочисленная категория ратных людей за Уралом – «пешие казаки», точнее, ратные люди пешей службы, ибо наряду с казаками в Сибири ее несли стрельцы, пушкари и затинщики, хотя число последних было весьма незначительным – 10–15 чел. на гарнизон [Никитин, 1994. С. 80]. На них лежала вся тяжесть исполнения служебных обязанностей служилых людей, по социальному положению они вплотную приближались к рядовому крестьянскому и посадскому населению. Некоторые исследователи из числа пеших казаков выделяют категорию стрельцов, хотя существенной разницы между ними не было: пешие казаки и стрельцы выполняли одни и те же

поручения, получали примерно одинаковые оклады. Не было заметно различий и в форме одежды, точнее сказать, не было единообразия в форме одежды ни у тех, ни у других [Гончаров, Ивонин, 2006. С. 23].

Среди иррегулярных сибирских войск XVII в. надо отметить беломестных казаков – служилых, специально поселенных при пограничных слободах и острогах для их военного прикрытия в случае нападения кочевников. В отличие от упоминавшихся выше основных категорий ратных людей Сибири беломестным казакам не полагалось всех видов жалования, круг их обязанностей был не так широк, но «за службу» они освобождались – «обеливались» (отсюда и название) от государственных налогов и повинностей и обязательно (причем довольно щедро) наделялись землей. Появились беломестные казаки впервые в верхотурском уезде, им было велено служить с пашни и за денежное и хлебное жалование. К 1710 г. в Сибири имелось 512 семей беломестных казаков, в Тобольском уезде – 83, Верхотурском – 111, Тарском – 185, Енисейском – 133 [Пузанов, 2007. С. 55–56]. Социальное положение этой группы населения было неоднозначным: она стояла на границе крестьянства и служилых людей, впрочем, по уровню привилегий и жалования приближаясь больше к последним. Позднее беломестные казаки слились с остальными служилыми людьми.

Таким образом, можно заключить, что служилое население Сибири обладало достаточно специфичной социальной структурой, что объяснялось характером его формирования. На высших позициях в этом социальном слое стояли представители местного служилого дворянства (детей боярских) и вынужденных переселенцев с территорий Речи Посполитой («литвы»). Следующими по значимости были конные казаки, а низший, самый многочисленный слой составляли пешие казаки, стрельцы, служилые татары, которые выполняли большую часть воинских обязанностей, и беломестные казаки.

Необходимо рассмотреть источники формирования достатка и социального положения служилых людей в изучаемый нами период.

Сибирские служилые люди находились на государственном обеспечении, получая, как правило, три вида жалования – деньгами, хлебом и солью. Конные

казаки получали 7–8 руб. в год, пешие казаки и стрельцы – от 4 до 5 руб. Хлебные оклады составляли от 30 до 50 пудов хлеба в год, а соляные – от 1,5 до 3 пудов [Бахрушин, 1959. С. 19].

Оклады детей боярских были индивидуальны и зависели от «отечества», давности службы и личных заслуг. Так, в Тобольске в 1647/48 наиболее высокие оклады – в 18–30 руб., 10–30 четверти ржи и 10–30 четверти овса, 3 пуда соли – получали только четыре сына боярских, высокие – в 12–16 руб., 9–16 четверти ржи, 4–15 четверти овса, 3 пуда соли – 32. Оклады в 3–11 руб., 2–10 четверти ржи, 1–8 четверти овса, 1–3 пуда соли, которые соответствовали окладам более низких чинов служилых людей, имели 38 детей боярских. В XVIII в. окладное денежное, хлебное и соляное жалованье осталось основным видом обеспечения сибирских дворян и детей боярских. По «штатам» 1732 г. оклад денежного жалованья сибирских дворян и детей боярских колебался от 8 до 20 руб. [Акишин, 2009]. При этом надо отметить неравномерность выплаты жалования в зависимости от города, где служилый человек проходил службу. Так, в Таре наибольшее жалованье – 16 руб. – получал атаман Василий Тюменец, хотя занимаемая им должность по рангу была намного ниже, чем должности татарского и казачьего голов, литовского ротмистра и стрелецкого сотника. Стрелецкий сотник Малах Макшеев получал 15 руб. с четью, а казачий и тарский головы и литовский ротмистр получали жалованье 15 руб. Дети боярские получали 10 руб. с четью, остальные атаманы: Иван Бессмертный – 12 руб., Алексей Романов – 11 руб., Влас Калашников – 9 руб., а Пospel Голубин – 8 руб. [Волков, 2009. С. 55–56].

Сибирской администрации часто приходилось выплачивать жалование вперед, особенно в тех случаях, когда служилым предстояла отправка в дальние «посылки». Обычной практикой была выдача гг.ого жалования не полностью, а в два-три приема, чтобы не позволить служилым пропить его, проиграть или вообще сбежать [Никитин, 1988. С.32–33].

Отдельно оплачивалось участие в военных экспедициях: за каждого убитого или взятого в плен противника служилому полагалось по одному рублю, так же оценивались и полученные в боях раны [Лоткин, Ярков, 2013. С.78].

Вместе с тем в конце XVI – первой половине XVII вв. нередко жалование вообще не выплачивалось или сильно задерживалось, что вынуждало служилых людей искать другие возможности для получения дохода со своей службы. В начале XVII в. стала обыденной ситуация, когда казаки уходили на пашню заниматься земледелием, тем более, что зачастую это происходило в русле государственной политики, подразумевавшей создание пашенных городов и слобод для самообеспечения Сибири хлебом. Основной массив пашен служилых людей отмечен в предместьях Верхотурья, Туринска, Тюмени, Тобольска и вблизи укрепленных пунктов на оборонительных линиях [Балюк, 2001. С. 7–8]. Однако и это не являлось продуктивной мерой – тяжелые года смуты, когда Сибирь фактически лишилась обеспечения со стороны России, привели к разорению пашен и голоду. Это привело к реформе Ю. Я. Сулешева, по которой за служилыми людьми закреплялись их пашни при отмене выплаты для таких собственников хлебного жалования. Несмотря на общее недовольство реформой в среде служилых людей, она сформировала единую сельскохозяйственную базу для обеспечения Сибири и позволила служилым людям получать полноценный доход с земли. На основании материалов дозорных книг, земледельческое хозяйство служилых людей можно трактовать как деревня – двор, тип замкнутого хозяйства, обеспеченного необходимым комплексом сельскохозяйственных, лесных, промысловых угодий и водоемом [Балюк, 2001. С. 9–11].

В итоге, к началу XVIII в. многие конные казаки и «дети боярские» обладали весьма крупными земельными наделами, сопоставимыми с дворянскими поместьями в Центральной России. Например, в дозорной книге Тарского уезда за 1701 г. описаны, в частности, земли, принадлежавшие казачьему роду Неупокоевых, проживавшему в деревне Ананьино (археологический памятник Ананьино-I в Омском Прииртышье): «Пашни у него паханые в дуброве две десятины в поле севу по тому ж. Да непаханой земли залежи и пустоши пятнадцать десятин а та у него пашня в доле с племянником его с конным казаком с Васьюкою Федоровым сыном Неупокоевым вверх по Иртышу реке и вверх по Нюхолони реке... Сенных покосов у него под деревней в лугу на сто копен да

подле... реки на сорок копен. Скоцкого выпасу четыре десятины все возле сенных покосов и скоцкий выпуск вверх по Иртышу реке на Ананьиной деревне, пашенные выпасы на горе в межах в первую сторону от сосняку вверх по реке Пятовой до березняка...» [Татауров Ф. С., 2013. С. 266–267]. Фиксируется похожая ситуация и для других памятников Омского Прииртышья, где проводились археологические исследования (Изюк-I и Бергамак-I). К середине XVIII в. там проживали в основном потомки «боярских детей», а также казаки и пушкарники с семьями [Крих, 2012. С. 136–144]. А в Таре стрелецкий сотник Влас Черкашенинов в 1701 г. имел 10 лошадей, 20 коров, шесть овец, 43 десятины «пригожей» земли, в том числе четыре десятины в поле было отведено под пашню. В его хозяйстве работали пять дворовых людей [Гончаров, Ивонин, 2006. С. 36].

В целом, Тарский уезд демонстрирует в начале XVIII в. картину, где лидирующие позиции в сельском хозяйстве продолжали занимать служилые люди. Из 742 хозяйственных единиц Тарского уезда в 1701 г. на долю казаков приходилось 505 (68 %), на долю крестьян – 83 (11 %). Оставшиеся 154 единицы (21 %) принадлежали «полуслужилым» беломестным казакам. На одну хозяйственную единицу у служилых людей приходилось по 1,6 десятины в поле, «а в дву потому ж», у крестьян – 1,7, у беломестных казаков – 0,8. На одно хозяйство в среднем имелось по 2,1 лошади (у конных казаков – 2,7), 2,2 головы крупного рогатого скота, 1,3 – овцы [Гончаров, Ивонин, 2006. С. 35–36].

Кроме жалования и доходов с земли, служилые повышали свое благосостояние и за счет занятия ремеслом и торговлей. Согласно соборному уложению 1649 г. служилые получали право заниматься безоброчной торговлей с условием уплаты таможенных пошлин, составлявших десятую часть от стоимости товара или средств труда, ввозить и вывозить товары стоимостью до 50 руб. разрешалось беспошлинно, также им была разрешена свободная работорговля [Лоткин, Ярков, 2013. С. 79]. Относительно последнего пункта следует сказать, что право детей боярских, купцов и казаков владеть дворовыми людьми было отменено только указом от 14 марта 1746 г.

В сибирской столице – Тобольске – в середине XVII в. половину от общего

числа торговцев, ремесленников и промышленных людей составляли именно представители служилого сословия, и это несмотря на загруженность своими прямыми обязанностями, вообще-то не предусматривавшими подобного рода деятельности [Никитин, 1988. С. 33].

В Томске и Кузнецке служилые люди занимались выделкой кож, винокурением по государственному заказу и другими ремеслами, которые, правда, не приносили им высокого дохода. Гораздо более выгодной была торговля пушниной с бухарскими купцами, приезжавшими на Кузнецкую и Томскую ярмарки. Кроме этого, служилые люди часто занимались казенной торговлей, приносившей хоть и небольшой, но относительно стабильный доход [Миненко, 1975. С. 61–68]. К началу XVIII в. в связи с развитием сибирского хлебопашества больших объемов достигает торговля хлебом. При ярмарках также процветала контрабандная торговля, это было связано с тем, что воеводы и дети боярские для получения огромных прибылей часто злоупотребляли своим положением [Чурсина, 2005. С. 113–115]. Надо отметить, что, хотя в Западной Сибири было найдено незначительное количество серебряной руды, всё же существовали мастера, занимавшиеся отливкой ювелирных изделий, о чем говорит обнаружение литейных форм в Кузнецке [Кауфман, 1994. С. 50].

Несмотря на общее слабое развитие ремесла в Сибири в XVII в., некоторые ремесленные предприятия под руководством служилых людей достигали мануфактурной формы производства. Например, на рубеже XVII и XVIII вв. функционировала кузница тюменского атамана пеших казаков И. Михайлова и его сыновей – детей боярских Ф. и Е. Колокольниковых. Основным видом производства в ней было литье колоколов, а по государственным заказам – пушек. Торговля и промышленные занятия дворян и детей боярских позволили некоторым их потомкам в XVIII–XIX вв. перейти в мещанские и купеческие сословия [Акишин, 2009. URL: <http://russiasib.ru/>].

В г. Таре доля служилых людей в числе ремесленников была достаточно высокой. Вместе с отставными их насчитывалось 61 чел. (54 %), без них – 42 чел. (37 %). Еще 33 ремесленника (29 %), хотя и занимались только ремеслом, имели

тесные связи со служилой средой, поскольку числились в казачьих детях. По удельному весу служилых ремесленников среди городов Западной Сибири Тара находилась на первом месте, если, конечно, не считать Сургута, где из пяти ремесленников четверо были казаками [Гончаров, Ивонин, 2006. С. 36].

Кроме легальных источников дохода, служилые люди не гнушались прибегать к разным преступлениям для получения дополнительных средств. Основные преступления в XVII в. были связаны со сбором ясака, причем стрельцы буквально соперничали друг с другом ради участия в ясачном сборе, а за назначение на эту службу они нередко давали воеводам «посулы большие», т. е. взятки – «рублев по 20-ти и по 30-ти и больше», что по тем временам было целым состоянием [Самрина, URL: <http://human.snauka.ru/2012/11/1967>].

Обобщая вышесказанное, можно заключить, что в XVII в. служилое население Западной Сибири имело достаточно высокий уровень благосостояния, что, в свою очередь, формировало их социально-культурный облик. Именно служилые люди в XVII в. стали основой для складывания самобытной сибирской русской культуры, которая, в основном через служилое войско, во-первых, впитала в себя разнообразные традиции пришлого и местного населения, во-вторых, привила сибирякам определенную «вольницу» в нравах и обычаях. В это время именно служилые люди были и движущей силой освоения и заселения Сибири, и создателями «русского мира» на этой территории.

Стоит отметить, как под влиянием новых политических преобразований в XVIII в. ситуация начинает меняться и за 50 лет служилое сословие постепенно теряет свой социальный статус и главенствующее положение в обществе. Начало этим процессам было положено в связи с формированием полков нового строя. Первоначально ситуация для служилых людей только улучшилась, открыв дополнительные источники дохода. Так, назначенные рейтарам и солдатам оклады денежного жалования по сибирским меркам были очень высокими, гораздо выше, чем у большинства сибирских служилых людей: у рейтар жалование составляло 15 руб. в год, а у солдат – по 6 денег на день (около 11 руб. в год). Офицеры и вовсе получали огромные оклады: полковник – более 400 руб. в год,

полуполковник – около 200 руб., майоры – более 160 руб., поручики – от 60 до 100 руб. в год. Общая же сумма годового жалования, полагавшаяся рейтарскому полку, составляла 19 тыс. руб., солдатскому – 13 тыс. [Пузанов, 2006. С. 113–116]. Учитывая неважное состояние тобольской казны, правительство взяло снабжение сибирских войск в свои руки. Так, в 1660 г. из Москвы в Тобольск для первой выплаты годовых окладов только что набранным воеводой Хилковым рейтарам и солдатам было отправлено 34 тыс. руб. Практиковалось подобное и в последующие годы, когда денежное жалование для полков доставлялось из Москвы тобольскими служилыми людьми [Дмитриев, 2002. С. 37-38]. При этом следует помнить, что к тому времени у многих служилых людей были земельные наделы, часть из них занималась ремеслом и торговлей, что дополнительно влияло на их благосостояние.

Отдельного описания заслуживает офицерский корпус войск «нового строя». Большую часть высшего командного состава составляли иностранные офицеры-инструкторы, прибывшие из Москвы. Почти все они служили здесь на контрактной основе, ссыльных «иноземцев» на службу в полки практически не брали. Эти иностранцы выступали законодателями европейской моды в Западной Сибири. Рядовой состав полков комплектовался из «детей боярских», конных казаков, «литвы» и «новокрещенов», а также из их детей, братьев и племянников, приписанных к крупнейшим городам Западной Сибири: Тобольску, Тюмени, Туринску, Верхотурью [Пузанов, 2006. С. 111].

Однако такая ситуация просуществовала не долго. Уже в 1670-х гг. для солдат и рейтар из полков «нового строя» было отменено хлебное и соляное жалование, а денежное часто выплачивалось не полностью или задерживалось, так что материальное положение этой категории служилых людей было неоднозначным. А в связи с реформами воеводы П. Годунова произошло сокращение и денежного жалования [Дмитриев, 2002. С. 38]. Испытывая финансовые трудности, правительство стремилось всеми силами сократить размеры выплачиваемого жалования, что в итоге приводило к недовольству служилых людей, оставлению ими рейтарской и солдатской службы и переходу обратно в казаки. К началу 80-х

гг. XVII в. в связи с общей политической ситуацией в стране содержать сибирские полки «нового строя» стало невозможно, и они фактически были расформированы, слившись с основной массой служилого населения [Пузанов, 2006. С. 113–114].

Однако эти реформы стали отправной точкой для дальнейших изменений в социальной структуре воинского сословия Западной Сибири. В дальнейшем правительство продолжит сокращать численность служилых людей в гарнизонах городов, особенно тех, кто стоял далеко от границы. Нововведения постепенно разрушали старую сибирскую служилую корпорацию, например, тех же рейтар набирали из разных городов, социальных связей между собой они не имели. В 1689–1725 гг. сословие «служилых людей» было последовательно ликвидировано, что было закреплено введением «Табели о рангах», лишь часть их продолжила военную службу, остальные же были вынуждены перейти в состав крестьянского и посадского населения. Это фиксируется и данными археологических исследований. Например, на сельском памятнике Изюк-I, где, по данным письменных источников, совместно жили представители служилого и крестьянского сословий [Крих, 2012. С. 136-144] невозможно выделить группы предметов, которые бы однозначно относились к социально-культурному облику служилых людей или же крестьян.

В целом, анализ археологического материала показывает, что служилые люди, даже рядовые, обладали большим набором статусных предметов. Вероятно, это связано с тем, что в XVII в. представители данной социальной группы составляли основу общества, им требовалось подчеркнуть свое социальное положение, показать приверженность моде. Это выражается в находках украшений одежды, от накладок до дорогих пуговиц, обуви западноевропейских образцов, курительных трубок (хотя табакокурение в XVII в. было запрещено), фарфоровой посуды и других статусных вещей.

Та роль, которую играли служилые люди в обществе конца XVI – первой половины XVIII вв., позволила именно им заложить фундамент для формирования социально-культурного облика русского жителя Западной Сибири.

К среднему слою западносибирского русского общества второй половины XVII – второй половины XVIII вв. можно также отнести купечество, которое занимало неоднозначное положение. Это было связано с тем, что в русском обществе отношение к предпринимателям всегда было скорее негативным. Богатство, нажитое торговлей и промышленностью, считалось не совсем честным. Необходимо сказать, что на формирование негативного облика русского купечества во многом повлияла их деятельность, направленная на получение прибыли любой ценой. Запрашивать больше, чем двойные цены, продавать товары с 30–40 % наценкой считалось в порядке вещей и продавец, умевший успешно это делать, был «на счету» и пользовался славой успешного торговца [Старцев, Гончаров, 1999. С. 136].

Неоднозначность социального положения купечества в XVII – первой половине XVIII вв. объясняется характером формирования в Сибири этого сословия. Немногочисленная прослойка торговых людей появилась в Западной Сибири только на рубеже XVII–XVIII вв., до этого крупные торговые операции проводились купцами из Центральной России. Первые местные купцы вышли из слоя служилых людей и посадского населения, которые и до этого занимались на территории Сибири мелкой торговлей, или осуществляли казенные торговые операции. Местные купцы формировали собственные торгово-промышленные предприятия в сибирских городах, выполняли по выбору от городских обществ общественные службы [Разгон, 1999. С. 32]. Надо отметить, что вплоть до середины XVIII в. полноценного купеческого сословия в Западной Сибири не сложилось, что обуславливалось отсутствием здесь крупных купеческих корпораций, низким уровнем социально-экономического развития региона, большим количеством торговцев-разночинцев. До 40-х гг. XVIII в. даже слово «купец» в Сибири не употреблялось, торговых людей называли просто «посадскими» [Разгон, 1999. С. 33].

До настоящего времени в поле археологического изучения не попадали купеческие усадьбы или лавки, датируемые XVII – первой половиной XVIII вв. В то же время накоплено достаточно большое количество археологических

материалов, относящихся к торговле и купечеству конца XVIII – начала XX вв. Это косвенно подтверждает данные источников о небольшом количестве торговых людей в Западной Сибири в указанный период, а также указывает на ярмарочный характер торговли, когда купцы не держали лавок и магазинов, а все операции осуществлялись на общем торге. Вполне вероятно, что все предприниматели в то время обладали достаточно высоким благосостоянием, чтобы позволить себе определенный набор вещей, которые и формировали социально-культурный облик купечества. Ведь купец находился внутри торговых сетей и мог покупать эти вещи по более низкой цене.

Подытоживая сказанное, стоит отметить, что данная социальная группа в какой-то степени выпадала из иерархии западносибирского русского общества, с одной стороны обладая высоким благосостоянием, а с другой – невысоким социальным положением.

3.3. Низший слой русского общества Западной Сибири в конце XVI – первой половине XVIII века.

Низший слой русского общества Западной Сибири в рассматриваемый период составляли крестьяне и горожане (посадские).

Обращаясь к этносоциальному составу русских крестьян-переселенцев в Западной Сибири, можно выделить несколько основных положений. Большую часть переселенцев составляли жители северорусских «черносошных» уездов, где не было феодального землевладения, т. е. все крестьяне были «государственными». Похожая климатическая и географическая среда облегчала освоение и заселение новых территорий. Часть переселенцев составили «иноземцы» из числа военнопленных, а также зыряне (коми), казанские татары, марийцы, мордва, чуваша.

Притягательной становилась Сибирь и для крепостных крестьян из центральных уездов Европейской России и с Урала, надеявшихся избавиться от

всякого угнетения на новых землях. Правительство нередко вынуждено было «сквозь пальцы» смотреть на уход в Сибирь бывших крепостных [Рыбаков, 1995. С. 152–153]. Однако не следует преувеличивать значение беглых и ссыльных крестьян в освоении Западной Сибири. Плохие дороги, сложность попадания в Сибирь, отсутствие жилья на сотни километров пути предопределили то, что беглые крестьяне оседали в основном в Поволжье и на Урале. Ссыльных же в Сибири было немного. По приблизительным подсчетам, в 1593–1645 гг. в Сибирь сослали 1,5 тыс. чел. К началу XVIII в. в Сибири насчитывалось около 20 тыс. ссыльных. Их доля в составе русского населения в регионе составляла: в 1662 г. – 11,5 %, в начале XVIII в. – 8,6 (в т. ч. 13 % мужского населения) [Иванов, 2014. С. 43] Несмотря на все проведенные исторические исследования, численность и точный этно-социальный состав крестьян-переселенцев до сих пор продолжает вызывать споры в научной среде.

В исторической литературе существует точка зрения, что русские крестьяне-переселенцы в Западной Сибири в XVII–XVIII вв. жили гораздо лучше, чем жители Центральной России. Высокий уровень жизни объяснялся в первую очередь отсутствием крепостного права, а также земельным изобилием, которое давало возможность обрабатывать значительно большее количество земли, нежели в Европейской России [Андюсев, 2003. С. 287]. Однако более подробное изучение вопроса показывает неоднозначность такой версии.

На новом месте переселенцам требовалась обзавестись хозяйством, и государство было вынуждено оказывать им помощь, которая иногда достигала весьма крупных размеров. Суммы «на подъем», «подмогу», «на обзаведение» были весьма значительны, например, в 1590 г. переселявшимся за Урал крестьянам Усольского уезда казна выдавала по 25 руб. на семью, а земские власти добавляли еще по 110 руб. [Никитин, 1987. С. 103]. Кроме этого, оказывалась помощь семенами, крестьянам предоставляли льготы, заключавшуюся в освобождении от уплаты налогов и выполнении работ в пользу казны на определенное количество лет. Давали и ссуду, выражавшуюся либо в деньгах, либо в выдаче скота и рабочего инвентаря, которую переселенцы обязывались

вернуть, но на деле практически никогда не возвращали. В Окладных книгах причинами невозврата назывались бедность (невозможность вернуть долг), смерть ответчика, внутренние миграции («бегства») [Резун, Шиловский, 2005. С. 74].

Тормозила развитие крестьянских хозяйств необходимость обрабатывать «государеву десятину», которая в первой трети XVII в. составляла немногим менее 1 га, а затем была значительно увеличена и превысила в некоторых областях Западной Сибири 1,5 га. В отдельных регионах Сибири она была настолько большой, что первые енисейские крестьяне даже на пятый год после их поселения не могли распахать собственные пашни, так как полностью были заняты на обработке государевой. Постепенно размер такой пашни изменялся в зависимости от хозяйственных возможностей крестьянина [Копылов, 1962. С. 83]. Кроме обязанности обрабатывать казенную землю, крестьяне должны были выполнять и общественные работы: перевозить казенные грузы, поддерживать в порядке крепости и государственные склады [Шунков, 1946. С. 22-29].

Деревни, населенные преимущественно крестьянами-переселенцами, а не служилыми людьми, возникают в самом начале XVII в. Особенно много деревень появилось в период правления воеводы Ю. Сулешова. В дозорных и переписных книгах середины XVII в. упоминаются десятки русских деревень в низовьях Тобола и вдоль Иртыша [Бахрушин, 1955. С. 270]. В исследовательских работах отмечается, что первоначально крестьяне при переселении сами выбирали себе земли для поселения, только к середине XVII в. государство взяло этот процесс под контроль.

К сожалению, практически во всех исторических работах по сибирскому крестьянству первые 100 лет его существования освещены слабо. В частности, обращаясь к изучению истории возникновения в Западной Сибири крестьянских общин, мы видим, что авторы исследований по данной теме дают характеристику сибирской крестьянской общины только применительно ко второй половине XVIII – началу XX вв. [Кауфман, 1890; Андюсев, 2003. С. 60–71].

Кроме этого, до настоящего времени ни одна деревня XVII в., где жили бы преимущественно крестьяне, не была полностью археологически исследована. В

целом, анализируя с точки зрения предмета нашего исследования археологические материалы сельских поселений Омского Прииртышья Ананьино-I, Изюк-I и Бергамак-I, можно сделать некоторые выводы относительно благосостояния и социального положения крестьян Западной Сибири. На памятниках было обнаружено достаточно большое количество дорогих и престижных вещей (фрагменты китайской фарфоровой посуды, серебряные серьга и перстень, обувь западноевропейского образца, европейские бусы, бутылочное стекло, курительные трубки и оконная слюда). Однако нельзя забывать, согласно данным исторических источников, что значительную часть населения в деревнях составляло служилое население, а в д. Ананьино его было большинство [Крих, 2012. С. 136–144]. Подытоживая вышесказанное, можно сделать вывод, что вопросы социальной истории русского крестьянства в Западной Сибири в XVII – первой половины XVIII вв. требуют на сегодняшний день более детального изучения и точно охарактеризовать социальный статус этого социального слоя не представляется возможным.

В изучаемый нами период рядовое городское (посадское) население находилось на одной социальной ступени с крестьянством. Несмотря на разницу в уровне достатка, в целом предметный комплекс, использовавшийся населением города и деревни, был достаточно схож, что подтверждается, в частности, результатами археологического изучения Тары [Татауров С. Ф., Черная, 2012. С. 288–292], Березова [Пархимович, 2008. С. 215–227], Тобольска [Адамов, Балюнов, Данилов, 2008. С. 95–116] и других западносибирских городов. Практически не отличался от деревенского и этносоциальный состав городского населения.

На протяжении XVII – первой половины XVIII столетий численность населения в сибирских городах росла, хотя этот процесс был неоднородным. Если одни города бурно развивались (Тюмень, Томск, Тара, Тобольск) и из военных крепостей превращались в крупные административные и экономические центры, то другие, напротив, оказались в состоянии застоя (Березов, Сургут, Нарым, Кетск и другие северные города). Появление Московско-Сибирского тракта также сыграло свою роль. Города, которые оказались от него слишком далеко, не

получили притока новых переселенцев и потеряли свое значение. Но в целом численность городского населения росла за счет переезда торговцев и ремесленников из Европейской России и благодаря переселению в города крестьян из ближайшей округи. К середине XVIII в. доля горожан среди сибирского населения достигла 16 % [Буцинский, 1999. С. 104–114].

При этом надо отметить, что в городах севернее Тобольска мелких торговцев и ремесленников по-прежнему было немного, так как основным занятием русских поселенцев там продолжал оставаться сбор ясака с коренных жителей региона. Поэтому основу населения в северных городах и острогах составляли члены воинских команд, промысловики и представители царской администрации [Колесников, 1976. С. 226]. Но в целом, ситуацию с ростом населения крупных сибирских городов в XVII–XVIII вв. иллюстрирует пример Тюмени, где в 1719 г. посадские составляли менее 10 % от общей численности населения города, а в 1780-х гг. на их долю приходилась уже половина всех жителей [Буцинский, 1999. С. 62–65].

Практически все исследователи отмечают незначительное количество посадского населения Сибири в XVII в. [Миненко, 1975. С. 61]. Традиционно к посадским людям относятся ремесленники и торговцы. Ремесло было развито лишь в рамках небольших мастерских, направленных на удовлетворение повседневных нужд местного населения, несмотря на достаточно большое количество ремесленных специальностей (до 24 в отдельных городах). Зачастую один и тот же человек мог совмещать несколько занятий, одновременно выделывая кожи и перерабатывая сало на мыло и свечи [Старцев, Гончаров, 1999. С. 34–35]. Следует отметить, что, как и крестьяне, посадские должны были исполнять общественную барщину (ремонт государственных зданий, строительные и дорожные работы), а также платили налоги на торговлю своей продукцией [Шунков, 1946. С. 22–29].

В начале XVIII в. намечается тенденция к увеличению городского населения в Западной Сибири, сюда переселялись, прежде всего, жители Поморья, которые с самого начала колонизации региона играли главную роль в его торгово-

промысловом освоении. Численность посадских из Поморья составляла $\frac{3}{4}$ от всех переселившихся в Сибирь представителей этого социального слоя [Разгон, 1999. С. 69].

Горожане имели своих мирских и цеховых (например «кузнецких») старост, которые помогали воеводам распределять оброки, казенные службы и «изделия», а также выступали в качестве представителей посадского мира в случае коллективных челобитий. Старосты, сотские, пятидесятские и десятские, выбиравшиеся по предписанию воеводы, исполняли полицейские функции, но не обладали никакими судебными правами. Исполнение этих должностей было по существу одной из повинностей горожан в пользу государства [Тимонин, 2008. С.84]. Тем не менее эти люди составляли высший слой непосредственно «посадского» населения, обладая рядом социальных привилегий, которые давало им их положение.

В научной литературе до настоящего времени достаточно активно транслируется представление о сибирском городе XVII в. как исключительно военно-административном центре [Резун, 2005. С. 65–66; Черная, 2009. С. 101]. Действительно, на начальном этапе освоения края города служили опорными пунктами, откуда велась колонизация окружавшей их территории. Исследователи, характеризующие город этого периода, упор делают на описание служилого населения, его хозяйственных занятий и социальных отношений. В связи с этим в научной литературе установилась точка зрения, что посадское население в западносибирском городе во время первоначального освоения Сибири практически отсутствовало, при этом во многих работах начиная с конца XIX в., делаются противоречащие этому положению выводы про переселение в XVII в. посадских «на землю» для занятия хлебопашеством [Буцинский, 1999. С. 100–114]. При этом в работах современных исследователей предоставляются противоположные сведения о массовой приписке крестьян к посадам в этот период – до 50–70 % в отдельных городах [Разгон, 1999. С. 72–73]. Отсутствие единого мнения по данной проблеме, однако, не отменяет того факта, что горожане как социальная группа занимали особую нишу в обществе и обладали

характерным социально-культурным обликом.

Достаточно высокий уровень жизни сибиряков, как горожан, так и крестьян, свобода и самостоятельность определили рождение нового, необычного для рядового жителя Европейской России социально-культурного облика русского сибирского старожила. В основе его были опрятность, чистота, достаток, обязательное наличие праздничной «покупной» одежды у каждого человека. Особенно это касалось сибирячек. Они позволяли себе носить то, что обычно было достоянием «высоких» сословий горожанок Европейской России. Достаточно многочисленные находки на русских памятниках дорогой шелковой и атласной ткани подтверждают это [Адаптация..., 2014. С. 321]. У сибирского жителя появилась возможность подчеркнуть свое лучшее положение по сравнению с жителями Центральной России, чем он и старался пользоваться по мере своих возможностей.

Необходимо остановиться и на вопросах социального взаимодействия различных групп низшего социального слоя русского западносибирского общества. Как уже отмечалось, социально-экономическое положение крестьян и посадского населения в изучаемый период было практически идентичным. Жители города имели тесные контакты с крестьянами соседних деревень: многие выезжали на сельские ярмарки и принимали родственников и знакомых во время городских торгов. Ярмарки играли особую роль в жизни сибиряков, особенно в Тобольской губернии, где они были более всего распространены, так как служили не только местом для обмена товарами и сельскохозяйственными продуктами, но и для общения, передачи информации, житейского опыта, элементов одежды, «домообзаводства», манер и прочего [Жиров, 1998. С. 314] .

В западносибирской деревне раньше, чем в европейской части страны, широкое распространение получили многие виды городской одежды. Постоянные контакты сельских жителей с горожанами и служилыми людьми в XVIII в. привели к распространению в деревенской среде кафтанов и камзолов [Шелегина, 2005. С. 140–141].

Как уже говорилось, особенности формирования социального слоя

сибирского крестьянства в конце XVI – первой половине XVIII вв. почти не изучены. Возможно, это объясняется относительной малочисленностью представителей этого социального слоя в Сибири, особенно в XVII в. Стоит отметить и относительную однородность этой категории населения, состоявшей по этническому составу преимущественно из русских переселенцев, что объяснялось неумением и нежеланием коренных народов Сибири участвовать в «заведении пашни», на что в первую очередь ориентировалось крестьянство. Возможно, именно этот фактор привел к формированию в XVIII в. достаточно консервативной сибирской старожильческой крестьянской общины и определил социально-культурный облик сибирского крестьянства в XVIII–XIX вв.

Подводя итог рассмотрению социальной структуры русского общества Западной Сибири в конце XVI – первой половине XVIII вв., можно сделать следующие выводы. В регионе в изучаемый период общество было ориентировано на военное присоединение и закрепление новых территорий, в связи с этим ведущую роль в русском сибирском социуме играло служилое сословие, которому также пришлось решать задачи обеспечения русского населения Сибири продовольствием и товарами первой необходимости. Весь XVII в. служилые люди обладали достаточно высоким социальным статусом и благосостоянием, поэтому имели большое количество статусных вещей. Со второй трети XVII в., когда военная опасность была ликвидирована, на эту территорию начали активно переселяться крестьяне и посадские люди из Центральной России, Поморья, и с Урала. Прибыв на новое место, они были вынуждены адаптироваться к новым условиям существования, что подтверждается данными, полученными в ходе археологических исследований [Адаптация..., 2014. С. 144–148]. Следуя своим социальным потребностям, поселенцы стремились продемонстрировать свои возможности в рамках русского сибирского социума и определить для себя новый статус.

Со временем из самых предприимчивых представителей вышеперечисленных социальных групп выделяется купеческая прослойка, также ориентированная на то, чтобы занять высокое положение в русском сибирском обществе. Во главе

стоял воеводский аппарат управления, немногочисленный, но обладавший огромными социальными привилегиями и имеющий практически неограниченные возможности для повышения уровня благосостояния, а следовательно, для формирования соответственного статусу социально-культурного облика.

ГЛАВА 4. СТАТУСНЫЕ ВЕЩИ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ ОБЛИКЕ РУССКОГО СИБИРЯКА КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА.

Человек, попадающий в новые условия, учится реагировать на них, перестраивая свою повседневную жизнь. Русские переселенцы, оказавшись в Сибири, первоначально опирались на свою традиционную культуру, но вдали от основного ареала обитания жить «по старинке» было уже невозможно. Кроме того, группы славянского населения, попавшие в регион, были неоднородны как по социальному положению, так и по субэтническому составу и испытывали сильное влияние иноэтничной среды.

Как уже отмечалась в нашем исследовании, социально-культурный облик транслируется через социально-бытовую среду и через индивидуальный имущественный комплекс, характерный для каждого члена конкретной социальной группы. Социально-бытовая среда включает в себя следующие сегменты:

– жилище и его характеристики (размер, особенности конструкции, детали интерьера, внутреннее убранство);

– комплекс хозяйственных построек, составляющий вместе с жилищем пространство усадьбы;

– населенный пункт, в котором располагается конкретная усадьба, причем здесь же учитываются и планиграфические особенности ее размещения на территории поселения.

Индивидуальный имущественный комплекс, характерный для представителей тех или иных социальных групп, формируется из костюмного комплекса, предметов личного благочестия, личных вещей повседневного использования (к которым можно отнести, например, курительные трубки, гребни), оружия и т. д.

4.1. Жизненное пространство русского населения Западной Сибири в конце XVI – первой половине XVIII века, как составная часть социально-культурного облика

Русские переселенцы, попав в Сибирь, оказывались в достаточно сложных условиях. Выбирая себе место для проживания, они должны были учесть большое количество факторов. Во-первых, при строительстве в Западной Сибири первых русских городов и острогов учитывались существовавшие на Руси традиции строительства крепостей на новых территориях: чаще всего под крепости отводилась местность так называемых мысовых типов [Кочедамов, 1978. С. 12]. При строительстве сельских поселений учитывалось, прежде всего, наличие поблизости крепостей и острогов, что объяснялось враждебностью местного населения и частыми набегами кочевников из южных степей. Вторым важным фактором было наличие поблизости плодородных земель для разбивки пашни и для сенокоса, что было особенно актуально в условиях недостаточного обеспечения региона из Европейской России в первой половине XVII в. [Кочедамов, 1963. С. 9]. В-третьих, стоит отметить, что населённые пункты ставились по берегам рек, как служивших источниками воды и рыбы, так и выполнявших функцию основных путей перемещения по Сибири. На мелких притоках ставились главным образом сооружения хозяйственно-промыслового назначения (зимовья, заимки, мельницы и др.). Такой тип расселения был особенно характерен для северо-западных и северо-восточных регионов Руси [Резун, Васильевский, 1989. С. 20]. В-четвертых, учитывалось наличие охотничьих угодий, где можно было добыть как мясного, так и пушного зверя.

В рамках нашей работы необходимо рассмотреть планиграфию отдельно городских и сельских поселений русских Западной Сибири XVII – первой половины XVIII вв., для того чтобы определить, как положение дома в том или ином месте населенного пункта влияло на социальный статус его жителей.

Рассматривая планиграфию сибирского города, следует отметить, что главной его доминантой в изучаемый период оставался кремль. Как правило, он занимал

достаточно ограниченную территорию. Внутри помещались склады для военных запасов, стояли воеводская усадьба, первая церковь и тюрьма для заложников (аманатов) [Гуменюк, Ляликов, 2013. С. 239]. На территории кремля самыми статусными по сути постройками являлись воеводская усадьба и приказная изба. Археологические исследования подтверждают этот тезис. В частности, в ходе раскопок воеводской усадьбы в Томске были найдены фарфоровая посуда, фрагменты бутылок венецианского стекла, изразцы, черепаший панцирь, перстни и другие статусные вещи [Черная, 2014а. С. 678–680; Черная, 2015. С. 206–215]. Количество статусных вещей, обнаруженных при изучении усадьбы в г. Тара значительно меньше, однако и там присутствуют фрагменты бутылок венецианского стекла [Татауров С. Ф., Черная, 2012. С. 290].

Вокруг кремля располагалась острожная часть города, обнесенная частоколом, в XVII в. здесь размещались в основном дома служилых людей. В г. Таре, например, на территории острога в XVII – начале XVIII вв. располагались две церкви, гостиный двор и 218 казачьих домов [Гончаров, Ивонин, 2006. С. 30] (рисунок 41). Схожая планировка была и в других сибирских городах: Кузнецке, Тюмени, Березове (рисунки 37; 39; 40). Некоторое исключение представлял Тобольск, который в описываемый период являлся столицей Сибири. Здесь кремль был отделен от острожной части еще и особенностью рельефа: он стоял на высоком мысу. Внутри него находились приказная палата, боярский двор, пушечный амбар и погреба для «зелья», конюшни и разные служебные здания. В западной части кремля размещались приказы конных и пеших казаков, стрельцов, гостиный двор, таможня, воеводский двор и дьячий двор [Буцинский, 2011. С.105] (рисунок 38).

Естественно, что чем ближе к кремлю располагался дом, тем выше был статус того человека, который в нём проживал. Позднее, когда граница русских земель отодвинулась от городов и значение крепости и ее гарнизона начало падать, эти места могли занимать и представители других социальных слоев. Это подтверждается, например, раскопками на территории Тобольского кремля, где торговые лавки XVIII–XIX вв. пристраивались прямо к крепостным башням

[Адамов, 2000. С. 450 – 453].

С увеличением количества русского населения в Западной Сибири, растет и посадская часть города. На территории посада выделяется такое место для проживания, которое можно назвать планиграфически статусным, – это «большая улица», являвшаяся основной городской магистралью, по которой можно было попасть к воротам кремля [Тверской, 1953. С.99]. На ней селились дворяне, боярские дети, духовенство. Исследования одной из усадеб в г. Таре, расположенной, во-первых, близко к кремлю, а во-вторых, рядом с главной улицей города, дали достаточно большой набор статусных предметов (куски тканей, фрагменты западноевропейской стеклянной посуды, керамических ваз, элитная обувь) [Татауров С. Ф., 2011. С. 246].

Посад Тобольска в XVII в. имел сходную планиграфию – одну главную улицу, от которой во все стороны расходились мелкие улочки и переулки [Кочедамов, 1963. С. 15]. На территории посада, близ здания бывшего Гостиного двора, в ходе археологических раскопок было исследовано несколько усадеб; обнаруженный при этом инвентарь дает основание говорить о высоком достатке и статусе проживавших в них в XVII–XVIII вв. горожан [Аношко, 2014. С. 140–141]. В Березове в ходе раскопок прилегающей к кремлю части посада было обнаружено большое количество статусных предметов, в том числе перстней-печаток, являвшихся атрибутом дворянского сословия [Визгалов, Пархимович, 2008а. С. 168].

Планиграфически самое низкое по статусу место занимали части посада (слободы), расположенные вне острожных стен и населенные в основном инородцами или отдельными однородными группами русского населения (ремесленниками и крестьянами). В Тобольске на территории «нижнего города» проживали русские ремесленники, бухарские торговые люди, а также татары, которые в зимнее время жили в городе, а летом занимались земледелием в его окрестностях [Кочедамов, 1963. С. 15]. В Тюмени сформировалась татарская, русские кожевенная и ямская слободы [Кочедамов, 1978. С. 13]

Исходя из вышеизложенного материала, можно выделить три основные

статусные зоны на территории каждого из сибирских городов. Зона, имевшая наибольшее значение, – это кремль, где проживали представители царской администрации, военные командиры и высшие слои духовенства. Вторая зона – острог и посад, где основу населения составляли ремесленники и служилые люди. И третья – слободы вне городских стен, где жили в основном инородцы, которым доступ на территорию острога долгое время был закрыт.

Обращаясь к планиграфии городского дома XVII–XVIII вв., следует отметить, что в разных городах Сибири она имела свои особенности. Единого стандарта строительства фактически не существовало, конструкция и размеры жилища зависели от большого количества факторов: площади участка, пригодного для строительства, наличия в достаточном количестве строительной древесины, материального благосостояния хозяина.

К настоящему времени в той или иной степени исследовано несколько десятков жилых и хозяйственных построек в разных городах Западной Сибири, в частности в Тобольске [Аношко, 2014. С. 138–146], Томске [Черная, 2002, 2015], Таре [Тихонов, Отчет..., 2013; 2013б; 2013в; 2014; 2016а; 2016б], Березове [Визгалов, Пархимович, 2008б. С. 166–178], небольшие раскопки проводились и в других городах региона. По результатам этих работ можно сделать вывод, что средний размер жилого дома в городе находился в пределах 18–30 кв. м., притом что в это пространство могли попадать части хозяйственных построек. Отдельно стоит указать на большую скученность строений по сравнению с сельскими поселениями. Однако всё же стоит отметить, что дома в городах Западной Сибири в XVIII в. были достаточно большими. Исключение составляет лишь Мангазея, где трехкамерные жилища на подклетах стояли только на воеводском дворе и у местных дьяков, а рядовые горожане довольствовались более скромными домами [Этнография... 1981. С. 117], но там необходимо учитывать территориальную специфику города, который расположен в тундровой зоне, а следовательно, поблизости не было в достатке подходящего для строительства леса и дома возводили из любого доступного материала [Визгалов, Пархимович, 2008а. С. 57–60], соответственно размеры такого жилища были небольшими.

Обращаясь к рассмотрению деревенской планиграфии, следует сказать, что первыми жителями деревень, построенных рядом с городами, также были служилые люди, которым предписывалось обеспечение города хлебом и защита близлежащих русских и татарских поселений от набегов кочевников со стороны калмыцких степей. Таким образом, в начале XVII в. город и деревню населяли одни и те же люди, которые при освоении этих земель пользовались одними и теми же природными ресурсами и жили примерно в одинаковых условиях [Татауров Ф. С., 2014а. С. 196].

По материалам археологических исследований установлено, что крестьянские усадьбы были больше городских в силу того, что в деревне в них органично входят большие хозяйственные площади – огород, выгон для скота или загон и т. д. В городе, за острожными стенами в силу дефицита земли все эти составляющие вынесились за границу усадьбы, а некоторые комплексы за острожные стены. Но в принципе, планиграфия самой усадьбы и в городе, и в деревне имела много общих черт, о чём свидетельствуют результаты археологических исследований.

Жилые строения в деревнях были представлены избами-связями и пятистенками размерами 60–65 кв. м. [Татаурова, Татауров Ф. С., 2012. С.5–9] (рисунок 36). В отличие от города, в деревне сложно выделить «центр», особенно если в ней отсутствовала церковь. Мало различаются деревенские усадьбы и по характеру обнаруженных артефактов: везде представлен примерно один и тот же набор статусных вещей, значение могут иметь лишь количественные характеристики. К сожалению, еще ни одна русская деревня в Западной Сибири не была раскопана полностью, поэтому сложно говорить о статусном характере изученных усадеб относительно общей планиграфии поселения. Можно лишь сделать предположение, что дома основателей деревни, ее первых жителей обладали большим статусом, чем поздние постройки, особенно в деревнях, куда со временем пришло значительное количество переселенцев из регионов Центральной России. Об этом говорит общий характер социальных отношений старожильческой и переселенческой групп сельского населения – потомственные

старожилы нередко относились к приехавшим из России «лапотонам» как к людям второго сорта [Бережнова, 2011. С.22]. Соответственно, и места для поселения и строительства домов им отводили далеко не самые удобные. Во всех селениях, вне зависимости от состава населения, статусно также могли выделяться и дома приказчиков, духовенства.

Рассмотрев дом в целом, необходимо остановиться и на отдельных деталях интерьера и предметах домашней обстановки, которые тоже участвовали в формировании социально-культурного облика русского населения Западной Сибири в XVII – первой половине XVIII вв.

Слюдяные окна. В ходе археологических исследований на русских памятниках было обнаружено большое количество слюды, которая в XVII – первой половине XVIII вв. использовалась в качестве материала для окон. Причем находки слюдяных оконных пластин характерны как для городов (Тара, Березов, Старотуруханск, Тобольск и др.), так и для сельских памятников (Изюк-I, Ананьино-I, Бергамак-I) (рисунок 33).

При хорошем качестве слюды окно пропускает в помещение необходимое количество света (заданное при строительстве оконного проема) и в целом позволяет видеть, что происходит на улице. Одновременно с этим правильно собранное и пригнанное слюдяное полотно способно полностью изолировать помещение от ветра и атмосферных осадков. Конструкции таких оконных заполнений успешно препятствовали активному воздухообмену, что позволяло более или менее успешно поддерживать в помещениях необходимую температуру. Время наибольшего распространения слюдяных оконниц – XVI–XVII вв., однако еще в середине XVIII в. даже в окнах московских строений могли использовать слюдяные заполнения [Киселев, 2005. С. 13].

Слюда хорошего качества по прозрачности приближалась к стеклу, но быстро изнашивалась и могла служить всего три-четыре года. Небольшие кусочки слюды подбирали по величине оконницы и сшивали между собой. Однако такие окна не были практичны, сквозь них проникали пыль, дождь и снег. Гораздо более статусными были слюдяные окна в железных переплётах, которые в Сибирь

привозили из Европейской части страны [Этнография... 1981. С. 114].

По археологическим материалам Западной Сибири фиксируется, что слюда в регионе была достаточно популярным материалом и широко использовалась. Так, находки из археологического слоя Березова включают 11 целых слюдяных оконных пластин и большое количество обломков [Пархимович, 2008. С. 230]. На Старотуруханском городище слой, датирующийся серединой XVIII в., насыщен находками, среди которых присутствует и прошитая оконная слюда [Визгалов, Рудковская, 2011. С. 187]. Сегменты слюдяных окон были найдены и в Томске [Черная, 2014б. С. 309].

А в г. Таре в слое XVIII в. находка фигурных фрагментов слюды позволила реконструировать два фрагмента окна и сделать вывод, что в XVIII в. в храмовых зданиях города уже были сложные по конструкции слюдяные витражи [Татауров С. Ф., 2011. С. 247]. Многочисленные фрагменты слюдяных окон, в том числе и целые пластины были обнаружены и на сельских памятниках Омского Прииртышья Изюк-I, Бергамак-I и Ананьино-I, что говорит об определённом статусе проживающего там населения.

Изразцы. Первое появление изразцового убранства на Руси относят к концу XV – началу XVI вв. Изразцовые печи играли большую роль в украшениях интерьеров храмов, трапезных палат, парадных царских, княжеских и боярских теремов, а позднее, в XVIII–XIX вв., и в жилых помещениях горожан и зажиточных сельских жителей Европейской части России [Маслих, 1983. С. 12–17]. В Сибири в силу более позднего и ограниченного по объёму изразцового производства, сложности и дороговизны доставки печных наборов, престижность изразцового убранства дома, указывающего на социальное положение его хозяина, была выше [Черная, 2015. С. 196]. Стоимость готовой печи с изразцовым убранством доходила в XVII веке до 20 руб., что было сопоставимо с ценой 40 соболиных шкурок [Черная, 2015. С. 196].

В Томске основным датирующим материалом для культурного слоя южного мыса Воскресенской горы служат изразцы, которые не являются продуктом местного производства. Привезенные из Европейской России изразцы

представлены двумя подтипами: 1) терракотовые красные; 2) поливные зеленые [Черная, 2014. С. 678–680] (рисунок 34:1-2).

Основная масса красных изразцов концентрировалась у остатков жилищно-хозяйственного комплекса воеводского двора. На поверхности предметов изображены символы государственной власти – буквы «Г» и «Р», обозначающие слово «Государь»; одноглавый орёл с луком, выступающий символом охраны государственных земель. Время изготовления изразцов охватывает период с 1656 по 1692 гг. [Черная, 2015. С. 198].

Изготовление зеленых поливных изразцов начинается в России примерно с середины XVII в., а к концу 70-х – середине 80-х гг. XVII в. этот процесс заканчивается. Терракотовые красные и глазурованные зеленые изразцы, найденные в Томском кремле, хронологически дополняют друг друга. Керамические наборы для облицовки печей были завезены в город не ранее середины XVII в., а зеленые изразцы с 1650-х гг., но не позднее начала – середины 80-х гг. XVII в. [Черная, 2014а. С. 678–680].

Красные и зеленые привозные изразцы были обнаружены и в ходе работ в историческом центре Тюмени [Семенова, 2014. С. 275–277]. Большое количество изразцов, привезённых из разных центров изразцового производства, содержит культурный слой Верхотурья, причем часть из них изготавливалась непосредственно в самом городе [Соколова, 1998. С. 165–170].

Фрагмент изразца был обнаружен и в Березове: прямоугольный уголок качественно обожженной плитки «кирпичного» оттенка, лицевая сторона и боковые грани которого покрыты перемешанной грязно-желтой и светло-зеленой поливой. Кроме него, была найдена уникальная форма-штамп для нанесения изображений на заготовки керамических изразцов [Пархимович, 2008. С. 231] (рисунок 34:3). Многочисленные фрагменты изразцов сохранились и в археологическом слое Тобольска [Аношко, 2014. С. 138–146].

Кроме изразцов с печами был связан ещё один статусный элемент жилища – печные трубы. Изучая описание гравюры г. Тары XVIII века, можно увидеть следующую особенность – в городских домах преобладают печи без дымохода, с

волоковыми окнами под крышей, трубы присутствовали лишь на воеводском дворе [Этнография..., 1981. С. 114–115]

Определенным социальным значением обладали некоторые предметы домашнего обихода. Необходимо отметить, что основными категориями покупателей статусных предметов для обустройства дома были чиновники царской администрации, купцы, служилые люди, особенно дети боярские и конные казаки, тогда как недостаточно обеспеченные горожане и крестьяне, в основном новопоселенцы, довольствовались более простыми деталями интерьера.

По письменным источникам и этнографическим данным можно выделить предметы обихода, которые использовали городские жители в XVII–XVIII вв., а если принять тот тезис, что село в то время по уровню развития не очень сильно отличалось от города, то мы с оговоркой можем распространить эти характеристики на всё русское сибирское население того времени.

Ковры. Каждый элемент интерьера дома мог обладать определенной социальной значимостью в зависимости от материала, из которого он был изготовлен и места происхождения. На полу лежали ковры и коврики, причем часто – восточной работы. В редких описаниях домашней утвари встречаются: «ковер ветхой мунгальский, с бахромой», «коврик китайчатый цветной» [Люцидарская, 2004. С. 143]. Коврами «накидушками» накрывали сундуки, использовали ковры и для подстилки в сани для праздничных выездов, коврами попонами укрывали лошадей [Хозяйство и быт... 1979. С. 94]. Практика использования разных видов ковров и их высокая цена говорит нам о статусности этих предметов.

Занавеси. Кроме ковров, в Сибирь ввозилось множество тканей западноевропейского, российского и восточного производства. Ткани были самого разного качества, назначения и расцветок. Многие из этих тканей использовались для создания интерьеров в избах горожан. Это, прежде всего, популярные в XVII в. восточные «завесы выбойчатые», иначе «завесы бухарские». В г. Таре в 1674 г. такие завесы купили для своих домов трое подьячих и пятидесятник [Люцидарская, 2004. С. 143]. Неудивительно, что подобные покупки делали

высшие служилые чины, ведь завеса стоила полтину, цена немалая. Для сравнения, два конца бязи обходились в 21 алтын. По данным источников, известны завесы «пестряди кызылбацкой», а также «китайские атласные и камчатые» [Люцидарская, 2004. С. 143]. Яркие, цветные завесы могли использоваться в качестве статусных предметов в убранстве домов богатых горожан.

Постельные принадлежности. Далеко не последними по значимости вещами являлись постельные принадлежности и сами постели. К сожалению, источники умалчивают о наличии организованных мест для сна. Для городских домов того времени мы не можем определить, пользовались ли их жители каким-то подобием кроватей, или это были полаты, широкие лавки и т. п. Однако одеяла, подушки, наволоки широко представлены в ассортименте товаров [Люцидарская, 2004. С. 143]. Часто одеялами служили теплые низкосортные меха, которые, как правило, сверху покрывали тканью. Дорогие и дешёвые, зимние и легкие одеяла документально представлены достаточно широко. Среди них были: «калмацкие с войлоками», «холодные камчатые», «одеяло кунье под камкою с огоньки», «одеяло лисье под камкою травчатой» и другие. Зачастую наволочки украшались шитьем и кружевом, например «наволока большая с кружевом нитяным» [Люцидарская, 2004. С. 143]. Чем выше был социальный статус владельца, тем дороже было одеяло, так же как это происходило со многими другими предметами.

Гигиена. После оставления постели, надевалось белье и начиналось умывание; зажиточные люди мылись мылом и розовой водой [Козина, 2010. URL: <http://analiculturolog.ru>]. Использование косметических средств – тоже признак статуса в то время: эти вещи были дорогими и дефицитными, важно отметить и то, что их использование отражало принадлежность владельца к высокой бытовой культуре. По материалам археологического изучения сельских памятников Омского Прииртышья Изюк-I и Ананьино-I фиксируются находки стеклянных флаконов, в которых могли хранить парфюмерные средства (рисунки 21; 23). Аналогичные находки были сделаны в Томске [Черная, 2015. С. 208–210].

Мебель. К концу XVII в. в домашний обиход высших слоев общества входят стулья. Стул – новинка не только в Сибири, где, как правило он использовался в воеводских домах и государственных учреждениях Тобольска (центра губернии), но и в России того времени. Их распространение связано с Петром I. Стул пришел из Европы вместе с креслом, долгое время он оставался предметом обихода лишь дворян и знати, сидеть на стуле считалось модным и почетным. Он прочно входит в интерьер высших слоев общества [100 и двенадцать стульев... 2000. С. 4], и до широкого распространения стульев в XIX в. этот предмет был статусным.

Зеркала. К статусным предметам интерьера можно отнести получившие значительное распространение зеркала. В большом количестве в Сибирь ввозились маленькие, «ручные» зеркальца: малые немецкие и ярославские, зеркала в книжках, а также створные. Однако в источниках встречаются и зеркала «стенные большие», и «зеркало стенное в рамах черных». Стало быть, зеркала вешали на стены, ставили на столы и различные подставки. Эти вещи в большинстве случаев были привозными [Люцидарская, 2004. С. 143].

Утварь. Среди домашних вещей зажиточных горожан имелась и серебряная утварь, и утварь, украшенная финифтью или иной дорогой отделкой. Такие вещи ценились, сберегались, передавались по наследству. При утрате домашних пожитков такая утварь подробно описывалась с упоминанием всех деталей [Люцидарская, 1992. С. 158].

Сюда же можно отнести и столовую утварь, само наличие которой подчеркивало социальный статус ее владельца. Это, например, вилки, которые в изучаемый период только начинали распространение по территории Российского государства. Скорее всего, первоначально эти предметы были атрибутом лишь дворян и царских чиновников. В Западной Сибири для XVII – первой половины XVIII вв. они фиксируются по материалам археологических исследований Березова [Пархимович, 2008. С. 255] (рисунок 26:2), Томска [Черная, 2015. С. 211] (рисунок 26:1) и Тары (рисунок 25:1–4), причем в последнем случае это были предметы, изготовленные кустарным способом как подражания вещам, которыми пользовались представители высших слоев городского общества, притом что

находки были сделаны в примыкающей к кремлю части крепости.

Подводя итоги, можно сказать, что русское население Западной Сибири перенесло сюда старые традиции, касающиеся планиграфии сельских и городских поселений. Это подтверждается данными археологических исследований. Попав на новые территории, русские сибиряки первоначально строили избы как наиболее практичный вид жилищ, но затем достаточно быстро сумели развить известные им приёмы домостроения, создав многокомнатные дома с развитой при них усадьбой [Этнография... 1981, С. 138.]. Этому способствовало обилие строевого леса (за исключением Заполярья).

Представители царской администрации при обустройстве своих жилищ использовали большой набор статусных предметов – слюдяные и стеклянные окна, изразцовые печи, в интерьерах нашлось место коврам и тканевым занавесям, статусной мебели. В обиходе применялись зеркала, предметы гигиены, статусная утварь. Служилые люди и зажиточные крестьяне, подражая представителям высших слоёв общества, старались сформировать свою социально-бытовую среду теми же категориями предметов, ориентируясь на своё положение в обществе и уровень достатка.

4.2. Личный вещевой комплекс в социально-культурном облике русского Западной Сибири в конце XVI – первой половине XVIII вв.

В ходе постоянного культурного обмена между переселенцами с территории Российского государства и коренными жителями неизбежно шел процесс формирования нового социально-культурного облика, который транслировался через совокупность предметов, присущую каждому члену определенной социальной группы. Условно эти статусные вещи можно разделить на три группы: элементы костюмного комплекса; предметы, отражающие особенности бытовой культуры, связанные с привычками людей (фарфоровая посуда, стеклянные бутылки, курительные трубки); предметы, являющиеся показателем статуса конкретных групп населения (оружие, инструменты, некоторые породы лошадей и

т. п.).

Первая группа статусных предметов, относящаяся к *костюмному комплексу*, в изученных археологических материалах представляется наиболее обширной. Одежда во все времена была важнейшим адаптивным элементом, наиболее успешно помогавшим осваиваться в новых условиях. В силу климатических особенностей, истории, контактов групп переселенцев между собой и с местным населением, в Сибири образовались сложные комплексы одежды, обуви, головных уборов. Определенное влияние на этот процесс оказала территориальная отдалённость, замкнутость и взаимосвязь с сопредельными с Россией государствами. Необходимо отметить, что также на формирование русского костюма в Сибири повлияло складывание системы российских государственных структур, в которых активно участвовали иностранцы, приглашённые на службу. Стремясь подражать иноземцам, которые во многом являлись законодателями моды в России того времени, русское население Сибири добавляло в костюмный комплекс отдельные элементы, присущие европейской культуре [Татаурова, Татауров Ф. С., 2015. С. 75–80].

Можно заключить, что в период XVII–XVIII вв. шел активный процесс формирования «сибирского» костюма. В качестве иллюстрации этого можно привести и такие факты: по исследованиям О. Н. Шелегиной, к середине XIX в. в костюме западносибирских крестьян было представлено 74 элемента (66 %), традиционных для сельских жителей России, в том числе семь – древнерусских, 50 – общерусских, 17 – имевших локальное бытование в местах выходцев переселенцев, остальные элементы являлись заимствованными у аборигенного населения Сибири и иностранцев [Шелегина, 1997. С. 114]. Если при характеристике казаков обращается особое внимание на их одежду, воинскую амуницию и выправку как на внешний отличительный признак, также и сибирская одежда «не менее влияла на облик, поведение, походку, самодостаточность старожил» [Андюсев, 2003. С. 228].

Одежда русских Западной Сибири XVII–XVIII вв. изготавливалась преимущественно из тканей, меха и кожи. По археологическим материалам можно

выделить некоторые виды тканей, которые в силу своей дороговизны и качественных характеристик можно назвать статусными.

К таким относятся шелк, атлас, бархат. Находки шелковых тканей были сделаны на различных памятниках Западной Сибири: в Березове [Пархимович, 2008. С. 262], Старотуруханске [Визгалов, Рудковская, 2011. С. 181], в Горноправдинском могильнике на юге Ханты-Мансийского автономного округа в одном из погребений были также обнаружены фрагменты шелковой ткани [Глушкова, Зайцева, 2011. С. 284]. Одежда из дорогих тканей бытовала не только в городе, фрагмент шелковой ткани сохранился в погребальном комплексе сельского памятника Изюк-I в Омской области [Глушкова, 2008. С. 332]. На Горном Алтае старообрядцы с XVII века и до самой революции 1917 г. приобретали дорогой китайский шелк. Богатые староверки щеголяли в китайских шалях из тонкого натурального шелка, которые, несмотря на свои большие размеры, проходили через девичье колечко. Такие шали назывались «китайками». Мужчины-староверы носили покупные китайские шелковые халаты, одежду из бархата, замши, кожи; одежда украшалась золотым галуном [Мукаева, 2008. С. 351]. Фрагменты атласных тканей были найдены в Старотуруханске [Визгалов, Рудковская, 2011. С. 181].

Также к статусным можно отнести импортные сукна из стран Западной Европы. Их находки известны в Мангазее [Визгалов, Пархимович, 2008а. С. 119–120], Таре [Glushkova, Tataurov S. F., Tikhonov, 2016. С. 25–32], на сельских памятниках Омского Прииртышья [Богомолов, Татаурова, Кравец, 2013. С. 30–34].

Зимой носили одежду из меха, причем если у высших слоев сибирского населения была возможность носить шубы из дорогой пушнины, то средние и низшие слои использовали для изготовления зимней одежды заячьей шкурки. Это фиксируется по остеологическому материалу, полученному в ходе археологических исследований. Например, на памятнике Ананьино-I обнаружено большое количество заячьих костей, что говорит о некоем приоритете в охоте на этого зверька, чей мех мог использоваться для пошива шуб, которые носили служилые люди и их жены [Явшева и др., 2008. С. 363]

Одежда низших социальных слоев была такого же покроя, что и у высших, только сшита не из бархата, атласа и парчи, а из недорогого, нередко самодельного сукна. Такое разделение тканей и мехов помогает нам интерпретировать обнаруженные на археологических памятниках фрагменты тканей применительно к статусу жителей исследуемого комплекса. Например, при анализе тканей из могильника Изюк-I из 30 рассмотренных фрагментов ткани лишь один оказался шелковым, что говорит о том, что похороненная женщина принадлежала к слою людей, обладавших более высоким статусом, чем остальное население, и могла быть женой или дочерью казака либо даже относилась к сословию «детей боярских».

По материалам таможенных книг фиксируется поступление на сибирские рынки большого количества готовой одежды (верхнее платье, кушаки, опояски, различное шитье). Товары шли как из Европейской России, так и из Средней Азии и даже транзитом из Западной Европы, что формировало определенную «моду» в XVII – первой половине XVIII вв. [Вилков, 1990. С. 173–223].

Прочно вошёл в обиход сибиряков среднеазиатский кафтан из верблюжьего сукна – «азям» или «озям» [Этнография..., 1981. С. 146]. Этот вид одежды был чрезвычайно популярен и его носили и простолюдины и воеводы. Например, в отдаленном от торговых среднеазиатских путей Красноярске среди одежды местного горожанина значились «азям лазоревый новый на бумаге» и «азям кумашной поношенный». В гардеробе томского воеводы Н. А. Ржевского отмечены «азям лисий красный», «азям атласный китайский» [Люцидарская, 1992. С. 145].

Активно использовались в костюмном комплексе русских переселенцев и элементы одежды сибирских аборигенов. В период начального освоения края среди личных вещей колонистов и товаров на рынках можно было встретить такую одежду, как вогульские однорядки и кафтаны, остяцкие и якутские шубы, остяцкие шапки и малахаи и т. п. [Вилков, 1967. Табл. 36]. С увеличением стоимости пушнины в дальнейшем изделия из ценных мехов, сшитые по образцу традиционной одежды коренных жителей Сибири или с применением традиционных приемов кроя и отделки, становились принадлежностью

представителей высших социальных слоев или вывозились в метрополию [Люцидарская, 1998. С. 198–204].

Представители высших слоев, прежде всего воеводы, имея возможность покупать большое количество статусных тканей для создания своей одежды, одевались чрезвычайно пышно и подчас эклектично, используя в своем костюме самые невероятные сочетания. Иллюстрацией тому может служить платье томского подьячего Маркела Колмогорова, занявшего эту должность, пройдя последовательно все этапы послужного списка. По свидетельству источника 1648 г. на томском подьячем были «азям», выполненный из английского сукна, козлиные «калмацкого дела» штаны желтого цвета. Под распашным «азямом» на нём был надет «кафтан», сшитый из китайской камки. Подпоясан подьячий был бобровой опояской. Довершали костюм сафьяновые зеленые сапоги и отороченная соболем багрецовая шапка [Люцидарская, 1992. С. 141]

Для хранения одежды использовались сундуки. В домах зажиточных горожан стояли привозные сундуки работы мастеров Центральной России, нередко талантливых ремесленников. Такие предметы не только использовались по прямому назначению, но и служили украшением помещений и подчеркивали высокий статус обладателей, поскольку повседневный домашний инвентарь брал на себя функцию эмоционального общественного самовыражения [Люцидарская, 2004. С. 142]. О распространении сундуков говорит фурнитура от них, обнаруженная, в частности, на сельских памятниках Омского Прииртышья [Татаурова, 2013] (рисунок 35:1–3) и в Мангазее [Визгалов, Пархимович, 2008а. С. 230] (рисунок 35:4).

Наиболее представительной частью костюма в археологических материалах является кожаная обувь. Конечно, не каждый подобный предмет отражал статус ее носителя, но некоторые образцы представляют интерес для нашего исследования.

Так, определенной статусностью обладали сапоги. С XV в. эта обувь получила широкое распространение в городах Центральной России, сменив поршни и чирки [Осипов, 2014. С. 63–65]. И на протяжении последующих столетий сапоги оставались в основном атрибутом городской культуры, в этой

обуви ходили служилые люди и чиновники. Конечно, и среди подобных предметов существовала своя дифференциация. Сапоги представителей высших сословий копировали западноевропейские образцы, были украшены золотым тиснением, выделаны из дорогой кожи [Осипов, 2014. С. 111–114]. Фрагменты такой обуви были обнаружены в культурном слое г. Тары [Татауров С. Ф., 2011. С. 248] (рисунок 10).

Обнаруженные в ходе раскопок Мангазеи сапоги и туфли с высоким каблуком исследователями отнесены к выходным, «престижным» видам обуви. Эти разнообразно декорированные и высококачественные изделия подражали западноевропейским образцам, что являлось данью моде того времени. [Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011. С. 86].

Следование европейской моде прослеживается и по материалам археологических исследований сельских памятников Западной Сибири. На памятнике Изюк-I в Омском Прииртышье была обнаружена представительная коллекция кожаной обуви, при анализе которой В. Б. Богомоловым были выделены западноевропейские образцы мужской и женской обуви первой половины XVIII в., аналогий которых на других западносибирских памятниках обнаружено не было [Богомолов, Татаурова, Кравец, 2013. С. 34] (рисунок 11).

Вместе с обувью необходимо обратить внимание на такую группу статусных вещей, как разные виды чулок и оберток. Ношение этих элементов костюмного комплекса являлось привилегией только высшей знати. Делались они из шелка или атласа, могли использоваться и некоторые виды выделанной кожи. Фрагменты подобных предметов были обнаружены в Мангазее [Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011. С. 64–65].

Значимым элементом в костюмном комплексе русского сибиряка был пояс, выполнявший сразу несколько функций – социальную, эстетическую и утилитарную и маркирующий социальный, половой, возрастной статус владельца. Как часть одежды, принимающая форму круга, пояс воспринимался как универсальный оберег, как «медиатор между человеком и окружающим миром, эквивалент мужской производительной силы» [Левкиевская, 2009. С. 230;

Славянская мифология, 1985. С. 321–322.] По способу изготовления выделяются плетёные, тканые и вязаные пояса. Ширина их колебалась от 5 до 20 см. [Русский традиционный костюм, 1999. С. 253–254]. Длина варьировалась в зависимости от способа завязывания и могла достигать 4 м. [Лебедева, 1989. С. 234].

С X века на Руси за поясом хранили кошелек – «калиту». К поясу привешивались кресало, нож, позднее – трубка и мешочек с табаком. У женщин к поясу пришивался карман, в котором носили ключи от кладовок, сундуков, а также лакомства для детей, в связи с чем такой карман назывался «лакомка». Служилые люди носили на поясе и за поясом предметы вооружения – от ножей в ножнах до топоров и ножен с саблями [Лебедева, 1989. С. 229–230]. Это хорошо прослеживается и на гравюрах XVII в. [Летин, 2002. С.13–14] (рисунки 42; 43; 44). В археологических материалах Мангазеи [Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011. С. 61] присутствуют тонкие кожаные ремешки для крепления к поясу различных предметов.

Широкий наборный пояс, украшенный золотом, серебром и драгоценными камнями, на Руси выступал в качестве символа власти и знака высокого социального статуса. Это отражено, в частности, на картине русского художника Павла Чистякова «Княгиня Софья срывает с князя Василия пояс Дмитрия Донского». Вероятнее всего, сибирские воеводы носили подобные пояса.

Судя по рисункам, созданным шведским дипломатом Эриком Пальмквистом в XVII в., служилые люди в основном носили пояса-кушаки со свободно свисавшими кистями [Летин, 2002. С.13–14] (рисунки 42; 43; 44). Военские командиры и представители царской администрации, вероятно, могли носить дорогие пояса из привозных европейских и среднеазиатских тканей. В тобольских таможенных книгах за 1639–1695 гг. среди одежды, которую привозили в Тобольск из Европейской части России, находим пояски гарусные, шелковые, льняные рубашечные; опояски и кушаки холщовые, шелковые, крапивные, гарусные с кистями, иногда обшитые золотной и серебрянной тесьмой [Этнография..., 1981. С. 150–152]. По материалам археологических исследований было установлено, что служилое население Западной Сибири в XVII – первой

половине XVIII вв. также активно использовало и кожаные ремни, о чем говорят многочисленные находки металлических ременных пряжек (рисунок 7).

Пояс из дорогих материалов или со сложным орнаментом выгодно выделял его обладателя в обществе. Как и многие другие предметы, распространенные в русском сибирском обществе указанного периода, пояс с точки зрения его социального значения соединил в себе традиционные русские элементы с местными, став одной из характерных черт социально-культурного облика русского сибиряка.

Важными элементами в костюмном комплексе были украшения. Исходя из проведенной нами систематизации, мы делим их на украшения тела (перстни, кольца, серьги, заколки) и украшения одежды (бусы, нашивки/накладки, пуговицы).

Из всего комплекса украшений наибольшим статусом в обществе обладали перстни, особенно перстни-печати. Появление последних было связано с возникновением и широким применением самих печатей, которые для удобства и вставлялись в перстни. Массивный перстень, надетый на большой палец, назывался «напалком», а имевший резную вставку из камня – «жуковиною» (слово это часто встречается в грамотах XV и XVI вв.) [Нелюбов, 2001. С. 7]. В Западную Сибирь перстни попали вместе со своими носителями – воеводами и царскими чиновниками, являясь показателем статуса и признаком власти, символика которой была отражена в нанесенном на печати изображении. Так, найденный в ходе раскопок Березовского городища перстень со вставкой-печатью содержит следующую композицию: вверху – корона, под ней – овал с буквами Л, П, Ш, расположенными в два ряда. Остальное пространство заполнено симметричными ветвями с изогнутыми побегам. Ветви исходят из основания короны [Пархимович, 2008. С. 227] (рисунок 1:6). Сходная композиция представлена на перстне-печати из г. Тары, где четко прослеживается корона (рисунок 1:1). Короны мы находим и на перстнях-печатах, обнаруженных в ходе исследований Тобольска [Алиева, 2014. С. 189] (рисунок 1:2,3,5). Изображение короны, по нашему мнению, отличало чиновничьи печати от личных дворянских и

родовых – в пользу этого говорит находка в г. Таре перстня-печати польского (или литовского) дворянина, где представлен герб и две латинские буквы L, W [Татауров С. Ф., 2011. С. 242–250] (рисунок 1:2).

Некоторыми авторами делается предположение, что рисунок, изображённый на перстне-печати, мог отражать социальный статус его владельца. Так, на перстнях служилых людей изображался воин, на перстнях представителей духовенства – крест [Нелюбов, 2001. С. 13]. Однако, анализируя перстни, полученные в ходе археологического изучения русских памятников Западной Сибири, мы не можем в полной мере согласиться с этим утверждением.

Социальную значимость имел материал, из которого изготовлен перстень, и качество его изготовления. Золотые перстни могли принадлежать воеводам, серебряные – дворянам, царским чиновникам, купцам и духовенству, в то время как медные были широко распространены среди средних и низших слоев населения. Медные перстни со вставками и без были обнаружены как на городских, так и на сельских русских памятниках Западной Сибири, причем в достаточно большом количестве, в то время как серебряные представлены единичными экземплярами. В пользу ценности и социальной значимости серебряных перстней говорит и тот факт, что в XVII в. практически всё серебро завозилось на территорию Российского государства из других стран. Необходимо отметить, что даже если перстни из драгоценных металлов и попадали к представителям низших слоев русского сибирского общества, то в конечном итоге они переходили в руки социально вышестоящих категорий населения. Это утверждение можно также отнести и к другим предметам из драгоценных материалов. Подтверждение этому можно найти, обратившись к истории формирования знаменитой Сибирской коллекции Петра I. Русские бугровщики, раскапывая царские курганы раннего железного века, не оставляли себе дорогостоящие серебряные и золотые изделия, а реализовывали их, вследствие чего эти предметы в итоге оказались в руках сибирского губернатора М. П. Гагарина и местных воевод, а затем от них поступали к Петру I [Руденко, 1962. С. 7–12].

К украшениям тела мы также относим кольца, заколки и серьги. Серьги были самыми распространенными и любимыми украшениями на Руси во все времена. В XVII – начале XVIII вв. по-прежнему носили одинцы, двойчатки – серьги в виде прикрепленных к толстой проволочке одного–двух стерженьков с нанизанными на них стеклянными и серебряными бусинками, жемчужинками и небольшими литыми серебряными цилиндриками с орнаментом; серьги в виде корабликов и голубков. Мочки серег становятся более тонкими, разъемными, с шарнирами, предназначенными для продевания в ухо. При этом украшалась только лицевая сторона подвески и мочки. В недорогих серьгах разъемные мочки часто заканчивались стилизованным листочком или раскрытым клювом птицы [Петракова, 2003. С. 14]. Значение имел материал, из которого был изготовлен предмет, а также материал возможной инкрустации.

Украшения одежды представлены бусами, нашивками, накладками и пуговицами. Бусы обнаружены на всех исследованных русских памятниках Западной Сибири, причем на некоторых памятниках в большом количестве, так на Мангазее этих предметов было собрано около тысячи штук [Визгалов, Пархимович, 2008а. С. 78]. Стоит отметить, что большинство бус имело центральнорусское происхождение, поступая в Сибирь из Новгорода [Визгалов, Пархимович, 2008а. С. 78], однако на территорию региона также ввозились китайские [Вилков, 1990. С. 30–35] и западноевропейские [Довгалюк, Татаурова, 2008. С. 43–44; Визгалов, Пархимович, 2008а. С. 78] бусы. Такие предметы уже не являлись рядовыми и, вероятно, также несли определенную социальную значимость, особенно при использовании в большом количестве.

Находки нашивок и накладок на одежду немногочисленны. В плане определения их статусного значения, как и в предыдущих случаях, необходимо обратить внимание на материал, из которого они были изготовлены, место происхождения и особенности технологии производства. В качестве примера можно рассмотреть серебряную накладку, обнаруженную в ходе археологического исследования Березова. Она сохранилась фрагментарно. Лицевая поверхность покрыта гравированным растительным узором (переплетенные S-видные побеги,

увенчанные трилистником), помещенным в рамку, повторяющую контур накладки. Фон узора заштрихован мелкими параллельными линиями [Пархимович, 2008. С. 229]. В украшении сочетаются материал и сложность изготовления, что вероятно обуславливало его цену и значение в обществе.

Пуговицы как украшения одежды сами по себе были достаточно элитарным элементом костюма, так как низшие слои населения в XVII–XVIII вв. использовали в этом качестве деревянные застёжки и веревочные опояски [Богомолов, Татаурова, Кравец, 2013. С. 30]. Пуговицы делали из меди, серебра, золота, порой превращая в изящнейшие произведения ювелирного искусства. Они могли быть гладкими, литыми, ажурными, с узорной чеканкой, чернью, эмалью, зернью, гравировкой, драгоценными камнями. Кроме этого, необходимо выделить пуговицы, появившиеся в начале XVIII в., как атрибут чиновничьего костюма и ставшие показателем определенного социального положения их носителя.

Отдельной группой предметов, чье социальное значение зависело от материала изготовления и места производства, выступают нательные крестики. Изготовленные из дорогих материалов или привезенные из значимых для христианского мира мест (Иерусалим, Афон), они также выступали символом достатка и статуса их владельца.

В данном контексте необходимо остановиться и на других предметах личного благочестия. Так, наперсные кресты, находки которых фиксируются в Западной Сибири, выступали показателем статуса священства как социальной группы. А иконка, обнаруженная на сельском памятнике Омского Прииртышья Изюк-1, говорит о том, что ее обладатель принадлежал к конфессиональной группе старообрядцев [Татаурова, 2016а. С. 31].

Обобщая вышесказанное, стоит отметить, что в социально-культурном облике русского сибиряка в XVII – первой половине XVIII вв. костюмный комплекс играл крайне важную роль, являясь своего рода «визитной карточкой» каждого члена общества.

Важное место в облике русского сибиряка занимали вещи, характеризующие его привычки. Некоторые из них, кроме того, что приносили удовольствие,

являлись отражением моды, показателем статуса человека внутри его социального слоя. По археологическому материалу фиксируется три таких привычки: чаепитие, винопитие и табакокурение. Мы фиксируем их распространение по таким предметам, как фарфоровая посуда, стеклянные бутылки и курительные трубки.

Чай и фарфоровая посуда. К концу XVII в. в сибирских городах привычным напитком становится чай. Русские познакомились с этим напитком в Средней Азии в первой половине XVII в., к середине столетия он в небольших количествах завозился в Западную Сибирь бухарскими купцами [Этнография..., 1981. С. 186], а к его концу чайный лист прочно утвердился на сибирских рынках. В частности среди ввозимых в Тобольск из Средней Азии товаров постоянно присутствовал чай, привоз которого исчислялся пудами [Люцидарская, 1992. С. 151]. Несмотря на это, он продолжал оставаться очень дорогим товаром и служил показателем статуса, будучи распространен в основном среди купечества и чиновничества. В качестве примера можно привести воспоминания купца Конюхова: «От родителей своих я слышал, что прежде в г. Кузнецке чай только имели в двух лучших домах у чиновников.. да и те чаи употребляли не всегда, а всегда употребляли траву, называемую белоголовником» [Гончаров, 2004. С. 68].

Чай был тесно связан с фарфоровой посудой, из которой его преимущественно пили. Китайские традиции чаепития, атрибутом которых была фарфоровая посуда, способствовали возникновению особой пищевой культуры не только в Сибири, но и в европейской части России [Похлебкин, 1997. С. 298–300].

Необходимо отметить, что китайская фарфоровая посуда была известна у аборигенов Сибири еще до начала русской колонизации: фрагменты «расписных фарфоровых сосудов» были обнаружены при археологических раскопках Искера, который в XVI в. являлся ставкой сибирского хана Кучума [Адамов, Балюнов, Данилов, 2008. С. 54]. О находке фарфоровой китайской пиалы в одном из погребений тарских татар в могильнике Черталы (Омская область) сообщает Б. В. Мельников [Мельников, 1991. С. 150]. Первые поставки синьцзянского (северо-западный Китай) фарфора в Западную Сибирь после прихода в этот

регион русских начались, судя по данным таможенных книг, уже в первой трети XVII в.; он фиксируется как предмет казенной торговли на Тарской ярмарке в 1630 г. При этом необходимо отметить, что его цена могла доходить до двух рублей за предмет [Вилков, 1990. С. 46–48]. В дальнейшем китайская фарфоровая посуда поступала в Сибирь практически постоянно, по крайней мере, в рамках рассматриваемого нами периода.

По археологическим данным можно сделать вывод, что фарфоровая посуда в Западной Сибири была распространена широко, но достаточно неоднородно. Так, фрагменты китайской фарфоровой посуды так называемого «переходного периода» (1620–1680) обнаружены на сельских памятниках Омского Прииртышья Ананьино-I и Изюк-I, а также в городах Заполярья: Березове и Мангазее [Татауров Ф. С., 2011. С. 384], на других памятниках подобные находки не фиксируются. В некоторой степени обоснованием этому может послужить тот факт, что описываемые прииртышские деревни были основаны служилыми людьми, достаточно высокий доход которых формировался из занятий ремеслом и земледелием, а также жалования за военную службу; жители северных городов, в основном промысловики, служилые люди и торговцы, также обладали высоким достатком и могли позволить себе вещи подобного рода.

Вино, стеклянные бутылки и штофы. Статусным и престижным товаром в XVII–XVIII вв. было привозное бутылочное вино. Следует отметить, что в XVII в. вино с государевых винокурен было достаточно дорогим и употреблять его мог не каждый. Так, в 1660 г. цена за вино была установлена для «городов низовских, которые ниже Казани» по 3 руб. за ведро при продаже чарками или оптом. В октябре 1661 г. цена была повышена: в Перми, Чердыни и Соликамской приказали продавать ведро по 5 руб., а в Сибири цена была еще выше, особенно в городах Томского разряда, куда вино привозили с Верхотурья [Прыжов, 2009. С. 105–107]. Как считал П. А. Словцов, до 1698 г. всё хлебное вино в Сибирь поставлялось из-за Урала [Словцов, 2011. С. 206].

Свидетельствами винопития выступают фрагменты бутылок и штофов, достаточно массово встречающиеся на русских памятниках Западной Сибири.

Следует отметить, что стеклянная посуда является неплохим маркером изменения социального статуса отдельных слоев населения в сибирском обществе. Например, в XVII в., когда массовое производство стеклянной посуды еще только осваивалось в европейской части Российского государства, основу сибирского общества составляло военное сословие, стремившееся подчеркнуть свой статус и положение, продемонстрировать отличия от жителей Центральной России – и в итоге мы видим широкое распространение редких и дорогих стеклянных штофов и бутылок на ранних русских памятниках Западной Сибири, где основу населения составляли как раз служилые люди.

Производство стекла на Руси началось только при Алексее Михайловиче. Потребности российского рынка в стеклянной посуде в XVII в. удовлетворялись, главным образом, за счет западноевропейской продукции, которая ввозилась в страну через Архангельск, а также за счет стеклянной посуды из Украины, откуда на территорию Российского государства поставлялась продукция из так называемого «черкасского» стекла [Кауфман, 1994. С. 55]. Такая посуда попадала и на территорию Западной Сибири, что фиксируется по археологическим материалам, в частности фрагменты западноевропейского стекла известны по материалам раскопок в г. Таре [Татауров Ф. С., 2016. С. 191–194] (рисунок 19:1), Томске [Черная, 2015. С. 206–210] (рисунок 19:2) и Мангазее [Визгалов, Пархимович, 2008а. С. 87] (рисунок 19:3).

Кроме бутылок, в комплексе стеклянной посуды, связанной с винопитием, можно отдельно выделить посуду для употребления вина – рюмки. В археологических материалах они представлены слабо, стеклянная рюмка обнаружена только в Томском кремле [Черная, 2015. С. 209]. По данным этнографии первые рюмки – «братинки стекольчатые» получают широкое распространение у русских сибиряков к концу XVII в. [Люцидарская, 2005. С. 144]. Эти предметы являлись атрибутом, характерным исключительно для высших слоев общества, обычные люди в своей массе пользовались глиняными чарками.

Табак и курительные трубки. Самой специфичной статусной «вещью» в социально-культурном облике русского сибиряка является табак. Привычка к

табакокурению, как полагают исследователи, бытовала в Сибири еще в XVI в., так, по мнению Ю.А. Купиной, основанному на анализе материалов о потреблении табака у коренных народов Северо-Восточной Сибири и Аляски (чукчи, коряки, ительмены, алеуты и др.), «с табаком народы Сибири познакомились раньше, чем этот регион начали осваивать русские» [цит. по: Беликова, Зинченко, 2012. С.93]. Поступал он в основном из Китая, и его распространителями были бухарские купцы [Шаповалов, 2000. С.115].

У русских курение табака распространялось в среде служилых людей. Первоначально они выступали посредниками и контрабандистами, продавая табак, в частности, селькупам, но потом и сами пристрастились к этой привычке [Шаповалов, 2000. С.115]. Оказывали влияние на распространение табака среди военных и казаки литовских списков, принешие привычку к курению из Европы.

Употребление табака считалось модным, несмотря на запреты центральной власти. Об этом говорят исторические источники. Например, в 1641 г. тюменский воевода Григорий Петрович Борятинской прислал следующую грамоту государю: «Государю царю.. Гришка Борятинской челом бьет: в твоём государю наказе у меня написано: на перед сево на Тюмени и в иных сибирских городех и в острогах приезжие и туточные сибирские служилые и всякие люди покупали и продавали межь себя и пили табак...» [Оглоблин, 1892. С. 684–686]. Запретный товар изымали и владельцев наказывали на месте, в редких случаях дело ограничивалось штрафом и обещанием больше не курить табак [Оглоблин, 1892. С. 684–686]. Но положительного результата суровость наказания не давала.

Конкретизировать употребление табака у той или иной группы населения помогают курительные трубки, найденные в ходе археологических исследований. Большинство из них было изготовлено из подручного материала и какого-либо социального значения не имело. Хотя русские заимствовали привычку к табакокурению и сами трубки у коренных народов Западной Сибири [Беликова, Зинченко, 2012. С. 96–97], отношение к этим предметам было сугубо утилитарным, в то время как коренные сибиряки наделяли трубку сакральными функциями. Например, у бурят этот предмет имел большое значение в различных

ритуалах. Даже если мужчина не употреблял табак, он обязан был при себе иметь кисет с табаком и трубкой, чтобы иметь возможность угостить собеседника [Мятлева, Дашибалов, 2011. С.186]. Использование трубок в погребальном обряде зафиксировано у селькупов и тюркского населения Причулымья [Беликова, Зинченко, 2012. С. 95, 102].

Отдельно необходимо остановиться на том факте, что у большинства самодельных трубок, обнаруженных, в частности, на сельских памятниках Омского Прииртышья, очень маленькие размеры лунок для засыпки табака (рисунок 27); у отдельных экземпляров – меньше 1 см. в диаметре, что свидетельствует о высокой стоимости и дефиците этого товара в Западной Сибири.

Средние и высшие слои русского сибирского общества старались активно демонстрировать свой социальный статус, что фиксируется по материалам археологических исследований. Сформировавшиеся местные сибирские обычаи и привычки были, с одной стороны, демонстрацией приверженности моде того времени, а с другой стороны, служили для удовольствия тех, кто мог позволить себе им следовать. С их помощью человек стремился, прежде всего, идентифицировать себя в новом обществе, продемонстрировать окружающему миру свои возможности.

Отдельно стоит остановиться на статусных предметах, присущих только конкретным социальным группам русского общества Западной Сибири в XVII – первой половине XVIII вв. В описываемый период доминантой в обществе был воин, первопроходец, что было связано с постоянной военной угрозой и сложностями, возникшими в ходе хозяйственного освоения региона. Неизменным атрибутом воина являлось **оружие**.

Среди оружейного комплекса русских XVII – первой половины XVIII вв. можно выделить наиболее и наименее статусные виды. Самым ценным с точки зрения социальной значимости предметом была сабля. Она отлично отвечала престижным потребностям воевод и воинских командиров, а также аборигенных князьков, которые с присоединением Сибири стали дворянами. Такое оружие

носили напоказ, часто украшая рукояти драгоценными камнями, серебром и золотом; саблей награждали за службу [Оружие наградное, 1994. С. 159], аборигенные князьки получали сабли, вероятно, в качестве платы за лояльность новой власти, что фиксируется по многочисленным находкам этих предметов на территории военных городков коренных народов Западной Сибири [Багрин, 2008. С. 265]. Данный вид оружия требовал особого обращения, и являлся, в том числе, отличительной чертой воинского начальника.

В результате археологических исследований обнаружено небольшое количество деталей огнестрельного оружия. Находки ружейных винтов и аркебузных крюков фиксируются в материалах Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2008а. С. 206] (рисунок 29:1,3). Представительной категорией предметов, относящейся к огнестрельному оружию, являются пули. Они широко представлены в культурном слое городов Западной Сибири, в частности Тобольска [Аношко, 2014. С. 140], Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2008а. С. 206] и Тары (рисунок 29:5), также на территории Саянского острога известна находка пулелейки [Скобелев, Чуриков, 2011. С. 380]. Кроме того, на сельских памятниках Ананьино-I и Изюк-I найдены пули и пулелейки (рисунок 30). Отдельно стоит отметить находку в г. Таре ружейной кобуры и чехла от боевого топора. По источникам фиксируется высокое значение и цена пищали (последняя могла составлять от одного до двух годовых денежных окладов служилого) [Багрин, 2008. С. 263]. Возможно, редкие находки деталей пищалей и ружей объясняются бережным отношением к этим предметам вооружения, связанным с их немногочисленностью на территории Сибири.

Важную информацию о социальном восприятии предметов вооружения и связанного с ним определенного статуса дают детские игрушки. Стремясь подражать наиболее популярным персонажам того времени, дети копируют, прежде всего, именно те предметы, которые были им присущи и больше всего ценились в обществе. Иллюстрацией этому может быть большое количество вырезанных из дерева палашей и сабель, которое фиксируется в археологических материалах с русских памятников Западной Сибири [Пархимович, 2014а. С. 256].

Копировались и предметы вооружения, вышедшие из употребления к началу XVII в., но наделявшиеся особыми свойствами. В данном контексте особый интерес представляют найденные в Мангазее фрагменты деревянных мечей с дисковидным навершием [Пархимович, 2014а. С. 256], оригиналы которых вышли из употребления в XIII в. Вероятнее всего, они представляют собой имитацию вооружения былинных богатырей. Приобщенность к сказочному миру прошлого придавала таким игрушкам особый вес в детском обществе. Подобный архаичный облик имеет и найденная на Мангазейском посаде деревянная модель топора XIV в. [Пархимович, 2014а. С. 256].

Самыми массовыми игрушечными копиями предметов вооружения являются луки и наконечники стрел. Необходимо отметить, что в Центральной России лук к началу XVII в. уже практически не использовался [Розенфельдт, 1997. С. 115], в Сибири же он еще 100 лет оставался предметом вооружения служилых людей и охотников, что придавало ему особый, сибирский статус, который проецировался и на игры детей.

Некоторые игрушечные копии оружия свидетельствуют о том, что к нему детей начинали приучать в раннем возрасте. Так, в археологической коллекции с Мангазеи присутствует деревянный ножичек, который, судя по размерам, предназначался ребенку полутора–двух лет [Пархимович, 2014а. С. 256]. В г. Таре было обнаружено несколько таких предметов, причем стоит отметить высокую технику их исполнения.

Среди вышеперечисленных предметов вооружения можно выделить наиболее и наименее статусные, взяв за критерий их доступность для различных социальных групп сибирского общества. К подгруппе наиболее социально значимых предметов вооружения можно отнести сабли и боевые топоры, в то время как луки, стрелы, копыя и ножи составляли менее «статусную», вторую подгруппу [Багрин, 2008. С. 296–301].

Лошади. Для несения военной службы требовались определенные породы лошадей. Лошадь, как и оружие, была атрибутом воинов, к которым причисляла себя большая часть дворянства. Исходя из данных исторических источников, мы

видим, что даже в царской семье мальчикам к концу первого года жизни дарили деревянную лошадку, пропорционально соответствовавшую росту ребёнка [Забелин, 2014. С. 592].

Стоили породистые лошади недешево, они достаточно сильно отличались по цене от использовавшихся в хозяйстве [ГАОО, Ф.408, Оп. 4, Д. 6.]. По остеологическим материалам с русских памятников можно сказать, что лошадей даже у зажиточных слоев населения было немного. Так, по данным, полученным в ходе изучения сельского памятника Ананьино-I в Омском Прииртышье, где проживали в основном достаточно зажиточные служилые люди [Татаурова, Крих, 2015. С. 480–481], установлено, что лошадей в их хозяйстве было немного – всего 3 % [Явшева, ..., 2008. С. 363]. Это подтверждается и малочисленностью обнаруженных элементов конской упряжи на памятнике. Социальную значимость лошадей также отражают детские игрушки-лошадки.

Отдельно стоит выделить некоторые вещи, которые не имели широкого распространения, но при этом являлись показателем высокого и весьма специфического статуса их владельца. К таким можно отнести, например, находки замков от книг и деталей книжных переплетов в Томске [Черная, 2015. С. 214] (рисунок 32:1–3), которые принадлежали, вероятно, воеводе или другому представителю царской администрации, знавшему грамоту. Письменные принадлежности и чернильница были обнаружены в Мангазее [Визгалов, Пархимович, 2013. С. 24] (рисунок 32:5–6), ещё одна чернильница фиксируется в материалах, полученных в ходе археологического изучения Тарского кремля [Татауров С. Ф., 2012а] (рисунок 32:4). К предметам со сходным статусом мы относим также чехол от компаса, обнаруженный в г. Таре (рисунок 31:1). Подобные вещи, в силу того что их использование требует специальных навыков, не могли принадлежать представителям низших слоев русского общества Западной Сибири в изучаемый период; само умение пользоваться такими приборами или знание грамоты являлось основанием для особого социального статуса конкретного человека в обществе.

Подводя итог, можно сказать, что в социально-культурном облике русского

сибиряка очень важную роль играли вещи, сопутствовавшие ему в повседневной жизни. Особенности социального положения конкретного члена общества раскрывались, прежде всего, через костюмный комплекс, однако важное место занимали и привычки. Особый статус некоторых категорий сибирского населения подчеркивался только им присущим кругом вещей.

На основании проведенных исследований можно сделать вывод, что каждый социальный слой, используя доступные ему ресурсы, приобретал определенный набор предметов, которые формировали его социально-культурный облик.

Для представителей низших сословий, к которым относится крестьянство и с некоторыми оговорками посадское население, был характерен самый скудный объем использовавшихся в повседневной жизни статусных вещей. Сопоставление археологических материалов и данных письменных источников рисует нам следующую картину: эти люди предпочитали использовать практичные, недорогие вещи, при этом стараясь в той или иной степени имитировать социально-культурный облик представителей более высоких по своему социальному положению слоев общества. В костюмном комплексе они использовали украшения из меди, кости и стекла, на изготовление одежды и обуви шли недорогие материалы, которые можно было приобрести на рынках Западной Сибири, однако в некоторых случаях отмечается тщательное копирование элементов одежды и обуви высших социальных слоев. В убранстве жилища статусные вещи тоже использовались достаточно ограниченно, но можно отметить, что на всех изученных в регионе сельских комплексах были обнаружены детали слюдяных окон, ручки и замки от сундуков и шкапулок. Это позволяет заключить, что для изучаемого нами периода этот социальный слой нельзя назвать бедняками.

В социальной структуре сибирского общества в конце XVI – первой половине XVIII вв. доминантой являлся воин, служилый человек. Именно в социально-культурном облике представителей данного социального слоя фиксируются практически все выделенные нами (на основании археологического материала) группы статусных предметов. Во-первых, служилый человек обладал некоторыми

специфическими категориями вещей (оружие и боевые породы лошадей), которые автоматически отличали его от других слоев населения. Кроме этого, высокий уровень благосостояния позволял служилым приобретать и другие статусные предметы: в костюмном комплексе это украшения из драгоценных металлов и редких материалов; одежда, сшитая из привозных тканей; пояс-кушак и сапоги, которые носили в основном представители военного сословия. В домашнем обиходе представители этого социального слоя пользовались фарфоровой и стеклянной посудой, наиболее зажиточные из них украшали печи в своих домах изразцами; на полы стелили среднеазиатские ковры, вешали в пространстве дома китайские занавеси. Служилые люди могли приобретать привозное вино в дорогих бутылках, в их среде широко было распространено табакокурение. Доминирующее положение военных в обществе показывают и письменные источники. В большинстве отписок и челобитных, опубликованных Г. Ф. Миллером в приложениях к «Истории Сибири» служилые люди выступают как главные действующие лица в вопросах военных действий, сопровождения посольств, они контролируют строительство острогов и слобод, занимаются сбором ясака: т. е. выполняют все наиболее важные для изучаемого общества функции [Миллер, 2000. С. 150–546]. В целом стоит отметить, что именно социально-культурный облик служилого человека являлся в Западной Сибири доминирующим – в какой-то степени это был образец для подражания представителям низших сословий.

Немногочисленные представители высших социальных слоев сибирского общества, к которым мы относим дворян, духовенство, воевод и царских чиновников, пользовались по большей части теми же статусными предметами, что и представители служилого населения, однако более высокого качества и стоимости. Украшения только из драгоценных металлов, одежда (в основном из дорогих тканей, в числе которых атлас, шелк и бархат; расшитая золотыми и серебряными нитями) и обувь. В убранстве дома использовались вещи, привезенные из европейской части России и из заграницы, в частности изразцы, фарфоровая посуда, стекло для окон, стулья и т. п. Стоит отметить, что для представителей слоя царских чиновников была характерна определенная форма

одежды, также они использовали особые гербовые перстни-печати. Для воевод и крупных военных командиров было характерно использование сабли в качестве статусного предмета вооружения. При этом нельзя забывать, что в самом высшем социальном слое значение статусных вещей уменьшается, так как их обладатель имеет высокий социальный статус независимо от предметов, которыми он себя окружает. Особая форма одежды присутствует и в социально-культурном облике представителей духовенства, с этим социальным слоем также можно связать все находки наперсных крестов и панагий.

Подводя итог, можно сказать, что реконструкция социально-культурного облика русского населения Сибири помогает осознать роль вещей как маркеров социальной дифференциации данного общества конца XVI – первой половине XVIII вв. Мы фиксируем это по результатам комплексного анализа археологических и письменных источников. Представители разных социальных слоев изучаемого социума пользовались определённым кругом статусных предметов, количество и ассортимент которых зависели от благосостояния владельца и его положения в обществе.

Археологические материалы позволяют нам установить, как общественные потребности человека выражались в двух основных составляющих социально-культурного облика – социально-бытовой среде и личном имущественном комплексе. Первая составляющая характеризуется приемами домостроительства, особенностями интерьерного оформления жилища, а вторая – через элементы костюмного комплекса; предметы, связанные с привычками людей (фарфоровая посуда, стеклянные бутылки, курительные трубки); оружие; инструменты.

Заключение

Изучение процессов формирования любого социума требует привлечения всего круга доступных источников. Присоединение к Российскому государству огромных сибирских территорий создало предпосылки для формирования нового общества в этом регионе. Его основа, в целом отражая преемственность по отношению к традиционной русской культуре, тем не менее испытала сильное влияние природной среды, а также культур коренных народов Сибири и сопредельных территорий.

Письменные источники по истории Сибири в XVII–XVIII вв. не дают полной информации о том, какими особенностями обладало русское сибирское общество, как различные социальные слои и группы подчеркивали свои положение и статус. Решение этой проблемы возможно только через привлечение археологических данных. Это утверждение раскрывает двойственный характер данной диссертационной работы, написанной на стыке истории и археологии. Каждая из указанных дисциплин дает примерно равный объем информации по теме исследования. Целью автора было на основании археологического материала с привлечением всего доступного круга письменных источников раскрыть сущность понятия «статусная вещь» для русского общества Западной Сибири конца XVI – первой половины XVIII вв. и на основании этого попытаться реконструировать социально-культурный облик различных групп и слоев этого социума.

В ходе работы был поставлен ряд задач, которые успешно решены. Рассмотрев итоги изучения русских памятников Западной Сибири на протяжении последних 70 лет, мы установили, что археология русских в Сибири, начавшись с разведочных и краеведческих исследований, к настоящему времени сформировалась в отдельное научное направление. В своем развитии она прошла три основных этапа. В ходе первого (1940-е–1960-е) проводились в основном разведочные работы, публикации по их итогам носили обзорный характер. В ходе второго этапа (1960-е–1980-е) шло постепенное накопление археологических

данных, выявлялись и документировались археологические памятники времени русского освоения Сибири. Эти исследования заложили основу для последующего изучения русской культуры в Сибири в рамках третьего этапа (конец 1980-х – настоящее время). Было накоплено большое количество археологического материала, появилась специализация по отдельным аспектам изучения культуры русских в Западной Сибири.

Были проанализированы работы, рассматривающие экономические, политические и адаптационные процессы в регионе в конце XVI – первой половине XVIII вв. на основании письменных и этнографических источников. Время появления этих трудов было разделено на несколько этапов. Первые работы по сибирской истории относятся к началу XVIII в., что было связано с возросшим интересом к Сибири в этот период, в том числе и со стороны Российской академии наук. Эти труды носят преимущественно описательный характер, фиксируя особенности культуры, экономического и политического развития проживавших в Сибири народов, в том числе и русских. Работы, созданные в рамках следующего хронологического периода (XIX – начало XX вв.), уже содержали элементы научного анализа и охватывали обширный спектр научных проблем, от политических до культурных и социальных. После революции 1917 г., в связи с перестройкой науки на марксистские рельсы, в изучении истории Сибири происходит перерыв, полномасштабное рассмотрение вопросов, связанных с начальным этапом освоения Сибири, возобновляется только после окончания Великой Отечественной войны. Труды, опубликованные в период 1930-х – начала 1990-х гг., мы относим к третьему хронологическому периоду. Исследования носят уже преимущественно аналитический характер, где обработка археологических и этнографических данных проводится в рамках господствовавшей в науке марксистской концепции. При этом основной упор делается на социально-экономические и производственные связи в сибирском обществе. Четвертый хронологический период (1990-е гг. – настоящее время) включает круг работ, которые характеризуются применением в них комплексного подхода, учитывающего данные не только исторических источников, но и

этнографии и археологии. Появлению подобных трудов способствовали изменения в политической и научной доктрине государства, когда стало возможным привлекать также методы и теории зарубежной науки.

Наши исследования показали, что вещь, как элемент культуры, включает в себе некоторый объем информации, на основании которой можно сделать ряд выводов относительно социально-культурного облика представителя конкретной социальной группы изучаемого нами общества. Критериями социальной значимости вещи выступают материал, из которого она изготовлена, и ее функциональность; в нематериальном плане значение имеет место вещи в мировоззрении общества, в котором она существует. Ориентируясь на эти критерии, была проведена систематизация археологического материала с русских памятников Западной Сибири XVII – первой половины XVIII вв., выделены группы предметов, которые, на наш взгляд, являются основными элементами в социально-культурном облике русского сибиряка.

Логика исследования побудила нас обратиться к рассмотрению социальной структуры русского общества Западной Сибири в изучаемый период. Было установлено, что присоединение этого региона к Российскому государству имело сложный характер. Царская администрация ориентировалась на военное присоединение и закрепление новых территорий, в результате чего появляются новые источники материальных ресурсов. Социум же, принимая участие в завоевании и освоении региона не по собственной воле, стремился извлечь максимальную экономическую выгоду из сложившейся ситуации. В этих условиях ведущую роль в становлении и развитии русского общества в Сибири играло служилое сословие, которому пришлось решать задачи обеспечения русского населения Сибири продовольствием и товарами первой необходимости. Весь XVII в. служилые люди обладали достаточно высоким социальным положением и благосостоянием, что отразилось в их социально-культурном облике использованием большого количества статусных вещей. Со временем, когда военная опасность внутри рассматриваемого региона была ликвидирована, со второй трети XVII в. на эту территорию начали активно переселяться крестьяне и

посадские люди из Центральной России, Поморья и с Урала. Прибыв на новое место, они достаточно быстро воспринимали нормы нового русского сибирского общества и, желая подчеркнуть свое социальное отличие как от общества «старого», из которого они вышли, так и от местного населения, старались всеми силами обеспечить свое благосостояние и определить свой новый социальный статус. Со временем из самых предприимчивых представителей вышеперечисленных социальных групп выделяется купеческая прослойка, также ориентированная на получение высокого положения в русском сибирском обществе. Во главе всех социальных слоев в Западной Сибири стоял воеводский аппарат управления, немногочисленный, но обладавший огромным социальным статусом и имевший практически неограниченные возможности для повышения уровня благосостояния, а следовательно, для формирования соответственного социального облика.

В ходе нашего исследования было установлено, что вещи в русском обществе конца XVI – первой половины XVIII вв. выступали основными маркерами социальной дифференциации. Подобный вывод был сделан по результатам комплексного анализа археологических и письменных источников. Представители разных социальных слоев изучаемого социума пользовались определенным кругом статусных предметов, количество и ассортимент которых зависели от благосостояния владельца и его положения в обществе.

Археологические материалы продемонстрировали нам, как выражались социальные потребности различных социальных слоев изучаемого общества. Их трансляция проводилась по двум основным каналам – через социально-бытовую среду и через личный имущественный комплекс. Первый характеризуется приемами домостроительства, особенностями интерьерного оформления жилища; а второй – через элементы костюмного комплекса; предметы, связанные с привычками людей (фарфоровая посуда, стеклянные бутылки, курительные трубки), оружие, инструменты.

Предметы, характеризующие социально-бытовую среду.

Социальный слой русского общества	Слюдяные окна	Изразцы	Ковры	Занавеси / скатерти	Постельные принадлежности	Зеркала	Утварь из драгоценных металлов	Статусная мебель
Чиновники	+	+	+	+	+	+	+	+
Духовенство	+	+	+	+	+	+	+	+
Служилые люди	+	+	+	+	+	-	-	-
Купцы	+	+	+	+	+	+	+	-
Крестьяне	+	-	-	-	-	-	-	-
Посадские	+	-	-	-	-	-	-	-

Предметы, относящиеся к личному имущественному комплексу.

Костюмный комплекс:

Социальный слой русского общества	Ткани (шелк, бархат, атлас)	Украшения тела					
		Серьги	Перстни			Заколки для волос	Бусы
			Перстни -печати	Перстни со вставками	Перстни без вставок		
Чиновники	+	+	+	+	-	-	-
Духовенство	-	-	-	+	+	-	-
Служилые люди	+	+	-	+	+	+	+
Купцы	+	+	-	+	+	+	+
Крестьяне	-	+	-	-	+	-	+
Посадские	-	+	-	+	+	-	+

Социальный слой русского общества	Украшения одежды		Обувь	Курительные трубки
	Пряжки/ накладки	Металл. пуговицы /нашивки		
Чиновники	+	+	+	+
Духовенство	+	+	+	-
Служилые люди	+	+	+	+
Купцы	+	+	+	+
Крестьяне	+	-	-	-
Посадские	+	+	-	-

Предметы домашнего обихода:

Социальный слой русского общества	Фарфоровая посуда	Стекланные штофы и бутылки	Вилки	Подсвечники
Чиновники	+	+	+	+
Духовенство	+	+	+	+
Служилые	+	+	+	+

люди				
Купцы	+	+	+	+
Крестьяне	-	+	-	-
Посадские	-	+	-	-

Категории предметов, характерные для определённых социальных слоёв

Социальный слой русского общества	Оружие	Наперсные кресты	Ремесленные инструменты	Книжная фурнитура и письменные принадлежности
Чиновники	+	-	-	+
Духовенство	-	+	-	+
Служилые люди	+	-	+	-
Купцы	-	-	-	-
Крестьяне	-	-	-	-
Посадские	-	-	+	-

К настоящему времени накоплено довольно большое количество статусных вещей с памятников Сибири. Особо важны следующие факты: во-первых, эти коллекции происходят из археологических раскопок, т. е. известен контекст залегания находок; во-вторых, в письменных источниках содержится информация о социальной принадлежности жителей каждого из изучаемых населенных пунктов в конце XVII – первой половине XVIII вв. Это дает нам возможность связать статусные вещи с группами населения, проживавшими на территории Западной Сибири в указанный период.

Полученные результаты позволяют прийти к заключению о необходимости привлечения археологических данных при изучении социальной истории русского населения Сибири в XVII–XVIII вв. Анализ элементов, составлявших социально-культурный облик русского сибиряка, позволяет лучше понять процессы формирования сибирских традиций и эволюцию русской сибирской культуры в обозначенный период и до настоящего времени. Результаты исследования могут быть использованы при реконструкции социально-культурного облика любого позднесредневекового общества по археологическим данным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Полевые отчеты

Татауров, С. Ф. Отчет об археологических исследованиях в историческом центре г. Тара Омской области в 2009 г. – Омск, 2010 // Архив МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1. Д. № 6-1.

Татауров, С. Ф. Отчет о полевых археологических работах в городе Тара в Тарском районе Омской области в 2010–2011 годах. – Омск, 2012а. // Архив МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1. Д. № 23-1.

Татаурова, Л. В. Отчет о раскопках русского поселения и могильника XVIII в. Изюк-I в Большереченском районе Омской области в 1999 г. – Омск, 2000а. // МАЭ ОмГУ. Ф. II, Д. № 157-1.

Татаурова, Л. В. Отчет о раскопках русского поселения и могильника XVIII в. Изюк-I в Большереченском районе Омской области в 2000 г. – Омск, 2001. // МАЭ ОмГУ. Ф. II, Д. № 169-3, 169-4.

Татаурова Л. В. Отчет о раскопках русского поселения и могильника XVIII в. Изюк-I в Большереченском районе Омской области в 2001 г. – Омск, 2002. // МАЭ ОмГУ. Ф. II, Д. № 176-1, 176-2.

Татаурова, Л. В. Отчет о раскопках русского поселения и могильника XVIII в. Изюк-I в Большереченском районе Омской области в 2002 г. Том 1,2. – Омск, 2003. // МАЭ ОмГУ. Ф. II, Д. № 184-1.

Татаурова, Л. В. Отчет о раскопках русского поселения и могильника XVIII в. Изюк-I в Большереченском районе Омской области в 2004 г. – Омск, 2005. // МАЭ ОмГУ. Ф. II, Д. № 189-1.

Татаурова, Л. В. Отчет о раскопках русского поселения и могильника Ананьино-I в Тарском районе Омской области в 2005 г. Том 1,2. – Омск, 2006. // МАЭ ОмГУ. Ф. II, Д. № 200-1, 200-2.

Татаурова, Л. В. Отчет о раскопках русского поселения и могильника Ананьино-I в Тарском районе Омской области в 2010-2011 гг. Тома 1-5. – Омск, 2012. // МАЭ ОмГУ. Ф. II, Д. № 249-1, 249-2, 249-3, 249-4, 249-5.

Татаурова, Л. В. Отчет о раскопках археологического комплекса Ананьино-І в Тарском районе Омской области в 2012 г. Том 1,2. – Омск, 2013. // МАЭ ОмГУ. Ф. II, Д. № 251-1, 251-2.

Татаурова, Л. В. Отчет о раскопках археологического комплекса Ананьино-І в Тарском районе Омской области в 2013 г. Том 1,2. – Омск, 2014. // МАЭ ОмГУ. Ф. II, Д. № 252-1, 252-2.

Тихонов, С. С. Отчет о проведении археологических работ на объекте археологического наследия «Городище “Тарский Кремль”» 2010 г. – Омск, 2013а. Дополнения к отчету (результат работ за 2011 год). – Омск, 2013 // Архив МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1. Д. № 41-1.

Тихонов, С. С. Отчет о проведении в 2013 г. археологических раскопках на объекте археологического наследия «Тарская крепость» в городе Тара Омской области (открытый лист № 1542 от 30 октября 2013 г.). – Омск, 2013б. – Т. 2 : Коллекционная опись // Архив МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1. Д. № 55-2.

Тихонов, С. С. Полевая документация к отчету о проведении в 2013 г. археологических раскопок на объекте археологического наследия «Тарская крепость» в г. Таре Омской области (открытый лист № 1542 от 30 октября 2013 г.). – Омск, 2013в. // Архив МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1. Д. № 55-3.

Тихонов, С. С. Отчет о проведении в 2013 г. археологических раскопках на объекте археологического наследия «Тарская крепость» в городе Тара Омской области (открытый лист № 1542 от 30 октября 2013 г.). – Омск, 2014. // Архив МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1. Д. № 55-1.

Тихонов, С. С. Отчет о проведении в 2015 г. археологических работ на территории выявленного объекта археологического наследия «Тарская крепость» – Спасской церкви в городе Тара Омской области. – Омск, 2016а. // Архив МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1. Д. № 64-1

Тихонов, С. С. Полевая документация к отчету о проведении в 2015 г. археологических работ на территории выявленного объекта археологического наследия «Тарская крепость» – Спасской церкви в городе Тара Омской области. – Омск, 2016б. // Архив МНС ОФ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-1. Д. № 64-2

**Архивные материалы из Бюджетного учреждения Омской области
«Исторический архив Омской области»**

Ф. 408. Оп. 4. Д. 24: Реестр тарским купцам, мещанам и цеховым, живущим в Тарской округе по разным деревням с кого следует собрать половину подушной.

Ф. 408. Оп. 4. Д. 12: Ведомость о рыночных ценах в апреле и мае месяцах в городе Таре на хлеб, муку, мясо, масло и другие товары за 1738 г.

Ф. 408. Оп. 4. Д. 6: Отрывок инструкции таможенным управителям о провозе товаров и таможенных при торговле с Китаем за 1736 г.

Ф. 408. Оп. 4. Д. 13: Ведомость о количестве по городу Таре и его округе мещан, цеховых, государственных и экономических крестьян и ясачных татар по каждому селению состоит и с них на 1746 г. окладного дохода поступает в казну следует а равно и оброчным статьям за кем они состоят и в каком окладе.

Ф. 408. Оп. 4. Д. 18: Ведомость о торговле на границе с киргизами за 1740–1768 гг.

Опубликованные источники

Витсен, Н. Северная и Восточная Тартария : в 3 т. / Н. Витсен. – Амстердам : Pegasus, 2010. – 1816 с.

Георги, И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / И. Г. Георги. – Москва : Библиотека РУСАЛа, 2007. – 128 с.

Земледельческое хозяйство Западной Сибири в XVII – нач. XVIII в. : сборник архивных источников / под ред. Н. А. Балюк. – Тюмень : Изд-во ТГУ, 2001. – 184 с.

Котошихин, Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича / Г. К. Котошихин. – Москва: РОССПЭН, 2000. – 272 с.

Крашенинников, С. П. Описание Земли Камчатки / С. П. Крашенинников. – Москва; Ленинград : Изд-во Главсевморпути, 1949. – 841 с.

Миллер, Г. Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. / Г. Ф. Миллер. – Москва : Восточная литература, 1999. – Т.1. – 630 с.

Миллер, Г. Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. / Г. Ф. Миллер. – Москва : Восточная литература, 2000. – Т.2 – 796 с.

Миллер, Г. Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. / Г. Ф. Миллер. – Москва : Восточная литература, 2005. – Т.3 – 598 с.

Паллас, П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства / П. С. Паллас // Россия XVIII в. глазами иностранцев. – Ленинград : Лениздат, 1989. – С. 457–528.

Путешествие по указу Петра I. Из дневника Д. Г. Мессершмидта – исследователя народов Сибири. 1721–1725 гг. / под ред. З. Д. Титовой // Исторический архив. – 2003. – № 2. – С. 21–40.

Ремезов С. У. Чертёжная книга Сибири 1699–1701 гг. : в 2 т. / Ремезов С. У. – Москва : Роскартография, 2003. – 280 с.

Спафарий, Н. Г. Путешествие в Китай / Н. Г. Спафарий. – Москва : Директ-Медиа, 2010. – 214 с.

ЛИТЕРАТУРА

Адамов, А. А. Археологические исследования в Тобольском Кремле / А.А. Адамов // Русские старожилы. Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск; Омск, 2000. – С. 450–453.

Адамов, А. А. Город Тобольск. Археологический очерк : монография / А. А. Адамов, И. В. Балюнов, П. Г. Данилов. – Тобольск : [б. и.], 2008. – 114 с.

Адамов, А. А. Разведочные работы в устье реки Сибирки / А. А. Адамов, И. В. Балюнов, П. Г. Данилов. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г.). – Новосибирск, 2006. – Т. XII. – Ч. I. – С. 242–248.

Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI–XVIII в. (по материалам археологических исследований) : монография / Л. В. Татаурова [и др.] ; под ред. Л. В. Татауровой. – Омск : Издатель-Полиграфист, 2014. – 374 с.

Акишин, М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого : монография / М. О. Акишин. – Новосибирск : Автор, 1996. – 224 с.

Акишин, М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата / Автореф. дисс. канд. ист. наук: 07.00.02 / Акишин Михаил Олегович. – Новосибирск, 2003. – 22 с.

Акишин, М. О. Сибирские дворяне и дети боярские [Электронный ресурс] / М. О. Акишин // Историческая энциклопедия Сибири. – 2009. – URL: <http://russiasib.ru> (дата обращения: 29.07.2014).

Алиева, Т. А. Перстни из культурного слоя г. Тобольска (по материалам базарного раскопа) / Т. А. Алиева // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. : в 2 т. – Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014. – Т. I. – С. 188–193.

Ананьев, Д. А. К вопросу о компетенции комендантов пограничных крепостей Южной Сибири в первой половине XVIII в. / Д. А. Ананьев // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках : сб. материалов Международ. науч. конф. – Новосибирск, 2011. – С. 38–42.

Ананьев, Д. А. Приказные служители воеводских канцелярий Сибири (XVIII в.): численность и состав / Д. А. Ананьев // Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX вв. – Новосибирск, 2004. – С. 21–38.

Ананьев, Д. А. Система воеводского управления в освещении историков-сибиреведов / Д. А. Ананьев // Сибирь в XVII–XX веках: проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. : межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск, 2002. – С. 3–18.

Андриевич, В. К. История Сибири: в 2 ч. Репринтное издание 1889 г. : монография / В. К. Андриевич. – Санкт-Петербург : Альфарет, 2009. – 756 с.

Андюсев, Б. Е. Сибирское краеведение : учебное пособие / Б. Е. Андюсев. – 2-е издание. – Красноярск : РИО КГПУ, 2003. – 336 с.

Аношко, О. М. Посадские постройки Тобольска XVII–XIX вв.: описание,

датировка, назначение (по материалам первого и второго гостиных раскопов) / О. М. Аношко // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст.: в 2 т. – Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014. – Т. I. – С. 138–142.

Антология омского краеведения. Т. 1 : Избранные труды А. Ф. Палашенкова / под ред. О. В. Блиновой, Т. М. Назарцевой. – Омск : ОГИК музей, 2013. – 741 с.

Аполлова, Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. : монография / Н. Г. Аполлова. – Москва : Наука, 1976. – 371 с.

Артемьев, А. Р. Археологические исследования русских памятников нового времени в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье / А. Р. Артемьев // Российская археология. – 2005. – № 1. – С. 155–166.

Арутюнов, С. А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие : монография / А. С. Арутюнов. – Москва : Наука, 1989. – 247 с.

Багрин, Е. А. К вопросу о реконструкции костюма служилой элиты Сибири конца XVI–XVII века по материалам письменных источников / Е. А. Багрин, Л. А. Бобров // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. : в 2 т. – Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014. – Т. I. – С. 194–199.

Багрин, Е. А. Нож в комплексе холодного оружия русского служилого человека на территории Сибири и Дальнего Востока в XVII в. / Е. А. Багрин // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. – Омск, 2008. – С. 294–308.

Бахрушин, С. В. Воеводы тобольского разряда в XVII в. / С. В. Бахрушин // Научные труды. – Т. III. – Москва, 1953. – С. 253–262.

Бахрушин, С. В. Очерки по истории Красноярского уезда XVII в. / С. В. Бахрушин // Научные труды. – Т. IV. – Москва, 1959. – С. 7–178.

Безмоздин, Л. Н. Культурно-социологический анализ вещи / Л. Н. Безмоздин // Вопросы социологии искусства. Теоретические и методологические проблемы : сб. науч. ст. – Москва, 1979. – С. 104–127.

Беликова, О. Б. Курительные аксессуары XVII–XIX вв. Таежного Причулымья (юг Западной Сибири): трубки / О. Б. Беликова, А. С. Зинченко // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 2(17). – С. 93–105.

Белов, М. И. Мангазея: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. : монография / М. И. Белов, О. В. Овсянников, В. Ф. Старков. – Ленинград : Наука, 1981. – 148 с.

Беляев, Л. А. Археология позднего Средневековья и Нового времени в России: заметки о самоопределении / Л. А. Беляев // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. : в 2 т. – Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014. – Т. I. – С. 11–18.

Бердников, И. М. К вопросу о времени первых захоронений на территории Иркутского острога / И. М. Бердников, Н. Е. Бердникова // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. – Омск, 2008. – С. 233–238.

Бердников, И. М. Особенности погребального обряда Спасского некрополя Иркутского острога / И. М. Бердников // Вестник НГУ. – 2009. – Т. 8, вып. 5. – С. 252–260.

Бережнова, М. Л. Загадка челдонов: История формирования и особенности культуры старожильческого населения Сибири : монография / М. Л. Бережнова. – Омск : ОмГУ, 2007. – 266 с.

Бережнова, М. Л. Челдоны как группа русских сибиряков: поиск социальных истоков ее формирования / М. Л. Бережнова // Сибирский сборник – 3 : Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской. – Санкт-Петербург, 2011. – С. 16–24

Берсенева, Н. А. Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры : монография / Н. А. Берсенева. – Екатеринбург : УроРАН, 2011. – 204 с.

Берталанфи, Л. фон. Общая теория систем – критический обзор / Л. Берталанфи // Исследования по общей теории систем : Сборник переводов / общ. ред. и вст. ст. В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. – Москва, 1969. – С. 23–82.

Боброва, А. И. Нателные кресты из могильников Прикетья / А. И. Боброва // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. : в 2 т. – Омск; Тюмень; Екатеринбург, 2014. – Т. I. – С. 215–220.

Богатова, Г. А. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Г. А. Богатова,

Г. Я. Романова. – Москва : Наука, 1975. – 319 с.

Богомолов, В. Б. Реконструкция костюма русских Западной Сибири по археологическим материалам XVII–XVIII вв. / В. Б. Богомолов, Л. В. Татаурова, Е. В. Кравец // Вестник ЧГУ. Серия: «История». – 2013. – Вып. 55. – № 12 (303). – С. 28–36.

Богомолов, В. Б. Этноархеологическая реконструкция костюма как синтез междисциплинарных исследований / В. Б. Богомолов // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск, 2012. – Т. 12. – С. 31–63.

Бородовский, А. П. Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг. : монография / А. П. Бородовский, С. В. Горохов. – Новосибирск : ИАЭТ СО РАН ; НГПУ, 2009. – 244 с.

Бунятян, Е. П. Методика социальных реконструкций в археологии : монография / Е. П. Бунятян. – Киев : Наукова думка, 1985. – 132 с.

Буцинский, П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Сочинения в 2 т. : монография / П. Н. Буцинский – Т. 1. – Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – 328 с.

Быков, Л. В. Трехмерная реконструкция археологических памятников и объектов на основе данных дистанционного зондирования и глобальных навигационных спутниковых систем / Л. В. Быков, Л. В. Татаурова, А. З. Светлейший // Вестник Омского государственного аграрного университета. – 2016. – № 3 (23). – С. 185–192.

Васильев, Д. Д. Новые находки фрагментов рунической надписи Саянского острога / Д. Д. Васильев, С. Г. Скобелев // Altaica V. – 2001. – С. 50–59.

Веблен, Т. Теория праздного класса : монография / Т. Веблен. – Москва: Прогресс, 1984. – 400 с.

Визгалов, Г. П. Археологические исследования Березовского городища / Г. П. Визгалов, С. Г. Пархимович // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. – Омск, 2008б. – С.144–152.

Визгалов, Г. П. Мангазея. Археологические открытия в заполярном городе /

Г. П. Визгалов, С. Г. Пархимович. – Екатеринбург : Тезис, 2004. – 16 с.

Визгалов, Г. П. Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.) : монография / Г. П. Визгалов, С. Г. Пархимович, А. В. Курбатов. – Екатеринбург : Магеллан, 2011. – 216 с.

Визгалов, Г. П. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.) : монография / Г. П. Визгалов, С. Г. Пархимович. – Екатеринбург ; Нефтеюганск : Магеллан, 2008а. – 296 с.

Визгалов, Г. П., Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2005-2010 гг.) / Г. П. Визгалов, С. Г. Пархимович. – Екатеринбург ; Нефтеюганск : Институт археологии Севера, 2013. – 32 с.

Визгалов, Г. П. Первые результаты археологических раскопок Старотуруханского городища (Новой Мангазеи) / Г. П. Визгалов, М. А. Рудковская // Культура русских в археологических исследованиях. Междисциплинарные методы и технологии : сб. науч. ст. – Омск, 2011. – С.180–189.

Вилков, О. Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII вв. : монография / О. Н. Вилков. – Новосибирск : Наука, 1990. – 308 с.

Вилков, О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке : монография / О. Н. Вилков. – Москва : Наука, 1967. – 324 с.

Волков, В. Г. Тарские «служилые по отечеству» конца XVI – начала XVII веков / В. Г. Волков // Западная Сибирь и сопредельные территории: демографические и социально-исторические процессы (XVIII–XX вв.): материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Омск, 2009. – С. 54–65.

Глушков, И. Г. Керамика как исторический источник : монография / И. Г. Глушков. – Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 1996. – 328 с.

Глушкова, Т. Н. Текстиль XVIII–XIX вв. по материалам могильника Горноправдинский) / Т. Н. Глушкова, Е. А. Зайцева // Культура русских в археологических исследованиях. Междисциплинарные методы и технологии : сб. науч. ст. – Омск, 2011. – С. 283–290.

Глушкова, Т. Н. Ткани XVII века из русских могильников Изюк-I и Ананьино-I /

Т. Н. Глушкова // Культура Русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. – Омск, 2008. – С. 326–333.

Гончаров, Ю. М. Очерки истории города Тары конца XVI – начала XX вв. : монография / Ю. М. Гончаров, А. Р. Ивонин – Барнаул : Аз Бука, 2006. – 188 с.

Гончаров, Ю. М. Семейный быт горожан Сибири второй половины XIX – начала XX века : монография / Ю. М. Гончаров. – Барнаул : Аз Бука, 2004 – 132 с.

Гуменюк, А. Н. Градостроительное развитие города Тары в XVIII–XIX вв. / А. Н. Гуменюк, И. В. Ляликов // Омский научный вестник. – 2013. – № 5 (122). – С. 239–245.

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – Москва : Цитадель, 1998. – Т. I: А–З. – 944 с.

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – Москва : Цитадель, 1998а. – Т. III: П–Р. – 896 с.

Дашковский, П. К. Вещь в традиционной культуре народов Центральной Азии: философско-культурологическое исследование : монография / П. К. Дашковский, С. М. Карымова. – Барнаул : АлтГУ, 2012. – 251 с.

Дедюлина, М. А. Основы культурологических знаний : учебное пособие / М. А. Дедюлина, Е. В. Папченко. – Таганрог : ТТИ ЮФУ, 2008. – 184 с.

Добжанский, В. И. Кузнецкий острог в 1618 и 1620 гг. / В. И. Добжанский, Ю. В. Ширин // Кузнецкая крепость. – Новокузнецк, 2002. – № 5. – С. 4–15.

Довгалюк, Н. П. Стекланные бусы из слоев сельских поселений Среднего Прииртышья как источник для реконструкции торговых связей русских переселенцев XVII–XVIII веков / Н. П. Довгалюк, Л. В. Татаурова // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 2 (42). – С. 37–45.

Дмитриев, А. В. Материальное положение и служебный статус полков «нового строя» в Сибири во второй половине XVII в. / А. В. Дмитриев // Сибирь в XVII–XX веках: Проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. – Новосибирск, 2002. – С. 31–42.

Дмитриев, Д. В. Толковый словарь русского языка / Д. В. Дмитриев. – Москва : Астрель: АСТ, 2003. – 1578 с.

Еланцева, О. П. Злоупотребления сибирских воевод на материалах РГАДА / О. П. Еланцева, О. Ю. Шаходанова // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 10. – С. 113–115.

Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – Москва : Русский язык, 2000. – 1536 с.

Жиров, А. А. Провинциальное купечество Сибири (Штрихи к социально-психологическому портрету) / А. А. Жиров // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 1998. – № 6. – С. 310–324.

Забелин, И. Е. Домашний быт русского народа в XVI–XVII вв. / И. Е. Забелин. – Москва: Тип. Грачева и Комп., 1869. – Т. 2. – 857 с.

Зуев, А. С. Этнический состав сибирских служилых людей в конце XVII – начале XVIII вв. / А. С. Зуев, А. А. Люцидарская // Вестник НГУ. – 2010. – № 9. – Вып.1. – С. 52–69.

Иванов, А. А. Уголовная ссылка в Сибирь в XVII–XIX вв.: численность, размещение, использование в экономике региона / А. А. Иванов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014. – № 1(27). – С. 42–53.

Иванова, С. В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья : монография / С. В. Иванова. – Одесса : Друк, 2001. – 244 с.

Кауфман, А. А. Крестьянская община в Сибири: По местным исследованиям 1886–1892 гг. : монография / А. А. Кауфман. – Санкт-Петербург : кн. маг. А.Ф. Цинзерлинга, 1897. – 277 с.

Кауфман, А. О. Ремесло и торговля Кузнецка XVII века (предварительное сообщение по письменным и археологическим источникам) / А. О. Кауфман // Кузнецкая старина. – 1994. – Вып. 2. – С. 47–60.

Килошенко, М. И. Психология моды: теоретический и прикладной аспекты : монография / М. И. Килошенко. – Санкт-Петербург : Речь, 2001. – 192 с.

Киселев, И. А. Архитектурные детали в русском зодчестве XVIII–XIX веков. Справочник архитектора-реставратора : монография / И. А. Киселев. – Москва :

Academia, 2005. – 496 с.

Клейн, Л. С. Археологические источники: монография / Л. С. Клейн. – Ленинград : Изд-во Ленинград. ун-та, 1978. – 120 с.

Клейн, Л. С. Археологическая типология : монография / Л. С. Клейн. – Ленинград : ЛФ ЦЭНДИСИ. ЛНИАО, 1991. – 379 с.

Клейн, Л. С. Время кентавров. Степная прародина греков и ариев: монография / Л. С. Клейн. – Санкт-Петербург : Евразия, 2010 – 496 с.

Клейн, Л. С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов: [Электронный ресурс] / Л. С. Клейн. – 2007. – URL: www.archaeology.ru (дата обращения: 01.12.2016).

Клейн, Л. С. Феномен советской археологии : монография / Л. С. Клейн. – Санкт-Петербург : ФАРН, 2003. – 128 с.

Коваленко, О. В. Глиняні люльки XVII–XVIII століть (за матеріалами Полтавщини) : монография / О. В. Коваленко. – Опішне : Українське народознавство, 2008. – 144 с.

Козина, О. А. Повседневная культура России XVII в. [Электронный ресурс] / О. А. Козина // Аналитика культурологи. – 2010. – №2 (17). – URL: <http://analiculturolog.ru> (дата обращения: 07.11.2015).

Колесников, А. Д. Темпы и источники роста населения Западной Сибири в XVIII–XIX вв. / А. Д. Колесников // Освоение Сибири в эпоху феодализма. – Новосибирск, 1968. – С. 225–238.

Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. : монография / А. Д. Колесников. – Омск : Зап.Сиб. кн. изд-во, Омское отд-ние, 1973. – 440 с.

Копылов, А. Н. Государевы пашенные крестьяне Енисейского уезда в XVIII в. / А. Н. Копылов // Сибирь в XVII–XVIII вв. – Новосибирск, 1962. – С.30–61.

Копылов, А. Н. Органы центрального и воеводского управления Сибири в конце XVI–XVII вв. / А. Н. Копылов // Известия Сибирского отделения АН СССР. – 1965. – № 9. – С. 80–88.

Копылов, А. Н. Таможенная политика в Сибири в XVII в. / А. Н. Копылов //

Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. – Москва, 1961. – С. 330–370.

Космовская, А. А. Воеводское управление в Перми Великой в XVII в. / А. А. Космовская // Вестник Пермского университета. – 2012. – № 1(18). – С. 135–143.

Корчагин, П. А. История города Верхотурья (1598–1926). Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города : монография / П. А. Корчагин. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2001. – 177 с.

Корчагин, П. А. Комплексные историко-археологические исследования КАЭ ПГУ в Верхотурье / П. А. Корчагин // Археологические и исторические исследования г. Верхотурье. – Екатеринбург, 1998. – С. 67–80.

Кочадамов, В. И. Тобольск (Как рос и строился город) : монография / В. И. Кочадамов. – Тюмень : Тюменское кн-ое изд-во, 1963. – 156 с.

Кочадамов, В. И. Первые русские города Сибири : монография / В. И. Кочадамов. – Москва : Стройиздат, 1978. – 190 с.

Кравцова, М. Е. История культуры Китая : учебное пособие / М. Е. Кравцова. – Санкт-Петербург : Лань, 1999. – 416 с.

Крих, А. А. Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII–XX века) : монография / А. А. Крих. – Омск : Наука, 2012. – 295 с.

Кузьменко, Л. И. Китайский фарфор XVII–XVIII веков : монография / Л. И. Кузьменко. – Москва : Государственный музей Востока, 2009. – 197 с.

Курилов, В. Н. К вопросу об исторической психологии межэтнических контактов в Сибири XVII в. / В. Н. Курилов, А. А. Люцидарская // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. – Новосибирск, 1986. – С. 26–43.

Лебедева, А. А. Значение пояса и полотенца в русских семейно-бытовых обычаях и обрядах XIX–XX веков / А. А. Лебедева // Русские. Семейный и общественный быт : сб. науч. ст. – Москва, 1989. – С. 229–248.

Левкиевская, Е. Е. Пояс // Славянские древности : этнолингвистический

словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – Т. 4. – Москва, 2009. – С. 230-233.

Летин, С. А. XVII столетие. Стрелец / С. А. Летин // Империя истории. – 2002. – № 2 (2). – С. 12–18.

Лоткин, И. В. История сибирской «литвы» в XVI–XVIII вв. / И. В. Лоткин, А. П. Ярков // Studies of Lithuania's History (Research papers). – 2013. – №. 32. – P. 64–83.

Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) : монография / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1994. – 758 с.

Люцидарская, А. А. Вещный мир сибирского горожанина XVII века / А. А. Люцидарская // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005.–№ 1 (21). – С. 141–145.

Люцидарская, А. А. Новации в быту горожан Сибири XVII в. / А. А. Люцидарская // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. – Новосибирск, 1998. – С. 198–204.

Люцидарская, А. А. Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки, XVII – начало XVIII вв. : монография / А. А. Люцидарская. – Новосибирск : Наука, 1992. – 200 с.

Манькова, И. Л. Приходское духовенство Западной Сибири в системе церковно-государственных отношений XVII в. / И. Л. Манькова // Уральский исторический вестник. – 2011. – № 4 (33). – С. 83–88.

Маслих, С. А. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков : монография / С. А. Маслих. – Москва : Изобразительное искусство, 1983. – 270 с.

Массон, В. М. Экономика и социальный строй древних обществ : монография / В. М. Массон. – Ленинград : Наука, 1976. – 197 с.

Матвеев, А. В. В поисках места гибели атамана Ермака / А. В. Матвеев // Культура русских в археологических исследованиях. Междисциплинарные методы и технологии : сб. науч. ст. – Омск, 2011. – С. 127–144.

Матвеев, А. В. Основные итоги археологического изучения верхнего посада Тобольска в 2007–2009 годах / А. В. Матвеев, О. М. Аношко, Т. В. Селиверстова //

Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2011. – С. 6–11.

Матвеев, А. В. Старинный фарфор и фаянс из культурного слоя Тобольска / А. В. Матвеев, О. М. Аношко, Н. Ф. Сирюшова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – № 2 (15). – С. 116–124.

Матвеева, Н. П. Реконструкция социальной структуры древних обществ по археологическим данным : монография / Н. П. Матвеева. – Тюмень, Изд-во Тюменского государственного университета, 2007. – 209 с.

Мельников, Б. В. Поздние погребальные памятники таежного Прииртышья / Б. В. Мельников // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск, 1991. – С. 142–156.

Мельникова, О. М. Методология отечественной археологии: стихия традиции или интуитивный поиск обоснованного выбора? / О. М. Мельникова // Вопросы археологии Урала. – 2008. – Вып. 25. – С. 6–14.

Миненко, Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX вв. Историко-этнографический очерк : монография / Н. А. Миненко – Новосибирск : Наука, 1975. – 308 с.

Молодин, В. И. Меч каролингов : монография / В. И. Молодин. – Новосибирск : ИНФОЛИО, 2006. – 144 с.

Молодин, В. И. Археологическое исследование Казымского острога / В. И. Молодин, В. Н. Добжанский // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск, 1978. – С. 191–202.

Молодин, В. И. Перспективы археологического изучения памятников русского освоения Сибири / В. И. Молодин, А. В. Новиков // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). – Владивосток, 1994. – Т. 1. – С. 30–38.

Мукаева, Л. Н. Культура русского населения горного Алтая в досоветское время / Л. Н. Мукаева // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. – Омск, 2008. – С. 351–356.

Мятлева, Е. Ю. Китайские влияния в культуре бурят XVII–XIX вв. (на примере курительных трубок Ганза) / Е. Ю. Мятлева, Б. Б. Дашибалов // Вестник

Бурятского государственного университета. – 2011. – С. 186–191.

Небольсин, П. И. Покорение Сибири : монография / П. И. Небольсин. – Москва: Ламартис, 2013. – 378 с.

Нелюбов, С. И. Символика средневековых русских перстней / С. И. Нелюбов // Цейхгауз. – 2001. – № 17. – С. 3–8.

Никитин, Н. И. Первый век казачества Сибири / Н. И. Никитин // Военно-исторический журнал. – 1994. – №1. – С. 77–83.

Никитин, Н. И. Сибирская эпопея XVII века : монография / Н. И. Никитин. – Москва : Наука, 1987.–176 с.

Никитин, Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. : монография / Н. И. Никитин. – Новосибирск : Наука, 1988. – 256 с.

Никитин, Н. И. Тобольская «литва» в XVII в. / Н. И. Никитин // Город и горожане России в XVII – первой половине XIX вв. – Москва, 1991. – С. 47–73.

Новлянская, М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири : монография / М. Г. Новлянская. – Ленинград : Наука, 1970. – 184 с.

Оборин, В. А. Некоторые вопросы археологического изучения уральских городов XVI–XVII вв. / В. А. Оборин // Памятники древнейшей истории Евразии. – Москва, 1975. – С. 264–270.

Оглоблин, Н. Н. Бытовые черты XVII века [Электронный ресурс] / Н. Н. Оглоблин // Русская старина. – Санкт-Петербург, 1892. – Т. 74. – 762 с. – 1 электрон. опт. диск (CD–ROM).

Огородников, В. И. Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI–XVIII вв. : монография / В. И. Огородников. – Иркутск : [б. и.], 1920. – 289 с.

Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 1997. – 944 с.

Окладников, А. П. Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра : монография / А. П. Окладников. – Москва ; Ленинград: Главсевморпуть, 1948. – 160 с.

Оружие наградное // Военная энциклопедия: в 8 т. / под ред. П. С. Грачева ; Институт военной истории МО РФ. – Москва, 1994. – Т. 6. – 639 с.

Осипов, Д. О. Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском кремле) : монография / Д. О. Осипов. – Москва: АКТЕОН, 2014. – 269 с.

Осипова, Н. О. Структурно-семиотический подход как аспект методологии гуманитарного знания / Н. О. Осипова // Введение в методологию гуманитарных исследований. – Киров, 2011. – С. 36–46.

Пархимович, С. Г. Детские игрушки в русских поселениях севера Сибири конца XVI–XVIII вв. / С. Г. Пархимович // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. : в 2 т. – Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014а. – Т. I. – С. 293–298.

Пархимович, С. Г. Коллекция артефактов из раскопок Березовского городища / С. Г. Пархимович // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. – Омск, 2008. – С. 215–227.

Пархимович, С. Г. Некоторые итоги изучения памятников русской колонизации Восточного Урала и Западной Сибири (XVI–XVII вв.) / С. Г. Пархимович // Проблемы урало-сибирской археологии. – Свердловск, 1986. – С. 140–142.

Пархимович, С. Г. Строительная обрядность в русских поселениях севера Западной Сибири конца XVI–XVIII вв. / С. Г. Пархимович // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. : в 2 т. – Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014б. – Т. II. – С. 28–39.

Перевалова, Е. В. Северные ханты: этническая история : монография / Е. В. Перевалова. – Екатеринбург : УрО РАН, 2004. – 414 с.

Петракова, А. Б. Русские ювелирные украшения XVIII века / А. Б. Петракова // Русский Антиквариатъ. – 2003. – № 3. – С. 14–17.

Полякова, Е. О. Бухарские купцы в русско-китайских торговых отношениях XVII в. / Е. О. Полякова // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2011. – № 4 (96). – С. 82–92.

Похлёбкин, В. В. История важнейших пищевых продуктов : монография / В. В. Похлёбкин. – Москва : Центрполиграф, 1997. – 553 с.

Преображенский, А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века : монография / А. А. Преображенский. – Москва : Наука, 1972. – 392 с.

Прыжов, И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа : монография / И. Г. Прыжов. – Санкт-Петербург : Авалонь, 2009–292 с.

Пузанов, В. Д. Беломестные казаки в Сибири в XVIII в. / В. Д. Пузанов // II Емельяновские чтения : Материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Курган, 2007. – С. 54–57.

Пузанов, В. Д. Русские полки «иноземного строя» в Сибири в XVII в. / В. Д. Пузанов // Вопросы истории. – 2006. – № 7. – С. 110–121.

Раев, Д. В. О посылке иноземцев в Сибирь в 1635 г. / Д. В. Раев, Д. Я. Резун // Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX вв. – Новосибирск, 2004. – С. 13–21.

Разгон, В. Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX века : монография / В. Н. Разгон. – Барнаул : АлтГУ, 1999. – 658 с.

Раскопки села Обдорского [Электронный ресурс]. – URL: http://xn--80aafdjbbvz3abujk7c0k.xn--p1ai/?page_id=1123. (дата обращения: 22.08.2016).

Резун, Д. Я. Летопись сибирских городов : монография / Д. Я. Резун, Р. С. Васильевский. – Новосибирск : Новосибирское кн. изд-во, 1989. – 304 с.

Резун, Д. Я. Сибирский город XVII – первой половины XIX века как явление русской культуры / Д. Я. Резун // Культурологические исследования в Сибири. – 2005. – №1(15). – С. 64–73.

Резун, Д. Я. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов : монография / Д. Я. Резун, М. В. Шиловский. – Новосибирск : Сова, 2005. – 193 с.

Ремнев, А. В. Как «чужая» земля становилась «русской»: народное историческое сознание в имперских стратегиях «обрусения» азиатских окраин / А. В. Ремнев // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. – Омск, 2008. – С. 27–38.

Розенфельдт, Р. Л. Игры детей / Р. Л. Розенфельдт // Древняя Русь. Быт и культура. – Москва, 1997. – 368 с.

Романова, Н. В. Сегменты социокультурного облика / Н. В. Романова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 2 (28). – С. 154–156.

Руденко, С. И. Сибирская коллекция Петра I / С. И. Руденко // Археология СССР. Свод археологических источников. – Москва ; Ленинград, 1962. – Вып. Д 3–9. – 79 с.

Русский традиционный костюм : иллюстрированная энциклопедия / авт.-сост. Н. Соснина, И. Шангина. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1999. – 400 с.

Рыбаков, С. В. История России с древнейших времен до второй половины XIX века / С. В. Рыбаков // Курс лекций. Ч. 1. – Екатеринбург, 1995. – 289 с.

Савельева, Е. А. Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого: Северная и Восточная часть Европы и Азии : монография / Е. А. Савельева, Ю. Н. Беспярых, В. Е. Возгрин. – Москва ; Ленинград : Институт истории СССР АН СССР, 1985–1986. – 446 с.

Самрина, Е. В. Борьба сибирских острогов за право сбора ясака у коренных народов Южной Сибири в XVII в. [Электронный ресурс] / Е. В. Самрина // Гуманитарные научные исследования. – 2012. – № 11. – URL: <http://human.snauka.ru/2012/11/1967> (дата обращения: 25.09.2015).

Семенова, В. И. Коллекция изразцов из раскопок Тюмени / В. И. Семенова // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст.: в 2 т. – Омск ; Тюмень; Екатеринбург, 2014. – Т. I. – С. 275–277.

Сизикова, И. В. Открытие сибирской епархии в целях укрепления российской власти и государственности / И. В. Сизикова // Теория и практика общественного развития. – 2013. – №1. – С. 242–244.

Силаева, И. А. Н. Н. Оглоблин как исследователь состава Тобольской администрации XVII в. / И. А. Силаева // Известия АлтГУ. – 2015. – № 4–1(88). – С. 236–239.

Скобелев, С. Г. Metallургия и металлообработка в Саянском остроге (1718

год – начало XIX века) по данным археологии / С. Г. Скобелев // Древняя металлургия Саяно-Алтая и Восточной Азии : материалы I Междунар. науч. конф. – Абакан, 2015. – С. 159–166.

Скобелев, С. Г. Саянский острог / С. Г. Скобелев // Саяногорск, Означенный. – Абакан, 2000. – С. 168–172.

Скобелев, С. Г. Саянский острог – памятник русской эпохи в истории Евразии / С. Г. Скобелев // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. – Новосибирск, 1999. – С. 185–207.

Скобелев, С. Г. Сложение в XVII–XVIII вв. единого комплекса предметов материальной культуры коренного и русского населения Средней Сибири [Электронный ресурс] / С. Г. Скобелев. – 2010. – URL: <http://zaimka.ru/skobelev-material-culture/> (дата обращения: 12.02.2015).

Скобелев, С. Г. Виды керамической продукции русских первопроходцев и старожилов Южной Сибири XVIII в. (на материалах Саянского острога) / С. Г. Скобелев, Р. С. Чуриков // Культура русских в археологических исследованиях. Междисциплинарные методы и технологии : сб. науч. ст. – Омск, 2011. – С. 377–383.

Славянская мифология : энциклопедический словарь. – Москва : Эллис Лак, 1995. – 416 с.

Словцов, П.А. Историческое обозрение Сибири : монография / П. А. Словцов. – Москва : ЁЁ-медиа, 2012. – 376 с.

Соколова, Н. Е. Изразцы Верхотурского кремля / Н. Е. Соколова // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. – Екатеринбург, 1998. – С. 165–170.

Софронов, В. Ю. Кризис воеводского управления в Сибири в конце XVII в. / В. Ю. Софронов // Четвертые университетские социально-гуманитарные чтения 2010 г. : материалы: в 3 т. – Иркутск, 2010. – Т. 2. – С. 582–588.

Софронов, В. Ю. Откуда земля сибирская пошла. [Электронный ресурс] / В. Ю. Софронов. – 2011 – URL: <http://siberia.ucoz.com>. (дата обращения: 12.09.2015).

Социальная структура ранних кочевников Евразии : монография / под ред.

Н. Н. Крадина, А. А. Тишкина, А. В. Харинского. – Иркутск : ИрГТУ, 2005. – 312 с.

Старцев, А. В. История предпринимательства в Сибири (XVII–XIX вв.) : монография / А. В. Старцев, Ю. М. Гончаров. – Барнаул : АлтГУ, 1999. – 215 с.

100 и двенадцать стульев из собрания Государственного исторического музея : альбом / под ред. К. Искольдской. – Москва : Константа, 2000. – 135 с.

Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша : монография / Д. А. Алисов [и др.] ; под ред. С. А. Алферова. – Омск : Амфора, 2014. – 332 с.

Тарская мозаика (история края в очерках и документах 1594–1917 гг.) / под ред. Г. Н. Орлова. – Омск : Омское книж. изд-во, 1994. – 200 с.

Татауров, С. Ф. Город Тара как военно-административный, экономический и культурный центр развития Прииртышья в конце XVI – первой половине XVIII вв. / С. Ф. Татауров // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. : в 2 т. – Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014. – Т. I. – С. 176–179.

Татауров, С. Ф. Город Тара – с чистого листа / С. Ф. Татауров // Культура русских в археологических исследованиях. Междисциплинарные методы и технологии : сб. науч. ст. – Омск, 2011. – С. 242–250.

Татауров, С. Ф. Археологические исследования в историческом центре г. Тары в 2012 г. / С. Ф. Татауров, М. П. Черная // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2012 г. – Новосибирск, 2012. – Т. XVIII. – С. 288–292.

Татауров, Ф. С. Западноевропейское стекло XVII века в Тарской крепости (по материалам археологических исследований) / Ф. С. Татауров // Материалы VIII региональной научно-практической конференции «Вагановские чтения». – Омск, 2016. – С. 51–54.

Татауров, Ф. С. Планиграфия русских поселений Западной Сибири в XVII–XVIII вв. как показатель социального статуса (по материалам археологических исследований) / Ф. С. Татауров // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. к 50-летию Л. В. Татауровой. – Омск, 2015. – С. 206–213.

Татауров, Ф. С. Систематизация археологических коллекций как инструмент для воссоздания социального облика русского населения Западной Сибири конца XVI – первой половины XVIII вв. / Ф. С. Татауров // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. : в 2 т. – Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014. – Т. I. – С. 293–298.

Татауров, Ф. С. Статусные вещи в культурной жизни русских Западной Сибири XVII–XVIII вв. (по материалам археологических исследований) / Ф. С. Татауров // Материалы LIII региональной (VIII Всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. – Владивосток, 2013. – С. 266–267.

Татауров, Ф. С. Статусные вещи как основание для сравнения сельского и городского общества Западной Сибири в XVII–XVIII веках / Ф. С. Татауров // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. – Омск, 2014а. – С. 192–197.

Татауров, Ф. С. Статусные вещи с территории Омской крепости – маркеры социального быта западносибирского русского общества начала XVIII века / Ф. С. Татауров // Материалы научной конференции II Ядринцевские чтения. – Омск, 2014б. – С. 89–92.

Татауров, Ф. С. Школы, основные центры производства и характер распространения фарфора из археологических памятников Западной Сибири / Ф. С. Татауров // Культура русских в археологических исследованиях. Междисциплинарные методы и технологии : сб. науч. ст. – Омск, 2011. – С.180–189.

Татаурова, Л. В. Археология о культуре русских Омского Прииртышья / Л. В. Татаурова // Русские старожилы. Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири. – Тобольск ; Омск, 2000б. – С. 421–423.

Татаурова, Л. В. Женские кожаные туфли на высоком каблуке XVII – XVIII вв. (по материалам археологических комплексов русских Омского Прииртышья) / Л. В. Татаурова, В. Б. Богомоллов // Археология, этнография и антропология Евразии.

– 2016в. – № 44(2). – С. 109–117.

Татаурова, Л. В. Костюм русских сибиряков XVII–XVIII вв. и его социальное значение по данным археологии / Л. В. Татаурова, Ф. С. Татауров // Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время : материалы Международ. науч.-образоват. семинара 24–25 сентября 2015 г. – Тверь, 2015. – С. 75–83.

Татаурова, Л. В. Металлические пряжки в костюмных комплексах русских: по археологическим материалам Омского Прииртышья / Л. В. Татаурова // Вестник Омского университета. Серия «исторические науки». – 2016б. – № 4(12). – С.111–116.

Татаурова, Л. В. Нательные кресты как конфессиональный маркер (по археологическим материалам русского комплекса Изюк-1) / Л. В. Татаурова // Гуманитарные исследования в Сибири. – 2016а. – № 2. – С. 28–32.

Татаурова, Л. В. О благосостоянии жителей сибирской деревни XVII–XVIII вв. (по археологическим материалам русских памятников Омского Прииртышья) / Л. В. Татаурова, Ф. С. Татауров // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. – Омск, 2012. – С. 5–9.

Татаурова, Л. В. Основные направления в изучении культуры русских Сибири по данным археологии / Л. В. Татаурова // Культура русских в археологических исследованиях. Междисциплинарные методы и технологии : сб. науч. ст. – Омск, 2011. – С. 16–25.

Татаурова, Л. В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII – XIX вв. По материалам комплекса Изюк-1 : монография / Л. В. Татаурова. – Омск : Апельсин, 2010. – 284 с.

Татаурова, Л. В. Специфика археологического источника Нового времени / Л. В. Татаурова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2015. – № 3 (36). – С. 98–103.

Татаурова, Л. В. Система жизнеобеспечения сибирской деревни Ананьино в XVII–XVIII вв. (по археологическим и письменным источникам) / Л. В. Татаурова, А. А. Крих // Былые годы. – 2015. – С. 479–490.

Тернер, Ф. Дж. Фронтир в американской истории. Пер. с англ. : монография /

Ф. Дж. Тернер – Москва : Весь Мир, 2009. – 304 с.

Тимонин, Е.И. Государственное и региональное управление Сибирью в XVII в. / Е. И. Тимонин // Инновационное образование и экономика. – 2008. – № 3 (14). – С. 84–86.

Топоров, В. Н. Вещь в антропоцентрической перспективе / В. Н. Топоров // *Aequinox*. – Москва, 1993. – С. 70–94.

Тресвятский, Л. А. Влияние Русской православной церкви на уровень религиозности сибиряков / Л. А. Тресвятский // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2010. – № 10. – С. 88–96.

Троицкая, Т. Н. Археологическая карта Новосибирской области : монография / Т. Н. Троицкая, В. И. Молодин, В. И. Соболев. – Новосибирск : Наука, 1980. – 183 с.

Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII – начала XX века : монография / под. ред. В. А. Александрова. – Москва : Наука, 1979. – 248 с.

Черная, М. П. Воеводская усадьба в Томске : монография / М. П. Черная. – Томск : Д'Принт, 2015. – 276 с.

Черная, М. П. Власть и престиж воеводы в историко-археологическом контексте усадьбы / М. П. Черная // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань, 2014а. – Т. III. – С. 678–680.

Черная, М. П. Русская археология как новое направление в сибиреведении / М. П. Черная // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. – Москва, 2008. – С. 482–515.

Черная, М. П. Сибирский город конца XVI – начала XVIII вв. в историко-археологическом отражении (историографический аспект) / М. П. Черная // Вестник Томского государственного университета. История. – 2009. – № 3 (7). – С. 95–112.

Черная, М. П. «Сквозь окошечко косящатое... Сквозь стеколинку стеколчату» / М. П. Черная // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. : в 2 т. – Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014б. – Т. I. – С. 307–312.

Черная, М. П. Томский кремль середины XVII–XVIII в. : монография / М. П.

Черная. – Томск : ТГУ, 2002. – 194 с.

Чиндина, Л. А. Сапоги из Томского кремля и могильника Мигалка / Л. А. Чиндина, М. П. Черная, В. С. Володина, М. А. Капитонова // Археолого-этнографические исследования в южнотаежной зоне Западной Сибири. – Томск, 2003. – С. 68–72.

Чурсина, А. А. Участие служилых людей Западной Сибири в торговле и промыслах (по материалам таможенных книг Томска и Кузнецка XVII в.) / А. А. Чурсина // Вестник Томского государственного университета. – 2005. – № 288. – С. 113–117.

Шаповалов, А. В. Саянский острог – памятник материальной культуры русских первопроходцев Южной Сибири XVIII в. / Автореф. дисс. канд. ист. наук: 07.00.06 / Шаповалов Андрей Валерьевич. – Новосибирск, 1997. – 23 с.

Шаповалов, А. В. Табак в Западной Сибири в XVII–XVIII вв. / А. В. Шаповалов // Чуждое – чужое – наше. Наблюдения к проблеме взаимодействия культур. – Новосибирск, 2000. – С. 107–121.

Шелегина, О. Н. Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири в XVIII – начале XX века: (К постановке проблемы) : монография / О. Н. Шелегина. – Новосибирск : Сибирская научная книга, 2005. – 192 с.

Шелегина, О. Н. Историко-этнографические аспекты адаптации русского крестьянства Западной Сибири в XIX столетии / О. Н. Шелегина // Народы Сибири: история и культура. – Новосибирск, 1997. – С. 113–120.

Шелегина, О. Н. Русские крестьяне Западной Сибири: Особенности материальной культуры в XVIII – первой половине XIX вв. / О. Н. Шелегина // Материальная культура народов России. – Новосибирск, 1995. – С. 65–81.

Ширин, Ю. В. Керамика XVIII в. из деревень в окрестностях Кузнецка / Ю. В. Ширин // Кузнецкая старина. – 2003. – Вып. 5. – С. 16–33.

Шкаратан, О. И. Социология неравенства. Теория и реальность : монография / О. И. Шкаратан. – Москва : ВШЭ, 2012. – 526 с.

Шунков, В. И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век) :

монография / В. И. Шунков. – Москва : АН СССР, 1956. – 432 с.

Шунков, В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков : монография / В. И. Шунков. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1946. – 228 с.

Щапова, Ю. Л. Введение в вещеведение: естественнонаучный подход к изучению древних вещей : учебное пособие / Ю. Л. Щапова. – Москва : МГУ, 2000. – 144 с.

Этнография русского крестьянства Сибири. XVII – середина XIX вв. монография / отв. ред. В. А. Александров. – Москва : Наука, 1981. – 270 с.

Явшева, Д. А. Животноводство и охота русского населения лесостепного Прииртышья / Д. А. Явшева, А. Е. Некрасов, Л. В. Татаурова // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. – Омск, 2008. – С. 356–367.

Ядринцев, Н. М. Женщина в Сибири в XVII и XVIII столетиях. Исторический очерк / Н. М. Ядринцев // Женский вестник. – 1867. – № 8. – С. 104–123.

Ядринцев, Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении : монография / Н. М. Ядринцев. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. – 560 с.

Binford, L. Archaeology as Anthropology // American Antiquity. 1962. pp. 217–225.

Glushkova, T. N. Textiles of the 17th and 18th centuries from the excavations of Tara fortress (Western Siberia, Russia) / T. N. Glushkova, S. Ph. Tataurov, S. S. Tikhonov // Archaeological Textiles Review. 2016. No. 57. pp. 25–32